

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2011
2 (14)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2011
2 (14)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор.

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук.

Виноградов Виктор Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН.

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор.

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук.

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор.

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор.

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич, доктор филологических наук, профессор.

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук.

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор.

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор.

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук.

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор.

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор.

Редактор-составитель выпуска – **Н.В. Уфимцева**.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Выходит 1 раз в полугодие с 2003 года.

Перепечатка материалов из журнала

допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2011

© Учреждение Российской академии наук

Институт языкознания РАН, 2011

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2011

Подписано в печать 12.10.2011. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Зак № 0211. Усл. печ. л. 22. Тираж 500 экз.

Отпечатано «Наша Полиграфия», г. Калуга, Грабцевское шоссе, 126

тел. (4842) 77-00-75

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS

Registration number № ФС 77-38423

EDITORIAL BOARD

E.F. Tarasov, Editor in Chief, Dr., Professor (Philology)
N.V. Ufimtseva, Managing Editor, Dr., Professor (Philology)
T.V. Ahutina, Dr., Professor (Psychology)
O.V. Balyasnikova, Ph.D. (Philology)
V.A. Vinogradov, Dr., Professor (Philology)
V.E. Gol'din, Dr., Professor (Philology)
S.V. Dmitryuk, Executive Assistant Ph.D. (Philology)
A.A. Zalevskaya, Dr., Professor (Philology)
V.I. Karasik, Dr., Professor (Philology)
A.V. Kirilina, Dr., Professor (Philology)
I.Yu. Markovina, Ph.D. (Philology)
E.Yu. Myagkova, Dr., Professor (Philology)
I.A. Strenin, Dr., Professor (Philology)
L.M. Terentiy, Ph.D. (Politology)
V.I. Shahovskiy, Dr., Professor (Philology)
L.A. Shkatova, Dr., Professor (Philology)

Scientific journal of theoretical and applied researches

2 issues per year

The journal has been published since 2003

All rights are reserved

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2011

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2011

© Moscow institute of linguistics, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙНАЯ ДАТА

Ревекке Марковне Фрумкиной – 80!	8
Татьяне Васильевне Ахутиной – 70!	10
Александру Петровичу Василевичу – 70!	12
Владимиру Ильичу Жельвису – 80!	14

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.Н. Ушакова, Т.В. Сметанина. Репрезентация полисемических структур в вербальной системе человека.....	16
А.А. Боронин. Инвариант в текстовой проекции (интерпретация персонажных субтекстов в условиях эксперимента).....	28
В.И. Шаховский. Модус кажимости: пассионарность оскорблений реальных и кажущихся	36
В.Н. Базылев, В.Г. Красильникова. Измерение компетенции «понимание текста»..	42
И.Ю. Марковина. Перевод как этнопсихолингвистический феномен	48
Н.В. Дмитриук. К вопросу о трансформации языкового сознания русских в условиях диаспорального проживания в инокультурной среде	52
Е.А. Маклакова. К проблеме описания психолингвистического значения наименований лиц.....	62
Н.И. Курганова. Исследование когнитивных операций и стратегий россиян и французов на базе ассоциативных полей.....	68
Я.А. Волкова. Деструктивность смеха: когнитивно-дискурсивный аспект	80
Л.М. Терентий. Специфика интенциональной структуры успешного дипломатического дискурса закрытого типа: психолингвистический анализ.....	88
А.А. Григорьев, И.В. Ощепков. Возраст усвоения названий предметов детьми 2,5-6,5 лет. Сопоставительный анализ данных носителей русского и английского языков	96
Н.И. Миронова. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы	108

ДИСКУССИЯ

И.А. Бубнова, Ван Юн. Конфуцианство в русском языковом сознании	120
---	-----

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Е.А. Нежура. Интерсемиотическая проксонимия в поликодовых рекламных текстах: экспериментальное исследование.....	128
О.Ю. Черных. Семиотические способы нейтрализации гендера в учебниках для 1-го класса.....	138
Ю.А. Курилович. Русские и англоязычные деловые письма побуждения в электронной коммуникации.....	142
А.А. Романова. Смысловая организация рассказов по картинкам у детей с аутистическими расстройствами	150
В.В. Пушкарева. Современные подходы к изучению представлений человека о времени и пространстве	164

ПУБЛИЦИСТИКА

В.И. Жельвис. Территория призраков.....	174
А.П. Василевич. Ленинец не может быть ленивым.....	177

НАШ АРХИВ

Р.М. Фрумкина. Рецепция классики в лингвистике. Критика оснований в лингвистике и вокруг	181
Т.В. Рябова (Ахутина). Механизм порождения речи по данным афазииологии.....	194

РЕЦЕНЗИИ

Е.И. Горошко. О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С.А. Биби и Ж.В. Зарицкая (под науч. ред. О.И. Матьяш) Межличностная коммуникация: теория и жизнь. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.	206
Т.В. Ахутина. Майкл Томаселло. Истоки человеческого общения. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 323 с.	209

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Татьяна Слама-Казаку (1920 – 2011)	211
---	------------

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.Д. Арзамасцева. Международная конференция «Жизнь языка в культуре и социуме – 2»	212
---	------------

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	214
----------------------------------	------------

ИНФОРМАЦИЯ	216
-------------------------	------------

CONTENTS

ANNIVERSARY DATE

Revekka Markovna Frumkina is 80!	8
Tatiana Vasilievna Ahutina is 70!	10
Alexandr Petrovich Vasilevich is 70!	12
Vladimir Il'ich Zhel'vis is 80!	14

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL RESEARCH

T.N. Ushakova, T.V. Smetanina. The Representation of Polysemic Structures in Human Verbal System	16
A.A. Boronin. An Invariant in Text Mental Projection (Interpretation of Characters' Microtexts under Experimental Conditions)	28
V.I. Shahovskiy. Modus of Seemingness: Passionary Insult, Real and Seeming.....	36
V.N. Bazylev, V.G. Krasil'nikova. Assessing "Text Comprehension" Competence	42
I.Yu. Markovina. Translation as an Ethnopsycholinguistic Phenomenon	48
N.V. Dmitryuk. Russian Language Conscience Transformation in the Diaspora Living Conditions of the Foreign Cultural Surrounding	52
E.A. Maklakova. To the Problem of the Psycholinguistic Meaning of Persons' Nomination	62
N.I. Kurganova. Study of Cognitive Operations and Strategies of Russian and French People through Association Fields	68
Ya.A. Volkova. The Destructiveness of Laughter: Cognitive-Discourse Aspect.....	80
L.M. Terentiy. Psycholinguistic Analysis of an Intention Structure in Successful Diplomatic Discourse of a Closed Type	88
A.A. Grigoriev, I.V. Oschepkov. Age of Object Names Acquisition for Children of 2.5 – 6.5 years old. Comparative Analysis of Russian and English Data	96
N.I. Mironova Associative Experiment: Methods of Data Analysis and Analysis Based on the Universal Scheme	108

DISCUSSION

I.A. Bubnova, Wang Yong. Confucianism in the Russian Language Consciousness	120
--	-----

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

E.A. Nezhura. Intersemiotic Proxonymy in Polycode Advertisement Texts: Experimental Study.....	128
O.Yu. Chernykh. Semiotic Means of Gender Neutralization in the Textbooks for the 1st Form.....	138
Yu.A. Kurilovich. Russian and English Business Encouraging Letters in Electronic Communication.....	142
A.A. Romanova. Semantic Organization of Stories Made up by Children with Autistic Disorders with the Help of Pictures.....	150
V.V. Puskaryova. Major Approaches to the Study of Notions of Time and Space in Modern Science	164

JOURNALISM

V.I. Zhelvis. The Ghosts' Area.....	174
A.P. Vasilevich. A Follower of Lenin Can't be Idle.....	177

OUR ARCHIVES

R.M. Frumkina. Reception of the Classics in Linguistics. Bases Criticism in Linguistics and Around **181**

T.V. Ryabova (Ahutina). The Mechanism of Speech Production According to a Phasiology Data **194**

BOOK REVIEWS

E.I. Goroshko. O.I. Mat'yash, V.M. Pogol'sha, N.V. Kazarinova, S.A. Bibi and Zh. V. Zaritskaya. Interpersonal Communication: Theory and Life. – SPb., 2011. – 560 p. **206**

T.V. Ahutina. Michael Tomasello. Origins of Human Communication. – Moscow, 2011. – 323 p. **209**

IN COMMEMORATION OF THE SCIENTIST

Tatiana Slama-Cazacu (1920 – 2011)..... **211**

SCIENTIFIC LIFE

A.D. Arzamastseva. International Conference “Language Existence in Culture and Society – 2” **212**

NOTES ON CONTRIBUTORS..... **214**

INFORMATION..... **216**

СЛОВО О ПЕРВОМ УЧИТЕЛЕ

Юбилей – это всегда «праздник со слезами на глазах». Время бежит неумолимо, и чем мы старше, тем быстрее это происходит. И все же юбилей – рубеж, повод, позволяющий осмотреться и осмыслить прожитое. А это приятно, если есть чем гордиться. Именно такой юбилей сегодня у **Ревекки Марковны Фрумкиной** (позволю называть ее РМ, как это было принято среди ее учеников и соратников).

Трудовая биография РМ в Академии наук началась сразу же после окончания филфака МГУ и длится уже полвека. Весь свой путь от м.н.с. до д.ф.н., профессора и главного научного сотрудника она прошла, не уронив высокого звания ученого.

К числу знаковых монографий, ставших, не побоюсь этого слова, событиями в научной жизни, можно отнести «Статистические методы изучения лексики» (1964), «Вероятность элементов текста и речевое поведение» (1971), «Цвет, смысл, сходство» (1984). А вообще она опубликовала десятки книг и сотни статей – это выдающийся вклад в отечественную науку, который вдохновлял и будет вдохновлять не одно поколение исследователей по проблемам математической лингвистики, семантики, когнитивной лингвистики и общим вопросам теории языка и речевой деятельности. Я уж не говорю о десятках конкретных проблем: статистическая структура текста

«Капитанской дочки», зрительное восприятие элементов текста, детская речь, патология речи, экспериментальное исследование различных лексических групп от названий цвета до названий предметов утвари...

Ее всегда отличает стремление открывать новые пути, работать профессионально, глубоко вникать в сущность любой проблемы, виртуозно отделять зерна от плевел. Как сказал про нее в свое время Э.А. Макаев, «у нее мужской ум».

Конечно, полный библиографический список занял бы слишком много места, но игра стоит свеч. Я искренне надеюсь, что рано или поздно такой список будет опубликован.

Уже более полувека РМ является, не побоюсь этого слова, украшением науки. Это один из живых классиков отечественной психолингвистики и, можно сказать, основоположник целых научных областей – таких, как статистические методы в лингвистике или психометрические методы обработки экспериментальных данных (чего стоит одна только работа «О специфике гипотез в психолингвистике», 1980). Собственно, сам эксперимент по-настоящему вошел в психолингвистику и утвердился там во многом благодаря деятельности школы Фрумкиной.

Кстати, о преемственности. РМ всегда охотно работала с молодыми. Ни один из существующих учебников по психолингвисти-

ке не выдержал столько изданий: он по праву считается настольной книгой студентов сразу нескольких специальностей. Многим посчастливилось слушать ее лекции, некоторым – пройти у нее курс аспирантуры. Ну, а десятки молодых исследователей получили толчок к занятиям наукой, благодаря легендарному домашнему семинару РМ. Эти «птенцы гнезда» с удовольствием относят себя к Школе РМ, хотя формально она нигде и не зафиксирована. Мне посчастливилось стать первым учеником РМ и пройти бок о бок многие года, перенимая все – от основных идей и образа мышления до литературного стиля.

«Ученым движет мысль, подобно тому, как влюбленным движет страсть. Сама по себе страсть не гарантирует взаимности, но сообщает определенным переживаниям ценность и осмысленность». Так писала РМ. в своей книге «О нас – наискосок». И далее она развивает мысль, что хотя результат очень важен, ученый интенсивно живет процессом поиска, сколько бы мучительным он ни был. В ее собственной биографии постоянный процесс поиска счастливым образом сочетается с чередой выдающихся открытий и творческих удач. Она поставила в нашей науке планку, которую не многим дано преодолеть, но, по крайней мере, мы все имеем эталон, с которым может соизмерять собственные возможности и собственные достижения. Может быть, именно за это мы более всего ценим и любим РМ.

И вот еще о чем хотелось бы сказать. Автобиографическая книга «О нас – наискосок» (1997) обозначила поворот в творчестве РМ. Наряду с обычными занятиями наукой, она стала все большее внимание уделять осмыслению собственного (замечу: уникального!) опыта – как научного, так и просто житейского. Здесь и книги «Мне некогда, или осторожные советы молодой женщине» (2004) или «Внутри истории. Эссе, статьи, мемуарные очерки» (2002), и серия публикаций в литературных журналах по самым разным литературоведческим, социологическим и даже политическим вопросам. Вот неполный перечень журналов, публиковавших ее

статьи и заметки в последние 10 лет: «Неприкосновенный запас», «НЛО», «Отечественные записки», «Новый Мир», «Знамя», «Критическая Масса».

А вот несколько названий работ, характеризующих область нынешних интересов РМ:

2001 г. – «Извините за выражение...»; «Лингвистика вчера и сегодня»;

2002 г. – «Российская цивилизация: факты и мифы», «Люблю отчизну я, но странною любовью... *Идеологический дискурс как объект научного исследования*»;

2003 г. – «Единственное место, где молодой мечтает стать старым», «Жаль, что вас не было с нами»;

2004 г. – «Там, где в пространстве затерялось время... *О пользе когнитивного диссонанса*», «Трехгрошовая наука»;

2005 г. – «Женский портрет в мужском интерьере», «Социальная структура или социальный хаос?»;

2006 г. – «Свобода информации или "свобода" от информации?», «Счастлив тот, кто сумел вещей постигнуть причины...»;

2007 г. – «У меня депрессия...», «Анатомия одной рецепции: культурно-историческая психология Выготского-Лурия»;

2008 г. – «Вакансия поэта»;

2009 г. – «Вид сквозь дырку от бублика»;

2010 г. – «Наедине с экраном».

2011 г. – *Монография «Сквозь асфальт»*, – М.: НЛО. 300 с. (в печати).

По интернет-публикациям она вполне может составить конкуренцию самым известным блогерам. Учитывая ее исключительно «легкое перо», работы РМ вызывали и вызывают огромный интерес у читающей публики. Все эти публикации неизменно попадают в центр внимания коллег и самого широкого круга интеллектуалов. В 2011 году РМ стала лауреатом Премии в области просветительской литературы.

Сердечно поздравляя Ревекку Марковну, мы желаем ей быть по возможности здоровой, с неувядающим творческим порывом, который позволит нам всем и впредь учиться на ее трудах и получать от них интеллектуальное и эстетическое удовольствие.

А.П. Василевич

15 августа 2011 года исполнилось 70 лет **Татьяне Васильевне Ахутиной**, профессору, доктору психологических наук, заведующей Лабораторией нейропсихологии факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, создателю модели порождения речи по данным нейролингвистики, лидеру одного из новых и широко востребованных направлений нейропсихологии – диагностики и коррекции трудностей обучения.

Т.В.Ахутина родилась г. Дзержинске Горьковской области, куда эвакуировалась ее мать Е.Н. Грузинцева, известный дефектолог, которая слушала лекции Л.С. Выготского и бережно хранила стенограмму его доклада и прижизненные издания его книг. Отец, В.И. Рябов, был офицером Советской Армии. В 1958 Т.В.Ахутина (Рябова) поступила на дефектологический факультет Московского государственного Педагогического Института им. В.И. Ленина на отделение логопедии. За время учебы активно работала в НСО, на 5 курсе была приглашена работать логопедом в руководимую проф. А.Р. Лурия лабораторию нейропсихологии Института нейрохирургии им. Н.Н.Бурденко АМН. Это определило дальнейший научный путь Т.В.Ахутиной. В 1962 – 1964 гг. она работает в лаборатории,

потом поступает в аспирантуру, ее научный руководитель Л.С. Цветкова предлагает тему «Динамическая афазия».

В 1966 г. по рекомендации А.Р. Лурия А.А.Леонтьев приглашает Т.В. Ахутину на работу во вновь организуемую группу психолингвистики в Научно-методическом центре русского языка при МГУ имени М.В.Ломоносова. С 1966 по 1972 г. она плодотворно работает в этой группе младшим научным сотрудником. После написания статьи «Модель порождения речи по данным афазии» (1967) А.А.Леонтьев предлагает Т.В. Ахутиной (Рябовой) быть соредктором сборников по психолингвистике и методике обучения второму языку – всего было выпущено 7 сборников.

В 1972 г. Т.В. Ахутина переходит на работу на факультет психологии МГУ и проходит путь от младшего научного сотрудника, до старшего научного сотрудника (1976) и заведующей лабораторией нейропсихологии (1992). Еще ранее (в 1970 г.) она защищает на факультете кандидатскую диссертацию и там же докторскую диссертацию на тему «Нейролингвистический анализ механизмов синтаксиса» (1990), где на основе взглядов Л.С. Выготского на речемышление развивает модель

порождения речи, вошедшую в классику отечественной психолингвистики под названием модели А.А Леонтьева – Т.В.Ахутиной.

Изучение механизмов речи в норме и патологии (афазии) позволило не только описать синдром динамической афазии, создать модель порождения речи, но и разработать методы оценки речи у больных с афазией (совм. с Л.С.Цветковой и Н.М.Пылаевой, 1981) и методы восстановления речи у больных с грубой сенсо-моторной афазией.

С 1990 г. Т.В. Ахутина активно включается в детскую нейропсихологию, в разработку методов нейропсихологической помощи детям с отклонениями в развитии. Развивая идеи Л.С. Выготского и А.Р. Лурия, сотрудники Лаборатории нейропсихологии под руководством Т.В. Ахутиной разработали Методику нейропсихологического исследования детей 6 – 8 лет и методы «следящей диагностики», т.е.нейропсихологического наблюдения за учебной и игровой деятельностью детей, позволяющие конкретизировать механизм трудностей обучения.

Лаборатория нейропсихологии справедливо считается лидером в разработке коррекционно-развивающих нейропсихологических методик по преодолению трудностей обучения. В школьной практике и при подготовке к школе широко используются 4 коррекционных методики, разработанных сотрудниками Т.В. Ахутиной. Одна из них, «Школа внимания», созданная совместно с Н.М. Пылаевой, многократно переиздавалась на русском, финском, испанском и словацком языках. Методология нейропсихологического подхода к преодолению трудностей учения отражена в детальном учебно-методическом пособии (2008).

Т.В. Ахутина является проводником идей нейропсихологии Л.С. Выготского – А.Р. Лурия за рубежом. Этой теме посвящены ее статьи, переведенные на английский, немецкий и испанский языки, и книга «Overcoming Learning Disabilities: Vygotsky-Luria neuropsychological approach» (соавтор Н.М. Пылаева), которая издается Cambridge University Press. Она была членом и председателем Программного комитета I и II Международных конференций памяти А.Р.Лурия. Совместно с известным амери-

канским психологом Майклом Коулом ею был организован симпозиум «Подход к науке реабилитации с позиций культурно-исторической психологии» на Конгрессе Международного общества культурно-исторической психологии и теории деятельности (ISCAR) 2008. Ее регулярно приглашают читать лекции и доклады за рубежом, в том числе в Мексике, Бразилии, Колумбии, Португалии, Испании, Финляндии, Швеции и Польше.

Татьяна Васильевна Ахутина является автором 225 научных трудов и редактором 15 книг, от «Основ нейролингвистики» А.Р. Лурия (1975) до перевода монографии М. Томаселло «У истоков человеческого языка» (2011). Она ведет большую педагогическую работу, читая курсы по детской нейропсихологии и нейропсихологической коррекции в МГУ и МГППУ. Ею подготовлено 2 доктора наук и 8 кандидатов наук.

Профессор Т.В. Ахутина ведет значительную общественно-научную работу. Она является членом редколлегий 5 отечественных и зарубежных научных журналов. Т.В. Ахутина – действительный член Академии педагогических и социальных наук (1997); член нескольких международных научных обществ - INS, ISCAR, APA, NAN.

За успехи в научной и педагогической работе Т.В. Ахутина награждена медалями К.Д Ушинского (2004), Г.И. Челпанова (2007), знаком «Почетный работник высшего и профессионального образования» (2001), знаком «Заслуженный научный сотрудник МГУ» (1998), нагрудным юбилейным знаком «250 лет МГУ» (2005).

Профессору Т.В. Ахутиной в огромной мере свойственны любовь к науке, широта и глубина познавательных интересов, преданность своим великим учителям. Она не только сохраняет традиции научной школы Л.С. Выготского – А.Р. Лурия, но и развивает их идеи. Скромность и отзывчивость наряду с ответственностью и научной принципиальностью – отличительные черты ее облика.

Сердечно поздравляя уважаемую Татьяну Васильевну с юбилеем, мы желаем ей крепкого здоровья и долгих лет, наполненных творческим поиском, успехами, радостью жизни и вниманием учеников.

Александр Петрович Василевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания Академии наук РФ, заведующий кафедрой лингводидактики и методики преподавания иностранных языков Московского государственного областного университета, автор двенадцати монографий и 170 статей, научный руководитель ряда успешно защитившихся аспирантов. Этот сухой перечень можно продолжать. Но главная черта и то самое «ключевое слово», которое характеризует Александра Петровича, – это деятельность. Деятельностный подход свойственен ему во всем. Оригинальные экспериментальные работы, поражающие тщательностью обработки результатов, но в еще большей степени – нетривиальностью постановки задачи исследования (цвет как составляющая индивидуального стиля писателя, модная цветовая гамма, имена цвета с точки зрения ономастики, жизнь слов в языке, алкоголь-

ная лексика и т.д.). Теоретические исследования Александра Петровича, в частности его докторская диссертация «Языковая картина мира цвета», имеют и яркий прикладной характер – им создан наиболее полный на настоящий момент Каталог названий цвета в русском языке, включающий 2,5 тыс. слов.

Став заведующим кафедрой лингводидактики МГОУ, Александр Петрович, особое внимание в последние годы уделяет проблемам преподавания иностранного языка. И в этой области его исследования актуальны и востребованы: лекции по методике преподавания иностранного языка детям младшего возраста собирают студентов не только педагогического отделения, но и других отделений лингвистического факультета. Проблемы тестирования знаний и разработка многочисленных тестов на знание английского языка находят применение в процессе обучения студентов и школьников.

Широк круг интересов юбиляра и в области теории языка. Блестящее образование – первый выпуск отделения структурной и прикладной лингвистики МГПИИЯ им. Тореца, аспирантура Института языкознания, работа в секторе психолингвистики с 1968 г. по настоящее время способствовали формированию глубокого ученого. Совместно с Р.М.Фрумкиной он являлся пионером в изучении лексической группы «цветонаименования» в отечественной психолингвистике. С уверенностью можно сказать, что эти работы стали классическими. На проведение своих исследований

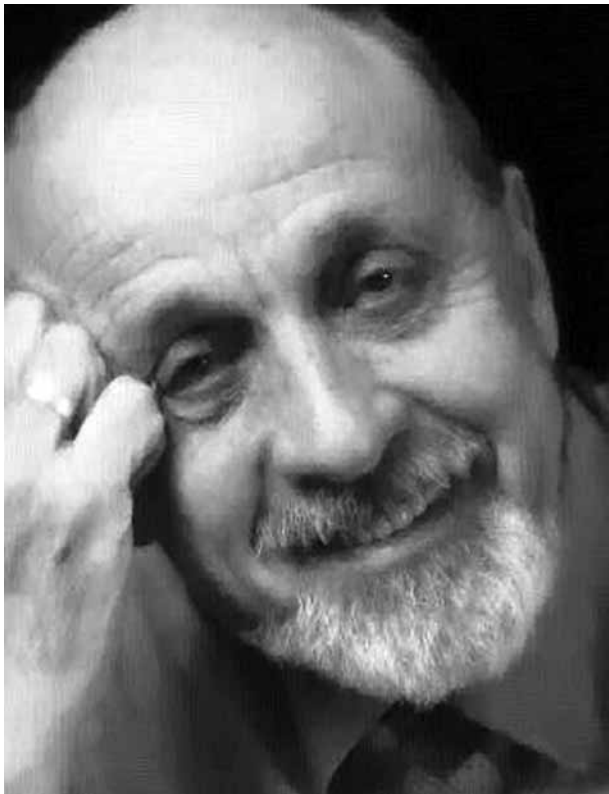
Александр Петрович неоднократно получал гранты соответствующих организаций, в частности, Фонда Сороса.

Александр Петрович – это всегда энергия. Его коллеги по Институту языкознания наверняка помнят капустники, непрерывным участником которых он был. А студенты с трудом могут угнаться за профессором, быстро шагающим по коридору и по дороге успевающим решить многочисленные проблемы.

С юбилеем, дорогой Александр Петрович!

*Доктор филологических наук, профессор
И.И. Валуйцева*

Псих

«Характер русского человека многослоен и противоречив, в нем сочетаются Петр Великий, князь Мышкин и Хлестаков... Впрочем, все это мы знаем и так. Зачем же нужна эта книга нам, русским? Зачем же нам «наблюдать» за собой? Ответ будет простым — потому что мы не понимаем сами себя».

В.И. Жельвис

В августе 2011 года отметил 80-летний юбилей ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЖЕЛЬВИС.

В Ярославле – городе, где он много лет живет и работает – его знают не только, как крупного лингвиста, доктора наук, профессора, но как знатока ярославского края, истории города, литературы, поэзии, театра, изобразительного искусства. В профессиональных кругах он известен и уважаем как признанный *инвекционист*, автор многочисленных научных и публицистических работ. Он прекрасный преподаватель, выдающийся ученый, достойно прошедший непростой путь к своему 80-летию.

Редколлегия журнала

«Вопросы психолингвистики» поздравляет Владимира Ильича и его семью с замечательной датой!

Краткая биография

(написана от третьего лица, но читатель легко узнает ироничный стиль юбиляра)

Владимир Ильич Жельвис родился в Ленинграде, как в коммунистические времена назывался Санкт-Петербург. Ему удалось пережить террор сталинских «чисток», равно как и кровавую Вторую мировую войну (он был в Ленинграде во время блокады).

После этого ему было уж вовсе легко прожить в годы послевоенной разрухи, при этом он смог получить университетское образование. Затем он отправился на Дальний

Восток, где встретился со своей будущей женой, которая впоследствии родила ему двух дочерей.

Семейная жизнь не помешала ему написать две диссертации, одну по филологии, другую по психолингвистике, а также книгу о психологических и социальных аспектах брани. Теперь он может ругаться приблизительно на 80 языках, что очень помогает ему в его преподавательской деятельности.

Сейчас он живет в древнем русском городе Ярославле со своей женой Стеллой и доbermanом Клиффом и преподает в местном педагогическом университете.

Фрагменты из разных статей юбиляра

«Может быть, и в самом деле Россия поможет миру понять смысл жизни?»

***

«Говорят, что где-то в мире есть страны, правительство которых еще менее эффективно, чем в России...»

***

«Весьма часто русский нарушает закон, даже если в данном случае от этого никакой выгоды ему не будет...»

***

«В настоящее время в России цензура отсутствует, но слово "нецензурный" продолжает существовать в прежнем значении: лексика запрещенная к произношению в общественном месте или к опубликованию в любом виде...»

***

«Не существует ничего непристойного для всего человечества. Непристойным может быть только то, что и данной национальной культуре и в данный момент определено как непристойное...»

***

«Как ни странно на первый взгляд, в русскоязычном вокабуляре нет раз и навсегда установленного термина, охватывающего все виды оскорбительных высказываний...»

***

«Можно ли лукавством уклониться от судебного преследования?»

ОЧЕРК-ПОЗДРАВЛЕНИЕ ИЗ ГЕРМАНИИ

Моё знакомство с психолингвистом, профессором Владимиром Ильичём Жельвисом состоялось, уже можно сказать, в далёкие 90-е, когда я заканчивал обучение на факультете культурологии, отделении лингвистики в Европейском университете Виадрины во Франкфурте-на-Одере на семинаре по культурным аспектам табу у профессора Хартмута Шрёдера. Мне в глаза бросилось название одной библиографической позиции на русском языке в списке литературы, содержащее игру слов. И мне как переводчику, привыкшему всё и вся тут же переводить или находить лексические соответствия в обоих языках, не сразу пришёл на ум окончательный вариант перевода этой русской игры слов на немецком языке. Относительную речевую лауну мне всё же удалось заполнить путём расшифровки полисемантической русской лексемы «брань» и передать поэтичность игры слов при помощи впереди стоящего немецкого генетива: «Поле брани» – «Des Fluchens Schlachtfeld». Прежде чем взяться за написание курсовой работы, я с большим интересом изучил монографию Владимира Ильича. Его научный труд про-

извёл на меня огромное впечатление. Работа представляла культурно-семиотический механизм вербальной табуизации, его семиотическую и психологическую природу. Каждое явление табуизации сопровождалось и иллюстрировалось многочисленными примерами из различных языков и культур мира, а также примерами из литературы и публицистики. Монографию профессора Жельвиса я использовал также при подготовке к дипломному экзамену. Познакомиться с Владимиром Ильичём лично я смог спустя два года в июле 2002, когда в Касселе проходил конгресс по семиотике и профессор Жельвис был одновременно приглашён нами в Европейский университет Виадрины во Франкфурт-на-Одере, где он выступил с докладом в рамках данной монографии. Здесь же он и подарил мне второе переработанное и дополненное издание своего труда с дарственной надписью: «...Лелею мечту увидеть эту книгу в Вашем переводе!». Только спустя 7 лет я решил взяться за эту ответственную и одновременно нелёгкую работу и надеюсь, что мне удастся довести её до конца.

Игорь Панасюк,
Европейский университет Виадрины
во Франкфурте-на-Одере (ФРГ)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.Н. Ушакова, Т.В. Сметанина

УДК 81'23

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИСЕМИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ВЕРБАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕКА¹

Исследование имеет лингвopsихологический характер: его задача состоит в анализе лингвистических данных для описания психологических структур и процессов, осуществляющих вербальные операции. В качестве лингвистического объекта в работе избраны полисемические структуры существительных и глаголов английского языка. В результате проведенного анализа выявлены не описанные ранее с лингвopsихологической точки зрения формы обобщенных вербальных структур, связанных общим именованием и включающих различные лексические элементы, каждый из которых поддерживает общую («ядерную») идею всего вербального полисемического поля. Такого рода организация поля, функционирующего по принципу распределенной сети, позволяет объяснить механизм хранения семантических образований абстрактного, обобщенного характера.

Ключевые слова: Лингвopsихология, репрезентация полисемических полей, обобщенные вербальные структуры, когнитивные процессы, семантическая распределенная сеть.

Tatiana N. Ushakova, Tatiana V. Smetanina

THE REPRESENTATION OF POLYSEMIC STRUCTURES IN HUMAN VERBAL SYSTEM

The goal of the research consisted in analyses of polysemic linguistically described fields from the point of view of their realization by psychological structures and processes. As a result of the linguistic-psychological analyses, the forms of generalized verbal structures are described where the components of the field are connected by the common name of the field and at the same time maintain the “nuclear” abstract idea of the whole field.

Key words: Linguistic and psychological analyses, generalized verbal structures, verbal polysemic fields, abstract ideas.

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ (проект № 11-06-01113а)

Тема представления и сохранения знаний (репрезентации) в познающей (когнитивной) системе человека заняла многие страницы современной литературы по когнитивной науке. Среди исследований по этой теме значительное место отводится работам, изучающим репрезентацию *вербального материала*, или, по существующей терминологии, – *внутреннего лексикона* человека. Экспериментальное изучение этой области, имеющее психофизиологическую направленность, обозначилось еще в 1930-х годах, когда был обнаружен факт связанности вербальных единиц, соответствующих словам, имеющим то или иное семантическое сходство [см. Ушакова 2011: 92-107]. К настоящему времени совокупность работ, направленных на изучение связей между вербальными структурами, привела к представлению о существовании «вербальной сети», семантических полей, концептуальных полей и других функциональных образований в когнитивной системе человека. Эти материалы стали фактическим обоснованием более поздних модельных разработок сетевой организации вербальных структур [Collins & Quillian, Collins & Loftus и др.]. Данный аспект исследования продолжается и в наши дни в рамках темы языкового сознания, опирающейся на экспериментальные работы с применением метода свободных ассоциаций [Караулов, Тарасов, Уфимцева и др. 1994-1999].

Одним из существенных результатов исследований внутреннего лексикона оказалось обнаружение универсальных операций, связанных с обработкой вербального материала. К их числу следует отнести операцию обобщения. Термин *обобщение* понимается в науке по-разному. В логике и гуманитарных областях с ним связывается представление об акте мышления и переходе от одного уровня понимания к другому более высокому. В естественнонаучном контексте обобщение трактуется с иным акцентом, как объединение объектов, имеющих общие признаки. Применительно к области вербальных явлений обобщение с этой пози-

ции изучалось М.М. Кольцовой [Кольцова, 1967]. Проведенные в ее лаборатории эксперименты показали, что выработка обобщения в отношении воспринимаемых впечатлений является необходимым условием усвоения слов маленьким ребенком.

По мере разработки темы идея значимости явления обобщения получила развитие. Утвердилось понимание того, что оно представляет собой универсальную психическую операцию, необходимую для ориентировки субъекта в мире. На основе этой операции в когнитивной системе происходит упорядочение необозримого множества поступающих от действительности впечатлений и сведение их числа к возможному для восприятия и запоминания объему [Григорьев 2004: 40].

Одна из форм действия обобщения состоит в автоматически протекающей категоризации воспринимаемых человеком впечатлений. С 1970-х годов ментальные категории стали объектом систематического изучения в психологии и психолингвистике, на основе этой темы развился большой круг исследований, в который вошли такие авторы, как Дж. Лакофф, Э. Рош с сотр., и мн. др. В этой области получены богатые фактические данные, обнаружившие значимость категоризации в психологическом функционировании. Описана внутренняя структура образующихся категорий: наличие прототипических представителей, градуированность элементов категории по отношению к прототипу, нечеткость границ категорий.

При исследовании вопроса о формировании категорий затрагивается область организации не только вербального лексикона, но и обозначаемых словом впечатлений. Тем самым, тема категоризации обращает исследование внутреннего лексикона к более широкой области психического функционирования. К этой области непосредственно примыкает тема построения ментальных моделей и ментальных образов [Anderson, Johnson-Laird, Fodor, Kintsch и мн. др.]. Во всех упомянутых случаях исследуются операции, включающие вербальный материал, и

это обнаруживает связанность темы вербальной репрезентации с темами категоризации и ментальных процессов. В зависимости от того, какие задачи решаются исследователем, можно поставить акцент на организации вербальных структур (например, выявлении особенностей структур, обобщающих круг слов, сходных по семантике) или на решаемой когнитивной задаче (например, на понимании текста, как в известной модели Кинча и Ван Дейка).

Задача настоящей работы состояла в расширении области исследования, направленного на изучение обобщающих вербальных («вербально-перцептивно-ментальных») структур, репрезентированных во внутреннем лексиконе человека. Материалом для решения этой задачи стали полисемические образования языка.

В лингвистике термином *полисемия* обозначается способность лексических единиц иметь несколько значений [Реформатский 1967: 74; Розенталь и др. 1995: 30]. Такие описания не выходят за рамки внешней характеристики полисемии. С нашей точки зрения, в явлении полисемии можно видеть один из видов обобщения, когда одно слово, называя разные объекты действительности, фактически объединяет их под определенным углом зрения. При таком видении полисемические образования могут рассматриваться как обобщенные структуры вербальной системы, стоящие в одном ряду с другими формами обобщенных структур внутреннего лексикона. Тогда находит объяснение факт широко распространенного применения полисемического принципа в разных языках мира, что, видимо, свидетельствует о продуктивности этого принципа в жизни языка. Отметим также, что структуры полисемического поля представляют собой удобную для семантического анализа исследовательскую модель, поскольку при сохранении физической формы обозначающего слова в полисемическом поле обнаруживается изменение («передвижение») ментального (семантического) содержания при переходе от одного элемента поля к другим.

Тем самым открывается естественная форма функционирования семантики в вербальной сфере человека. Поэтому структура полисемического поля может рассматриваться как *статичная модель функционирования обобщенных структур вербальной системы*, сформировавшихся в истории становления языка и зафиксированных в словарях.

Разработанная нами в исследовании методика изучения полисемии в теоретическом плане опиралась на подход, который мы характеризуем как лингвопсихологический, использующий для анализа стабильно существующие *языковые феномены с целью описания психологических структур и процессов, осуществляющих вербальные операции*. В рамках этого направления рассматривается вопрос о связи психических явлений с особенностями языка, и объектом исследования становится *собственно языковой материал*. Примером яркой идеи и формулировки в рамках лингвопсихологического направления можно считать тезис Дж.Сепира и Б.Уорфа о лингвистической относительности, согласно которому используемый человеком язык оказывает давление на его психику, формируя в сознании соответствующие языку семантические структуры (двоичности, троичности и т.п.). Интересный вариант анализа рассматриваемого типа предложен Дж. Лакоффом в известной статье «Мышление в зеркале классификаторов» [Лакофф 1988: 12-52], где автор развивает суждения о выработке у человека мыслительных категорий в соответствии со структурой действующего в его среде языка. Обусловленные особенностями родного языка проявления в психике человека прослеживаются в экспериментальных исследованиях современной американской исследовательницы Леры Бородитской [М., 2008]. Лингвопсихология, имея своим объектом лексику и грамматику языка, отражает совокупный сложившийся в истории продукт осмысленной вербальной деятельности поколений людей. Этот материал, можно думать, свидетельствует о значительных процессах вербальной сфе-

ры, соответствующих логике многих его носителей – «народной мысли», что говорит о значимости стоящих за ним вербально-ментальных механизмов.

Методика

В исследовании разработана и использована методика анализа полисемических структур, направленная на их психологическую характеристику, в том числе семантических отношений, сложившихся между различными полисемическими полями, а также между элементами каждого полисемического поля. Эти отношения в известной мере выявляются при аналитической установке исследователя. В каждой полисеме (полисемическом поле) может быть выявлено семантическое содержание, присущее основной части составляющих элементов поля – «ядерная идея», а также оценены ее модификации в отдельных элементах. В результате сравнения многих выделенных полисемических полей возможно выделение

типичных форм их ядерного содержания. В более точной формулировке наш подход может быть оценен как лингво-психо-семантический.

В полной форме операция выявления ядерной идеи состоит в осознании исследователем совокупности семантических признаков, присущих каждому элементу поля; последующему сопоставлению выделенных признаков (сравнению) и выделению общего для них элемента. В действительности, при анализе перебор элементов, входящих в состав полисемического поля, не всегда производится полным образом, и решение в отношении ядерной идеи может приниматься с учетом семантики отдельных элементов поля. Это обстоятельство может рассматриваться как одна из причин того, что ядерный семантический компонент не всегда легко и единообразно выделяется при анализе выделяется разными людьми.

Рассмотрим в виде примера схему анализа полисемического поля английского существительного *Point* на Рис.1.

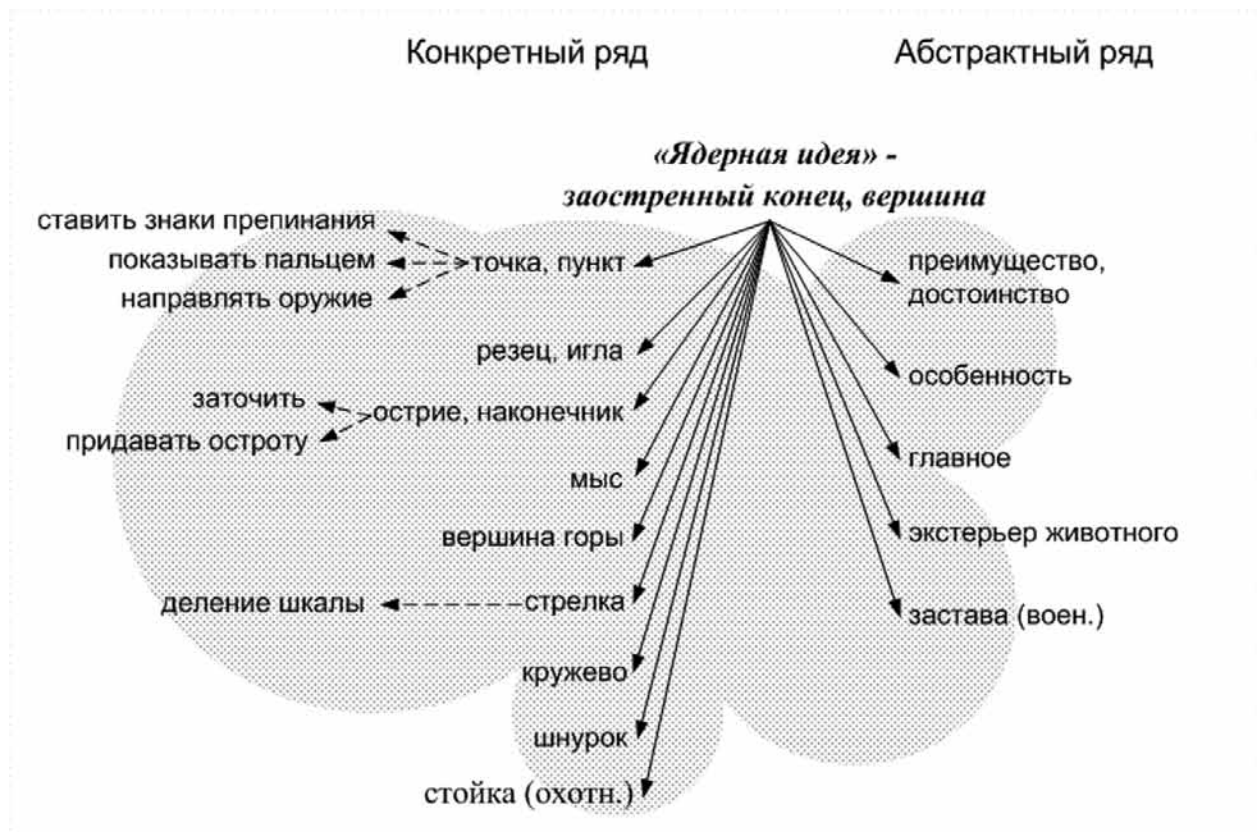

Рис. 1. Полисемическая структура английского слова *POINT*.

Обращение к элементам конкретного ряда: *точка, пункт, острие, наконечник, игла, резец, стрелка* (часов), *мыс, вершина горы*, легко обнаруживает ядерную идею: это обозначение объектов, имеющих в своей форме заостренную часть, вершину, примечательную точку. Выступают и другие особенности семантической структуры полисемического поля. Каждый элемент поля, включая общий с другими семантический компонент («ядерную идею»), одновременно имеет свой набор семантических признаков. Так, в приведенном примере английской полисемии *Point* в каждом элементе поля содержатся семантические компоненты, связанные с разными признаками того или иного объекта – иглы (например, *сделана из метла*), вершины горы (например, *снежной*), мыса (например, *песчаного*) и т.п.

Ядерное обозначение в элементах полисемического поля оборачивается разными, порой прихотливыми, вариантами. Эта прихотливость обнаруживается, например, при обозначении словом *Point* кружева и шнурков. Объяснение такого случая может состоять в том, что эти объекты, хоть и не воспроизводят названную форму, но связаны с *действием* заостренного конца предмета: кружево плетется иглой или острым на конце крючком; шнурок вдевается острым концом в отверстие. Тем самым, идея обозначения предмета с заостренным концом проступает здесь через посредство совершаемых с ним действий. Прихотливость выражения ядерной идеи проявляется также в глаголах производного ряда: *показывать пальцем, направлять оружие, ставить знаки препинания, заточить, придавать остроту (оживлять)*. Здесь выделяется жестовая составляющая семантики элементов конкретного ряда. Интересен характер слов абстрактного ряда: *преимущество, достоинство, особенность, главное*. Как слова, не обозначающие конкретные объекты, они не могут иметь какой-либо физической формы, но в своей семантике содержат идею значимой точки, концентрации сил и возможностей, а также воспроизводят слабую ассоци-

тивную связь с выделяющим направленным вверх жестом.

Рассмотренный пример показывает, что в элементах полисемической структуры семантическое ядро выражено в не одинаковой степени, с разными смысловыми оттенками и ассоциациями, в результате возможных предварительных трансформаций. В ряде других примеров обнаружена возможность смены в полисемической структуре одной ядерной идеи на другую. Из совокупных данных следует, что за лингвистическими описаниями полисемии стоит большая область функционирования семантики вербальной сферы человека. Эта семантика разнообразна, тонко дифференцирована; возможно, переменчива и индивидуально вариативна. Ее исследование с привлечением широкого лингвистического материала может дать возможность *на основе фактов* описать особенности вербальной (связанной со словом) семантики: принципы ее организации, усвоения (при овладении языком) и др.

В данную статью включено две серии проведенных исследований. В 1-й из них решалась задача экспертной оценки семантики полисемических структур *существительных* английского языка. Во 2-й серии по тем же основаниям анализировались *глаголы* английского языка. Общая теоретическая задача состояла в том, чтобы с психолингвистической точки зрения приблизиться к пониманию того, каковы правила и пути функционирования вербальной семантики в области полисемии, а также каким образом семантические отношения связываются с когнитивными и ментальными элементами вербальной сферы человека.

Организация исследования

На материале английского языка производился анализ словарного состава полисемий существительных (Т.Н. Ушаковой) и глаголов (Т.В. Сметаниной). Обращение к английскому языку продиктовано тем, что из доступных нам языков английский имеет наиболее богатую систему полисемии и

представляет к тому же в каждом полисемическом поле полную идентичность формы слов при различиях их значений. Использовался англо-русский словарь в 60 тыс. слов, в некоторых случаях – компьютерная система ABBYY Lingvo 11.

В анализ включались полисемические группы существительных и глаголов, структура которых имела не менее 6-ти производных элементов. Это условие позволяло применить анализ к наиболее богатым и разнообразным языковым образованиям, а также ограничить объем анализируемого материала, который при более мягком критерии становится необозримо большим. По англо-русскому словарю (60 тыс. слов) от первой до последней буквы алфавита на основе формального признака (количества производных элементов) было отобрано и подвергнуто анализу 205 случаев полисем существительных и 363 случая глагольных полисем.

Результаты исследования

При классификации семантических ядер полисемических структур существительных (**1-я серия данных**) в полученном материале было выделено сравнительно немного вербально-семантических типов. Наиболее объемным из них оказался тот, где объединены полисемические структуры, сформированные на основе сходства зрительно выраженных признаков называемых объектов, их *формы*. Например, полые внутри предметы, такие, как мешок, сумка и вообще форма полости, получают именование *Bag*; шарообразные предметы маленького размера – *Bead* и т.п. Второй по многочисленности вербально-семантический тип субстантивных полисем образован на основе наблюдения за *движениями, жестами и действиями* называемых объектов. Здесь используются порой наглядные признаки, жесты, в других случаях – абстрактные характеристики движений и действий. Большинство же полисем имеют, скорее, смешанный, сложный состав. Так, *Flight*

– обозначение полета, применимое к множеству объектов; *Stroke* – наглядный жест, взмах, удар; *Wind* – это и ветер, и вздох, и пустые слова и др. Третий значительный по объему тип полисем построен на основе выделения *функции* объектов, к которым относится социальное функционирование; выполнение ручных операций; обеспечение комфорта. *Bridge* – функция соединения в виде моста, трапа, балки; *Gate* – функция защиты, препятствия, в виде ворот, шлагбаума, клапана; *Seat* функция расположения в некотором месте: сиденье, должность, место действия.

Кроме трех основных вербально-семантических типов полисем, встречаются другие существенно менее частые варианты, на рассмотрении которых мы здесь не будем останавливаться. В сокращенной форме полученные данные показаны в Табл. 1. Наглядная диаграмма, отражающая количественное соотношение всех выделенных категорий, представлена на Рис. 2. Более подробный анализ материала можно найти в ранее опубликованной статье [Ушакова 2009].

Таблица 1. Основные типы полисемических структур существительных

№ п/п	Вербально-семантическое содержание полисемической структуры	Примеры	% от общего числа (162) рассмотренных случаев
1	Зрительно выраженные признаки объектов, их форма	Bead, pot, tail	38
2	Динамические признаки: действия, движения, жесты	Flight, stroke, wind	33
3	Функции объектов	Bridge, gate, seat	19

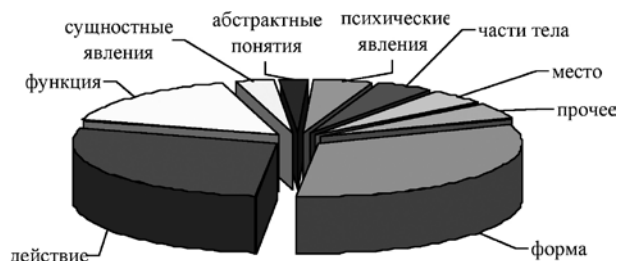

Рис. 2. Распределение 162-х полисем-
существительных английского языка в
соответствии с «ядерными идеями» по-
лисемической структуры (по результа-
там экспертного анализа)

Анализ полисемических структур
английских глаголов во 2-й серии работ
проведен на материале рассмотре-
ния 363 случаев полисем, отвечающих
принятому критерию (не менее 6-ти со-

ставляющих элементов поля). В резуль-
тате анализа выделилось большее число
вербально-семантических типов в сравне-
нии с данными анализа полисем существи-
тельных. Основные результаты анализа
представлены в Таблице 2, где показана:
характеристика, отражающая основное со-
держание выделенной глагольной группы;
приведены примеры глагольных полисем,
входящих в данную группу; помечено чис-
ло полисемических групп, вошедших в
данную категорию. В отношении части ма-
териала (46 случаев) провести квалифика-
цию не удалось.

По аналогии с материалами 1-й се-
рии приводится круговая диаграмма (пай-
график), в наглядной форме показывающая
соотношение категориального содержания
полисемических структур глаголов.

При сравнении данных 1-й и 2-й се-
рий обнаруживаются заметные различия
в организации полисемических структур

Таблица 2. Основные типы полисемических структур глаголов

№ п/п	вербально-семантическое содержание полисемического поля	Примеры	% от общего числа (314) рассмотренных случаев
1	Действие, выражающее изменение чего-либо, переход из одного состояния в другое или перемещение (в прямом и переносном смысле)	Change, follow, walk	41
2	Оказывать (физическое) воздействие (в прямом и переносном смысле)	Bite, prick, touch	9
3	(Воз)действовать резко; решительно или значительно	Beat, kick, whip	6
4	Нарушать целостность (собственную или чью-л.)	Break, quarter, tear	5
5	(При)соединять (ся) в прямом и переносном смысле	Attach, join, rope	5
6	Систематизировать и/ или ограничивать или быть систематизированным; ограниченным	Arrange, measure, seal	5
7	Инициировать действие (часто – с помощью тех или других средств)	Bait, plant, start	4
8	Входить в контакт с другим объектом в прямом и переносном смысле	Clash, meet, snap	3

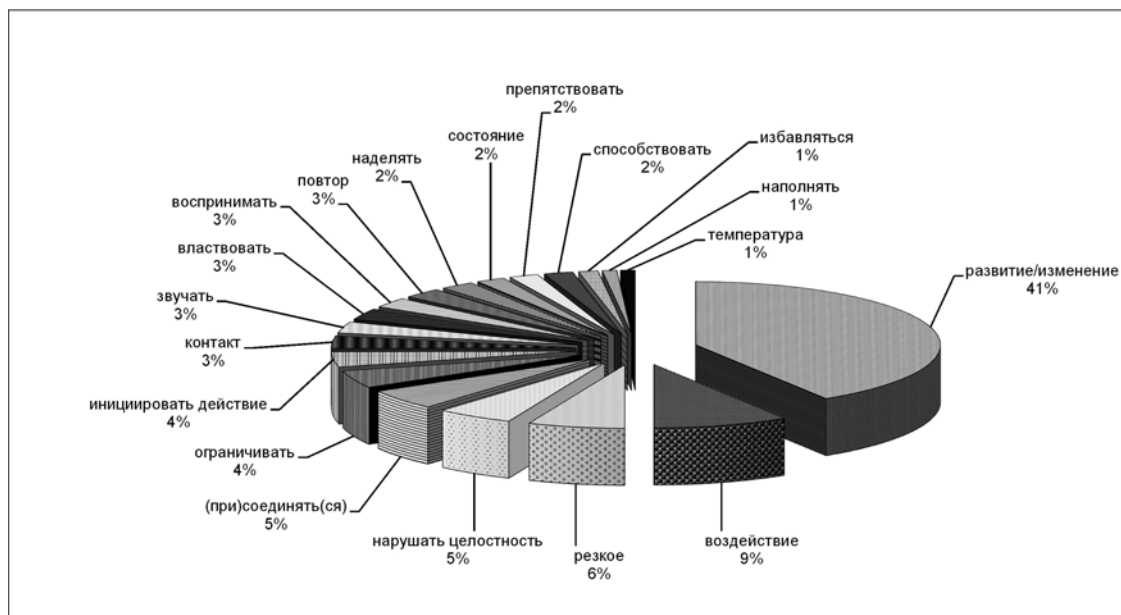

Рис. 3. Распределение 314-ти глагольных полисем английского языка в соответствии с «ядерными идеями» полисемической структуры (по результатам экспертного анализа)

существительных и глаголов, хотя в обоих случаях использовались одни и те же критерии анализа. Так, по материалу одного и того же словаря при работе с существительными удалось выделить 205 случаев, с глаголами – 363 случая. Это обстоятельство дает основание предположить, что образование полисем на основе глагольного материала более востребовано или допустимо языковым механизмом. Показательны различия между глагольными и субстантивными полисемами в характере образуемых вербально-семантических типов. Полисемические структуры существительных в 90% всех рассмотренных случаев ориентированы на признаки формы, функции или движения именуемых объектов (т.е. воспринимаемых впечатлений). Совсем другая картина наблюдается в организации глагольных полисемических структур. Здесь 41% материала связан с неконкретно обозначенным действием: изменение чего-либо, переход из одного состояния в другое, перемещение (в прямом и переносном смысле). Остаточная часть материала, почти 60%, «распылена» по неярко выраженным семантическим основаниям на

множество групп (18), для содержательной характеристики которых по нашему материалу пока нет достаточных оснований. В настоящий момент авторы пытаются найти дополнительные основания для сравнительной характеристики полисемических структур существительных и глаголов. Наглядное проявление обсуждаемых различий проступает при сравнении графиков на Рис. 2 и Рис. 3.

Обсуждение полученных результатов

При рассмотрении результатов исследования необходимо провести четкую грань между лингвистическим понятием полисемия и психологическим понятием *вербальные структуры, лежащие в основании полисемических образований*. В первом случае имеется в виду феномен многозначности слов, проявляющийся в ходе использования языка. Во втором мы обращаемся к характеристике структурной организации связанных с полисемией вербальных элементов в когнитивной системе человека. В этом втором случае мы будем использовать термин *вербальные полисемические элементы*.

При лингвистических описаниях полисемические образования обычно характеризуются как *группы*. В отличие от этого, вербальные полисемические элементы, с нашей точки зрения, образуют не группы, а локальные обобщенные структуры, обеспечивающие взаимосвязанность функционирования ее составляющих частей. Эти структуры можно называть вербальными полисемическими полями. Их внутренняя связанность вытекает из особенностей функционирования мозга человека. Так, согласно теории векторного кодирования [Соколов 2003], при восприятии вербального сигнала, единого для различных элементов поля, все члены вербальной полисемической структуры отвечают активацией и включаются в функционирование. Оказывается, таким образом, что рассматриваемые образования – это не совокупность разрозненных элементов, а целостная функциональная единица вербальной системы. Она имеет психофизиологическую организацию, формирующуюся у каждого человека в индивидуальной истории развития его языкового механизма. Данная точка зрения находит подтверждение и в исследовании морфофизиологического характера. Так, согласно недавней публикации, применение метода магнитоэнцефалографии показало привязанность полисемических образований к анатомическим отделам мозга [L. Pytkkanen, R. Llinas, G.L. Murphy 2006]. Вербальные полисемические образования представляют собой «психологически реальные» явления когнитивной системы человека, объединяющие вербальные элементы разного функционального значения и происхождения. В пользу такого понимания свидетельствуют данные экспериментального исследования [Ушакова, Белова, Валуева 201: 83-97], где показана возможность осознания обозначенных семантических отношений испытуемым, а также зависимость такого осознания от степени его владения используемым языком.

Предложенное представление о природе полисемии ставит ее в один ряд с

другими формами вербального обобщения – такими, как категоризация объектов, образование семантических полей, вербального тезауруса и др. Примечателен в данном контексте тот факт, что значимость фактора формы, особенностей движений и функций воспринимаемых объектов обнаруживается как при исследовании вербальных полисемических полей, так и прототипических категорий.

Находя в вербальной системе человека целый круг структур, выполняющих функцию обобщения, мы сталкиваемся с вопросом, чему служит такого рода организация? Одно из преимуществ, вытекающее из такой организации, может быть понято следующим образом. В каждом элементе вербального полисемического поля проявляется двойственный семантический состав: сохраняется относительно стабильный семантический признак, общий всем (или почти всем) другим элементам поля («ядерная идея»), а также присутствует оригинальная, часто конкретная часть, присущая только данному элементу полисемической структуры. Конкретная часть имеет репрезентацию в виде зрительных и иных впечатлений, свои часто конкретные ассоциации и тем самым свою материальную опору в нервной системе говорящего человека. Ядерный признак представляет идею *абстрактного характера*, не имеющую прямого референта в действительности. Какого-либо специального, отдельного элемента поля, прямо выражающего «ядерную идею», не обнаруживается. Это значит, что абстрактная идея реализуется, «воплощается» в полисемическую структуру как некий «распределенный» по всему полю компонент. При воздействии на воспринимающую систему словом, общим для всего вербального полисемического поля, каждый элемент структуры откликается на его воздействие латентной активацией. Эта активация может быть неравномерной и давать преимущество одним элементам поля перед другими. Тогда и осознание «ядерной идеи» оказывает-

ся субъективно акцентуированным. Такое реагирование создает функциональное единство всей полисемической структуры и в теоретическом плане превращает ее в коннекционистскую распределенную сеть. Можно предположить, что проявляющийся в вербальных полисемических структурах механизм «укоренения» слов с абстрактным значением является общим принципом в организации ментальной сферы человека.

Возникает также предположение, что обобщенная организация вербального материала является средством, расширяющим фиксационные возможности вербальной системы, т.е. вербальной памяти. Язык, будучи совокупностью лексических и грамматических элементов, приобретает человеком в течение жизни, а в известных случаях и теряется (болезни, травмы, старческий возраст). Составные элементы языка нуждаются в поддержании их существования и функционирования, а при определенных обстоятельствах (при обучении языкам, развитии в онтогенезе) и в наращивании их объема. В соответствии с этим фактом одной из основных функций вербального механизма становится фиксация вербальных элементов, их закрепление и удержание в нервной системе человека. Сохранение вербальных элементов по принципу их комплексирования может давать им преимущества.

Следует также придать значение тому, что описанная «обобщенная упаковка», вероятно, оказывается полезной для извлечения нужной лексической формы в ходе построения беглой речи. Возможно, мысленный поиск начинается именно с обобщенной, достаточно абстрактной идеи о том, какой вербальный элемент адекватен для выражения интенции говорящего человека [Ушакова 2006: 8-18].

Рассмотрение характеристик вербальных полисемических полей существительных и глаголов обнаруживает их заметные различия. При одном и том же критерии отбора материала по словарю количество гла-

гольных полисем оказалось почти в полтора раза больше, чем субстантивных. Анализ показал, далее, что субстантивные полисемы относительно равномерно распределены по 3-м основным их типам. В то же время большая часть глагольных полисем образует одну группу с нечетко определяемой семантикой и множество мелких подгрупп с неярко выраженной семантикой. Степень конкретности-абстрактности в двух сравниваемых типах полисемических полей также различна: субстантивные полисемы ориентированы в большей части на конкретные признаки объектов, глагольные – неконкретные признаки действительности (изменение чего-либо, переход из одного состояния в другое, перемещение и т.п.). Объяснение обнаруженных различий в организации полисемических полей существительных и глаголов представляется в настоящий момент затруднительным. Возможно, его надо связать с различием тех ролей, какие играют два названных типа полисем в организации речевого процесса. Авторы настоящей работы пытаются найти дополнительные фактические основания для их сравнительной характеристики.

Заключение

В исследовании выявлены не описанные ранее с психолингвистической точки зрения формы обобщенных вербальных структур, репрезентирующих полисемические отношения языка. Эти образования могут быть характеризованы как вербальные полисемические поля когнитивной сферы человека.

В структуру вербального полисемического поля входят (часто в значительном количестве, до 10-15) компоненты, имеющие характер либо конкретных именованных, строящихся на перцептивных, мнемических и ассоциативных данных, либо абстрактные признаки.

Компонент, названный «ядерной идеей» вербального полисемического поля, представляет собой семантическое обра-

зование абстрактного, обобщенного характера, в той или иной мере обозначенное в каждом элементе поля. Его функционирование может быть объяснено как результат организации вербального полисемического поля по принципу распределенной сети.

Семантический компонент вербальных элементов при их не включенности в речевой или иной ментальный процесс пребывает в латентной, неосознаваемой форме, однако при определенных условиях он может быть осознан пользующимся языком человеком.

Такие признаки объектов, как особенности их *формы, движений и функций*, в значительном числе случаев являются компонентами субстантивных семантических структур. Это сближает природу их организации с построением прототипиче-

ских категорий. По этим же показателям субстантивные вербальные образования заметно отличаются от глагольных вербальных структур. Объяснение этих различий ожидает получения дополнительных характеристик изучаемого объекта.

Рассмотрение вербального полисемического поля в динамическом плане показывает, что семантика «переносится» с одного именуемого элемента на другой по определенным принципам. В основе этого «переноса» лежит когнитивный процесс, вовлекающий в свое протекание операции перцептивного и мыслительного характера. Это обстоятельство указывает на то, что процесс формирования языка как в онто-, так и филогенезе проходит совместно с развитием восприятия и понимания окружающего мира.

Список литературы

- Григорьев А.А.* Репрезентация лексических категорий в сознании носителя языка: Монография. – М.: Ин-т языкознания РАН. 2004. – 180 с.
- Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. Черкасова Г.А.* Русский ассоциативный словарь. Т.1-6. – М., 1994-1999.
- Кольцова М.М.* Обобщение как функция мозга. – М.; Л.: Наука, 1967.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX111. Когнитивные аспекты языка. – М. «Прогресс», 1988, С. 12-52.
- Реформатский А.А.* Введение в языковедение. – М. «Просвещение», 1967.
- Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А.* Современный русский язык. – М. «Международные отношения», 1995.
- Соколов Е.Н.* Нейроны сознания // Психология. Журн. Высш. школы экономики. 2004, т.1, №2, С. 2-16.
- Соколов Е.Н.* Восприятие и условный рефлекс. Новый взгляд. – М.: Изд-во МГУ, 2003.
- Сонин А.Г.* Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. – М., 2005 – 220 с.
- Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1, – М., 1960. С. 58-92.

Ушакова Т.Н. Полисемия как отражение семантических процессов вербальной сферы человека // Вопросы психолингвистики, – М., 2009, №1. С. 8-18.

Ушакова Т.Н. О встрече мысли и слова в речи человека // Вопросы психолингвистики. 2006, №4. С. 8-18.

Ушакова Т.Н., Белова С.С., Валуева Е.А. Лингвопсихологическое исследование вербальной семантики // Психол. журн. 2010, №6, С. 83-97.

Ушакова Т.Н. Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011, 528 с.

Boroditsky Lera. How the languages we speak shape the ways we think / Plenary lecture // Proc. Of the 3-th Intern. Conf. on cognitive science – Moscow, 2008. June 20-25, Vol. 1. P. 16.

L. Pyllkanen, R. Llinas, G.L. Murphy. The representation of polysemy; MEG evidence // Journal of Cognitive Neuroscience, 2006, 18; 1, p. 97-100.

П П Л

ИНВАРИАНТ В ТЕКСТОВОЙ ПРОЕКЦИИ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПЕРСОНАЖНЫХ СУБТЕКСТОВ В УСЛОВИЯХ ЭКСПЕРИМЕНТА)

В статье понятие «инвариант» трактуется как термин, относящийся к теории интерпретации текста, обосновывается правомерность использования этого термина в психолингвистике текста. В ходе лингвистического эксперимента выделены основные коммуникативно-речевые категории, репрезентирующие образ автора. Данные категории рассматриваются в качестве инвариантных структур текстовой проекции.

Ключевые слова: инвариант, проекция текста, персонажный субтекст, интерпретация художественного текста, психолингвистический эксперимент, образ автора.

Alexandr A. Boronin

AN INVARIANT IN TEXT MENTAL PROJECTION (INTERPRETATION OF CHARACTERS' MICROTTEXTS UNDER EXPERIMENTAL CONDITIONS)

The notion of invariant is treated in the article as a term of Text Interpretation Theory. The author argues in favour of the use of the term under discussion in psycholinguistics of text. The experimental field outlined the communicative categories representing an author's image. These categories are considered to be the invariant sub-structures of text mental projection.

Key words: invariant, text mental projection, character's microtext, interpretation of literary text, psycholinguistic experiment, author's image.

Антропоцентрический характер современной лингвистической парадигмы побуждает по-новому трактовать, понятия, которые имеют общепринятое и, казалось бы, устоявшееся раз и навсегда содержание. Одним из таких является понятие инварианта. Современные теоретические и экспериментальные данные позволяют уточнить его содержание и использовать термин *инвариант* в теории интерпретации художественного текста.

В рамках теории интерпретации художественного текста инвариант может рассматриваться не как дискретная, а как континуальная категория или, точнее, как категория с «внутренней» дискретностью: четкие, но не конечные границы проявления этой категории представлены определенным набором вариантов, чье означающее в наиболее полной мере соотносится с ориентирующим нас знаком – именем категории. Диффузность онтологических границ инварианта как категории в интерпретации текста соотносится с существующей в современной лингвистике тенденцией критического осмысления «теории вариативности по отношению к двусторонним языковым единицам» и размытием заданных структурализмом границ между «языковыми и речевыми употреблениями» [Грязнова 2009: 190]. Инвариант как лингвистическая абстракция условен и не претендует на абсолютную точность, но этим свойством обладают и многие другие единицы лингвистического метаязыка, поскольку, как показывает Н.В. Перцов, существует «расхождение между дискретностью инструментов лингвистического описания и континуальностью смысла» [Перцов 2009: 107]. В частности, граммема есть «бирка», условное и абстрактное «сокращённое имя», которое удобно для оперирования, хотя оно и отстоит от реальной семантической дескрипции [Плунгян 2003: 228]. Вместе с тем, точность метаязыка сама по себе условна, если вспомнить мысль Д.С. Лихачева о том, что наука, перевоссоздающая данность, не может выразить истину, поскольку последнюю «нельзя пересказать, описать»,

«полностью адекватно выразить» [Лихачёв 1999: 5].

При решении вопроса о правомерности выделения эталонных вариантов мы придерживаемся семиантропоцентрического принципа. Раскроем его в виде нескольких положений. Выбор одного знака продиктован влиянием другого знака или знаковых комплексов, и установить причинную связь, очевидность и однозначность такого влияния далеко не всегда представляется возможным – поэтому возникает трудность с выделением эталонного варианта. Кроме этого, нерелевантность интерпретативного семиозиса в ином ракурсе рассмотрения – при обращении непосредственно к личности интерпретатора – становится мнимой, и уместность варианта может стать бесспорной. Следовательно, теория интерпретации текста, опирающаяся на семиантропоцентрический принцип, скорее всего, исключает существование эталонных смысловых вариантов, если только не вводится особая интерпретативная установка, вырабатывающая эталонные смыслы. В любом другом случае ни один вариант не может считаться эталонным, так как каждый вариант в равной мере влияет на становление инвариантной смысловой сущности, сопрягающей в себе коллективный опыт истолкования текста.

Инвариант понимается нами как коммуникативно-речевая категория, отличная от предельно универсального категориального свойства инвариантности, принятого в философии [Скуратов 2001: 205]. Предпосылки для возникновения коммуникативной константы носят контекстуальный характер: наличие одного и того же стимула для интерпретации – в нашем случае, персонального субтекста – и относительного единства условий интерпретации (место, время, некоторые общие характеристики испытуемых, позволяющие объединить их в семиотические группы [Дридзе 1972: 38]).

Кроме того, существует ещё одна предпосылка, которая зиждется на заданности инварианта или инвариантов в самом тексте. Так, В. Пропп выделяет в сфере действующей

щих лиц волшебной сказки семь основных функциональных инвариантов: вредитель, даритель (снабдатель), помощник, царевна (отец царевны), отправитель, герой, ложный герой [Пропп 1928: 88 – 89]. Другой пример. В.П. Белянин разработал типологию текстов исходя, прежде всего, из психологических акцентуаций их создателей: он выделил «светлые», «темные», «веселые», «печальные», «красивые», «сложные» тексты, а также смешенные типы [Белянин 2006]. Характеризуя «сложные» тексты, В.П. Белянин выделяет ряд особенностей, которые можно трактовать как инвариантные признаки этого типа текстов: перечисляемые учёным инвариантные признаки неоднородны – это и нарративные характеристики (наличие фантастического мира «второго этажа», надстраиваемого над традиционным миром, и нестандартное «поведение» времени), и семиотические характеристики («стремление к использованию знаков, символов, иероглифов»), и собственно лингвистические (широкое употребление неологизмов) [Белянин 2006: 194 – 202].

Еще одной предпосылкой для актуализации инвариантов можно считать специфику художественного текста, концентрирующуюся в таких его качествах, как мифологичность и эмотивность, которые порождают и упрочивают в сознании стереотипы [Сорокин 1977: 120]. В свою очередь, текст, будучи явлением культуры, ее продуктом, несвободен от воздействия устойчивых, мало варьирующихся способов речевого овнешнения мыслей, присущих этой культуре [Зимняя 1993: 55 – 56].

Таким образом, инвариантный генез обусловлен воздействием комплекса факторов, связанных с созданием текстов: лингво-семиотического (фактор соотносится со знаком как элементом языковой системы и как конкретной речевой данностью), нарративного, психологического, жанрово-текстового и этнокультурного.

В то же время, почва для варьирования ответов создаётся благодаря разнообразию постоянных и временных характеристик са-

мых испытуемых, уникальному опыту каждого интерпретатора. Однако феноменологическое варьирование на глубинном уровне сводится к ограниченному числу семантических констант, что подтверждают данные проведённого нами эксперимента.

Для участия в эксперименте был привлечён 121 испытуемый (и.и.) – в основном, студенты неязыкового вуза, являющиеся гражданами РФ (82,64 % и.и. – русские, 17,36 % и.и. представляют другие национальности); родным языком для большинства является русский (88,42 %). Возрастной диапазон – от 16 до 45 лет, медиана возраста – 23,5 года. 67 % и.и. – девушки, 33 % и.и. – юноши.

Текстами-стимулами послужили отрывки из романа Т.Н. Толстой «Кысь» (Т1) [Толстая 2000: 69 – 71] и повести А. и Б. Стругацких «Сказка о Тройке» (Т2) [Стругацкие 1989: 265], содержащие описания коммуникативного взаимодействия действующих лиц.

Предварительное задание было сформулировано следующим образом:

Знаком ли Вам приведённый отрывок, содержащий персонажные субтексты («высказывания» персонажей)? Какой писатель является его автором?

Ответы и.и., осуществивших правильную авторскую атрибуцию текста, исключались из корпуса ответов, который подлежал дальнейшему анализу. Из 121 и.и. 13 и.и. правильно определили авторство Т1, 11 и.и. правильно определили авторство Т2, кроме того, получено 8 абсолютных отказов от выполнения последующих заданий к Т2.

Предъявление текстов сопровождалось предложением выполнить другое задание, сформулированное следующим образом:

Ознакомьтесь с ситуацией речевого взаимодействия между персонажами.

Какие внутренние и внешние качества присущи автору этого художественного текста? Перечислите их (не менее пяти).

Жесткие формально-словесные ограничения при выполнении этого задания не вводились (в целях симметрии коммуникативно-речевых единиц). Результа-

ты эксперимента показали, что и образ автора Т1 и образ автора Т2 были представлены в виде смыслового «макета», устойчивость которого придал каркас из одинаковых основных семантических групп (интерпретативных инвариантов), некоторые из которых мы приводим ниже (цифры рядом с выделенными курсивом ответами ии. указывают на число повторов реакции).

Интерпретативный инвариант «когниция» (Т1): образованный 9, образованность, хорошо образован; умный 6, ум 2, умён 2, интеллект; начитанный 3; воображение 2; остроумие 2, находчивость 2, находчивый 2; фантазер 2, с хорошей фантазией, богатая фантазия, обладающий хорошим воображением, рисующий картины в своём воображении, выдумщик; мудрый, мыслящий, эрудит; слишком логичный; изобретательный, изобретатель; внимание к деталям, наблюдательный 4, наблюдательность, внимание к деталям; необразованный, образование, скорее всего, не высшее, неграмотность; богатое ассоциативное мышление, ассоциативность, иррациональное мышление, оригинальное мышление; думающий, рассудительный, открытый для всего нового, заинтересованность в глобальных проблемах общества, научная просвещённость, разносторонне развитый человек.

Интерпретативный инвариант «когниция» (Т2): образованный 19, образованность 3, хорошо образован 2, умный 9, начитанный 4, интеллигентный 3, рассудительный 2, хорошо обучен, это говорит о его образовании (отличном), много знающая, глубоко мыслящий, научный склад ума, есть логичность рассуждений, развито логическое мышление, понятливый, имеет развитую фантазию, фантазер, фантазер с большой буквы, выдумщик, воображение, богатая фантазия, хорошая фантазия, особой фантазией не отличается, с богатым воображением.

Интерпретативный инвариант «мировоззрение» (Т1): справедливость 3, справедливый 3, свободомыслие 2, обострённое чувство справедливости, широко мыслит, возмущённый сложившейся вокруг обстоя-

новкой, своё видение жизни, другие взгляды на мир, консерватор, не реалист, с чувством собственной значимости, автору присуща советская идеология, он хочет показать своё отношение к строю, жизни, обществу, человека явно волновала жизнь людей, автор имеет своё мнение по поводу политической ситуации в стране, не боится ее высказать, он публично осуждает власть, оппозиционер по отношению к существующему государственному строю, автор сочувствует низшим сословиям и переживает о судьбах России, религиозный человек, гуманизм.

Интерпретативный инвариант «мировоззрение» (Т2): идеалист 4, патриот 2, справедливый 2, патриотичен, коммунист, человек партийный, придерживается коммунистических или социалистических взглядов, в душе – революционер, с характером революционера, революционер, одержимый идеей мировой революции, консервативный, консерватизм, автор с умеренными политическими взглядами, человек, который высмеивает то время, в котором живет, стремящийся к перевороту, внутреннее неприятие системы, осуждает власть, не подчиняется законам, недоверчиво относится к окружающему обществу, недоволен строем, постсоветская идеология, идея представления мира в схемах, с большими идеями, борьба за справедливость, представитель пролетариата, защитник прав человека, сторонник научного прогресса, весь состоит из мечтаний, стремлений и желаний об осуществлении какой-то своей цели, верит в поддержку человечества, новейшие технологии, мирное существование, философ, думающий о будущем, свободомыслие, гуманизм, догматизм.

Интерпретативный инвариант «компетентность» (Т1): филолог 2, психолог 2, философ 2, философский, философия, увлекается историей, знающий прошлое, человек, что-то понимающий в биологии, обладает знаниями в политической сфере, политик, журналист, художник, критик, склонен к критике, сочинитель, образование гумани-тарное, знание внутренней жизни высшего

сословия, хорошо знает простой народ, его нравы.

Интерпретативный инвариант «компетентность» (Т2): имеет научную степень 2, учёная степень, учёный, возможно, он связан с наукой, возможно, сотрудник НИИ, образование, наверное, научное; политик, человек, который когда-то занимался политикой или до сих пор ею занимается, качества политика, агитатор; образование литературное 2, советский писатель, талантливый поэт; юрист, с юридическим образованием, возможно, имеет юридическое образование, адвокат; педагог 2, воспитатель; администратор, чиновник, составитель инструкций; путешественник, путешественница; возможно, автор психолог по образованию, образование техническое, скорее всего, писатель являлся врачом, критик.

Интерпретативный инвариант «коммуникативно-речевая компетентность» (включает в себя, помимо прочих, профессиональные навыки) (Т1): вежливый 3, прямолинейный 2, красноречивый 2, грамотный 2, молчаливый 2, прямолинейность, писатель-сатирик, знает французский язык, любитель старославянской речи, в разговоре преобладает старый язык, знаком с историей языка, владеет древним языком России, знаком со старорусской манерой речи, «устаревший язык», развитая лексика, уделяет внимание богатству русского языка, т.к. использует редкие слова, творческая личность, возможно, писал не только прозу, возможно, автором были написаны какие-то лирические произведения, описывает нехватку в одежде и еде (бедность), глубоко мыслящий, но тяжело передающий смысл, говорит загадками, говорит то, что думает, резкость высказываний, многословность, громкий, человек, который за словом в карман не лезет, любит словесные обороты, рассуждение, написание абстракции, простой в общении, метафоричен, не всегда может найти общий язык с людьми, общительный, любит поучать, любит подсказывать и поучать, любит поговорить о жизни при царе после чарки водки, не общительный, сказочник,

не особо вежливый, спор, некрасивый почерк, разговаривает с украинским акцентом и хриплым голосом, автор хорошо владеет лексикой русского языка, разговорчив.

Интерпретативный инвариант «коммуникативно-речевая компетентность» (Т2): знание более чем одного языка, знает иностранные языки, знает латынь; вежливый 2, вежливость; грамотный 2; любит рассуждать 2; прямолинейный, прямолинейность; серьёзный оратор, хороший оратор, красноречие; ругань, чтение нотации, напутствие, критика, рассуждение, манера громко, сложно выразиться, спорщик; метафоричный, иносказатель; у автора развита лексика, умеет излагать мысли, общительный, способность высказывать свою точку зрения.

Интерпретативный инвариант «личностно-аксиологический статус» является структурно усложнённым, так как он представлен тремя блоками реакций (Т1):

а) положительные: чувство юмора 8, юморист 3, юморной, умеющий «подколоть», насмешливость, насмешливый, насмешка, комизм, весельчак, жизнерадостный, жизнелюбивый; добрый 10, добродушный 3, отзывчивый 2, внимательный 2, добродушие, заботливый, задушевный, доброжелательность, доброжелательный; уравновешенный 4, спокойный 3, спокойствие, покладистый, миролюбивый; серьёзный 5, талантливый 2, талант, глубокий, духовный; деловой, домовитый, работающий, трудолюбие, труд; воспитанный 2, воспитанность; целеустремлённый 3, уверенный 2, добивающийся своей цели практически всегда, настойчивый, волевой; человек, жалеющий других, уважающий других, сочувствие, благодарный, простой, безобидный; смелый 2, требовательный, требовательность, обязательный, скромность, обладает чувством собственного достоинства, свобода, открытость, умеющий постоять за себя, уважаемый людьми, хороший человек, присущи благородные качества.

б) отрицательные: грустный 3, замкнутый 3, грубость 2, резкость 2, резкий

2, вспыльчивый 2, раздражительный 2, мелочный 2, скучный 2, вспыльчивость, лень, эгоистичность, самовлюблённость, небрежность, беспардонность, скептицизм, нервный, сердитый, недовольный, мрачный, хмурый, равнодушный, недоверчивый, грубый, слегка груб, жестокий, жесткий, беспощадный, злой, наглый, импульсивный, жесток, циничен, несмелый, ворчливый, вздорный, придирчивый, страх перед окружающим (в отдельных случаях), считает, что он лучше всех, чопорность, демонстративность, полное смятение мыслей в голове, нескромен, бесхарактерный, самолюбивый, завистливый, немного зажат, агрессивный.

в) амбивалентные и нерубрицируемые: ирония 3, эмоциональный 3, одинокий 3, любопытный 2, строгость 2, холерик, интроверт, гордый, гордость, хитёр, хитрость, странный, непризнанный, чуждой, нестандартный, непонятый, дотошный, важность, простодушный, простодушие, простота, своеобразный, стремительность, темпераментный, щепетильный, спонтанность, фантастичный, прагматизм, несвязанность, не особо открытый, закрыт от общества.

Сходным образом (структурная усложнённость) представлен интерпретативный инвариант «личностно-аксиологический статус» в корпусе реакций в отношении Т2:

а) положительные: справедливый 6, справедливость 2, серьезный 6, серьезность, современный 7, целеустремленный 3, трудолюбивый 3, трудолюбие, добрый 2, настойчивый 2, настойчивость, человечный, человеколюбивый, великодушный, добродушный, добродушие, мягкий 2, твёрдый 2, веселый 2, уравновешенный 2, интересный 2, педантичный 2, уверенный 2, терпеливый 2, чуткий, индивидуальный, новатор, интересная личность, талант, талантливый, решительный, опытный, много знающая, деловой человек, стремится к лучшему, опрятный, любезный, умелый, воспитанный, воспитанность, спокойный, разносторонне развит, чистоплотный, компанейский человек, целенаправленный, напористый, с

широким кругозором, не безразличный, любит точность, пунктуальность, наблюдательность, ответственный. добропорядочный, простой, внимательный, порядочный, харизматичен, любопытен, думающий, имеет своё мнение, обаятелен, активный, деятельный, честный, скромность, с отличными манерами, сильный человек, человек, следующий правилам, энергичный, полный жизни, экспрессивность, практичен, не теряет времени даром, пунктуален, компетентен в большинстве вопросов, снисходительный, волевой, внимательность, небезразличие, лидер, ироничный, с огромным чувством юмора, чувство юмора, юмор, насмешливость, проницательность, наблюдательный, возвышенный, продвинутый, молодёжный, сочувствие, с активной жизненной позицией, не раздражительный, спокойно реагирующий на критику, исполнитель, педантичен, раскрепощённый, жизнерадостный, уважающий себя, непоколебим, имеет чёткую жизненную позицию, умеющий рассмотреть существо человека, чувство прекрасного, опытный.

б) отрицательные: вспыльчивый 2, вспыльчивость, замкнутый 2, замкнутость, злой 2, самолюбив 2, резкий, резкость, завышенная самооценка, напряжённый, напряженность, грустный, пессимизм, скептик, назойливый и скучный, нудный, местами занудлив, неприятный человек, агрессивно настроенный, жесток, жалобщик, взбалмошная, неуравновешенная, психически неуравновешенный, не вполне психически нормальный, нервного склада, доморощенный, нетактичный, эгоист, конфликтность, вспыльчив, неуравновешенный, равнодушный, частично равнодушный, импульсивен, импульсивность, лукавый, небрежность, высокомерие, способен подложить свинью, язвительность, насмешка, критичность, нетерпеливый, малоначитанный, «холодный».

в) амбивалентные и нерубрицируемые: ироничный 3, ироничность, ирония, сатира, жесткий 2, жесткость, чуждак 2, непонятный, наивный, наивность, властность,

строгий, эмоциональность, эмоциональная, эксцентричность, критичен к другим, самокритичный, экстраверт, задумчивый, загадочный, административный, образ жизни одиночки, субъективный, не показывает истинных переживаний и чувств, человек, наблюдающий природу.

По всей видимости, имена, отражающие обобщенное значение интерпретативных вариантов («когниция», «мировоззрение», «компетентность», «коммуникативно-речевая компетентность», «личностно-аксиологический статус»), позволительно считать коммуникативно-речевыми категориями, влияние которых не имеет жестких, четко заданных границ (то есть единицам, репрезентирующим эти категории, присуща диффузность в плане их содержания, нерубрицируемость, амбивалентность, они могут быть отнесены к разным семантическим группам, хотя при этом могут больше тяготеть к той или иной группе).

Принимая во внимание постулат теории вариантности о существовании «разных степеней» абстрактности инварианта [Солнцев 2000: 81], в интерпретации текста можно говорить об актуализации неравных по степени абстрактности инвариантов, соотносящихся друг с другом (в приведённых выше реакциях подчеркнуты инварианты, степень абстрактности которых меньше по сравнению с именами интерпретативных инвариантов, обозначающих семантические группы реакций). Неравенство степени абстрактности обусловлено: 1) наличием как базального продукта «языковой деятельности» – отдельных знаков, так и вторичного, еще более организованного продукта этой деятельности – текста [Дридзе 1976: 37]; 2) возникновением в деятельностном кон-

тексте у материального тела знака свойств, которые трактуется как превращённая форма отношений в реальном мире, складывающихся в процессе воздействия на него человека: «Воздействуя на реальную действительность в процессе различных деятельности, человек добывает новые знания, которые оформляются в значения *различной степени абстрактности* и проецируются на некоторый предмет (тело знака)» (подчеркнуто нами – А.Б.) [Тарасов 1983: 31].

Необходимо вычленить отдельный аспект рассматриваемой проблематики. В коммуникативном контексте персональный субтекст и его читательские проекции могут трактоваться соответственно как инвариант и варианты, причем и первый и вторые являются однородными – конкретными – сущностями. Персональный субтекст, трактуемый как инвариант, раз и навсегда задан формально, неизменен (гомеостатичен) в исходном – внутрисистемном – содержательном плане (план значений, содержания). Читательские реакции (текстовые проекции) задают не столько содержательный, сколько смысловой план персонального субтекста-инварианта, окончательно воссоздавая онтологию последнего. Однако сама текстовая проекция представлена инвариантами, которые суть не что иное, как обобщённая смысловая сущность, производная от конкретных смысловых сущностей как результата индивидуальных интерпретативных установок и условно сведенная к некоей неизменной форме. Таким образом, мы говорим о разных знаковых реализациях некоей абстрактной сущности, которая во многом обобщенно и условно может быть закреплена в ином знаке, и тем самым абстрактное получает конкретную оформленность.

Список литературы

- Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: Монография / В.П. Белянин. – М.: Генезис, 2006. – 320 с.
- Грязнова В.М. Понятие инварианта в лингвистике: история вопроса и современное состояние // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009 – № 65. – С. 183 – 190.

Дридзе Т.М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учётом специфики интерпретационных сдвигов) // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / АН СССР. Институт языкознания / Отв. ред. Т.М. Дридзе и А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1976. – С. 34 – 45.

Дридзе Т.М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности (Опыт использования психолингвистических методик в социологическом исследовании) // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики / Отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1972. – С. 34 – 80.

Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Блиц, 1999. – 192 с.

Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Языковое сознание: парадоксальная рациональность / РАН. Институт языкознания / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М., 1993. – С. 51 – 58.

Перцов Н.В. О точности в филологии // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 100 – 125.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. – Издание 2-е, исправленное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

Пропп В. Морфология сказки / Государственный институт истории языков. Вопросы поэтики. Непериодическая серия, издаваемая отделом словесных искусств. Вып. XII. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.

Скуратов В.И. Инвариантность // Философский словарь. – Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. С. 205.

Солнцев В.М. Вариантность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2 изд. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – С. 80 – 81.

Сорокин Ю.А. Художественная и историческая трансляция культуры // Национально-культурная специфика речевого поведения / АН СССР. Институт языкознания. – М.: Наука, 1977. – С. 114 – 120.

Стругацкие А. и Б. Избранное. – М.: Моск. рабочий, 1989. – 527 с.

Тарасов Е.Ф. Философские проблемы психолингвистической семантики // Психолингвистические проблемы семантики / АН СССР. Институт языкознания / Отв. ред. А.А. Леонтьев, А.И. Шахнарович. – М.: Наука, 1983. – С. 20 – 45.

Толстая Т.Н. Кысь. Роман. – М.: Подкова, 2002. – 320 с.

В.И. Шаховский

УДК 81'23

МОДУС КАЖИМОСТИ: ПАССИОНАРНОСТЬ ОСКОРБЛЕНИЙ РЕАЛЬНЫХ И КАЖУЩИХСЯ

Статья рассматривает и интерпретирует основные положения модуса кажимости применительно к коммуникативным эмоциональным ситуациям (КЭС). Анализ проводится на примере оскорблений в межперсональной коммуникации. Утверждается несоответствие языковой реальности и реальности окружающего человека мира. Показываются особенности этого расхождения в пассионарных условиях общения. Демонстрируется неконгруэнтность семиотики и семантики коммуникативных знаков. Подчеркивается бесконечность кажимости в общении человека с человеком, что затрудняет объективность общения. Обращается внимание на необходимость учета этого фактора в межперсональном общении

Ключевые слова: кажимость, эмоциональное реагирование, наивное видение мира, реальный мир VS языковой мир, оскорбление, коммуникативная эмоциональная ситуация (КЭС), модусная рамка высказывания, множественность миров, неконгруэнтность семиотики и семантики, эмоциональный дейксис, человек эмоциональный (пассионарный), смысловые поля, теловые эмоции.

Victor I. Shahovskiy

MODUS OF SEEMINGNESS: PASSIONARY INSULT, REAL AND SEEMING

The article deals with the basic thesis of the modus seemingness theory in communicative emotional situations. An insult of interpersonal communication is analyzed. Non-congruence in language reality and the objective reality is affirmed. The peculiarities of this non-congruence in communicative emotional situations are shown. Non-congruence between semiotics and semantics of communicative signs is demonstrated. The infinity of seemingness is considered in human communicative processes which interferes with their objectiveness. Special attention is paid to the necessity of taking into consideration this communicative factor.

Key words: seemingness, emotional reaction, naive world observation, real world VS language world, insult, communicative emotional situation (CES), modal (modus) utterance frame, world multiplicity, non-congruence between semiotics and semantics, emotional deixis, homo sentiens, sense fields, body language of emotions.

«Мы говорим о реальности, если, конечно, таковая существует».

Г. Фреге

Целью данной статьи является рассмотрение основных теоретических и эмпирических положений модуса кажимости и его влияние на прагматику оскорблений. В докторской монографии Т.И. Семёновой [2006] отмечается следующее: нам не дано увидеть мир таким, какой он есть на самом деле. Ей вторит мнение С.Г. Шафикова о том, что «языковое мировидение есть фикция, а каждый язык один и тот же мир видит и описывает по-иному; наивное мировидение – результат поверхностного наблюдения» [Шафиков 2007: 250]. Для всех пользователей языка характерно в основном наивное видение мира, а отсюда и наивное его оценивание, и наивное переживание этой оценки. Сколько людей, столько и моделей мира, его восприятия, эмоционального реагирования.

Эмоции человека – не от окружающего его мира, а от того, как именно он его воспринимает/видит – а видит он и ощущает не то, что есть на самом деле, т.е. не реальный мир, а кажущийся; и видит человек не весь мир, а только самую его малость (для сравнения можно привести ту узкую щёлочку между закрытыми ставнями окон, через которую человек видит окружающий его мир). Индивидуальное восприятие того, что человек видит через эту щёлочку и даже то, что он видит без неё, приписывает свойства всему тому, что он видит, оценивает их и даже переживает эту оценку. Поэтому эмоции часто не имеют реальной когнитивной подкладки, а являются тоже вымышленными. Они могут быть реальными по нереальным основаниям. И в этом сложность определения, где они обоснованы, а где они выдуманы, хотя и семиотически опознаваемы.

Так, в примере *I shall hate till I die, you cad – you low-down – What was the word she wanted? She could not think of any word bad enough* (M. Mitchell), Скарлет в своем пассионарном обличении Рэта не может подыскать адекватную ее беспредельному возмущению и

ярости инвективу. Поэтому она использует серийное оскорбление из нескольких инвектив, как ей кажется, одна сильнее другой, но даже вместе недостаточных по своей аффективной семантике, чтобы задеть (оскорбить) Рэта. Но его было невозможно этим «достать», т.к. оскорбительные по форме инвективы Скарлет не были для него оскорбительными по их семантике: он очень ее любил и долгое время терпел все ее пассионарные выходки.

В следующем высказывании Скарлет *“Let him go”, she said. “He is a traitor, a speculator! He is a viper, that we have nursed to our bosoms!”* (M. Mitchell) тоже используется серийное оскорбление, но не адресное, а о третьем лице, и потому менее пассионарное по своему воздействию. Но мотив его серийности тот же: реализация/экспликация сильных эмоций говорящего, т.е. выплеск эмоций. Коммуникативная эмоциональная ситуация (далее – КЭС) показывает, что эта серия менее оскорбительная, а, может быть, и вообще не оскорбительна для того, о ком это говорится. Приведем еще один пример серийных оскорблений теперь уже из драмы У. Шекспира, чтобы доказать их частотность в коммуникации сильных, «горячих» эмоций: *“... that dog, that had his teeth before his eyes, that bottled spider, that toad”* (W. Shakespeare).

Оскорбительна или не оскорбительна инвектива для адресата зависит от многих причин: настроя последнего – не хочет оскорбляться, не авторитетен для него источник оскорблений, не видит никаких оснований для них и потому не принимает их всерьез.

Под эту эгиду попадают целые ситуации и целые высказывания, как часть этих ситуаций. Так модальная/модусная рамка, например, высказывания *«Какой же ты осёл!»* в определенной ситуации может характеризовать лишь какой-то момент «ослиности», а не в целом весь набор ее признаков (упрямство или тупость, а не хвостатость, ушастость, копытность и др.). Эта модальная рамка разворачивается следующим образом: «Ты плохой!» (оценка) + «Тебя можно сравнить с ослом, т.к. ты такой же упрямый» (в данном конкретном случае), т.е. «Ты как бы осёл» (интенсифика-

ция плохости через образность) = экспрессивность; + «Поэтому ты мне не нравишься, т.к. это меня раздражает, и я хочу, чтобы ты об этом знал» (эмоции) + «Я перехожу на сниженную лексику» (стилистика). Как видно, в данной модусной рамке представлено субъективное восприятие субъекта высказывания через значение слова и коннотацию, смысл которых формирует четыре компонента: оценочный, экспрессивный (интенсивность через образ), эмоциональный и стилистический.

Поэтому при проведении лингвистической экспертизы оскорблений необходимо учитывать презумпцию говорящего (хотел оскорбить или не хотел), презумпцию слушающего (хотел оскорбиться или не хотел), плюс всю выше перечисленную модальную/модусную рамку высказывания, плюс КЭС, в которой высказывание употреблено. Становится понятной вся сложность, лежащая на плечи лингвиста-эксперта, и этот факт судебные инстанции должны учитывать. А при отсутствии соответствующих правовых норм такая экспертиза становится практически всегда субъективной.

Как пишет А.А. Залевская, «образы сознания отображают и предметное содержание, и личностное отношение к нему» [Залевская 2001]. Ранее мы уже отмечали, что люди общаются через обмен образами, а поскольку образное сознание у каждого индивида специфично, то и коммуникативные образы различны и являются препятствием для успешной коммуникации. Именно это препятствие часто провоцирует эмоции недовольства друг другом, приводя к конфликтам и вербальным дуэлям.

Примером является различное отношение – образ восприятия спортивных соревнований разными людьми: для фанатов – это реальная жизнь, в которой они сходят с удовольствием с ума; а другим наплевать на все, что связано со спортом. И это тоже реальная жизнь. Только другая. И как фанатам никогда не понять равнодушных к спорту, так и наоборот. Соответственно реальной жизни так много, что в целом делает саму жизнь кажущейся. Существует множество языковых миров,

которые кажутся реальными. Известно, что необходимо различать, так называемый, реальный мир и языковые миры. Эти две сферы образуют «ножницы», между лезвиями которых находится человек говорящий. И в этой ситуации ему трудно оставаться *homo sapiens*, так как фактически он находится в шизореальности и ведет себя соответственно ей.

Т.И. Семёнова утверждает: «что – внутри нас, то и снаружи». Получается, что внутри нас не может быть вмещён весь окружающий мир, что вполне естественно, поскольку вместители не слишком ёмко, и поэтому то, что снаружи – это действительно явная кажимость. С другой стороны, по нашему мнению, совсем необязательно, что снаружи имеется то, что есть внутри у каждого индивидуума свое собственное. Реальный мир (то, что снаружи) не может состоять только из того, что внутри. Тем более что человек может имитировать, симулировать, скрывать, фантазировать то, что у него внутри. Напомним, что внешнее проявление чувств отличается от реально испытываемых эмоций – рассогласование внутренней сферы человека и внешней симптоматики. Нередко это объясняется коммуникативной ситуацией, когда человек вынужден быть неискренним. Иногда это объясняется адаптивной функцией, т.е. приспособлением к той или иной ситуации в социальных целях.

Так что в этом месте мы не можем согласиться с Т.И. Семёновой. Хотя принимаем её позицию, согласно которой человек не видит реального мира никогда в целом. Он видит только кажущийся мир или его фрагменты, которые тоже могут быть кажущимися. В этом и заключается сложность языкового общения людей и их частое несогласие друг с другом. Эта кажимость у каждого субъекта своя: отсюда и коммуникативные помехи/провалы/конфликты. Особенно на межэтническом и межкультурном уровне (возраст, образование, гендер и т.п.).

Это объясняется тем, что все в этом мире относительно (А. Эйнштейн) и зависит от точки зрения, а она поливариативна. Эту точку зрения мы в свое время назвали эмоцио-

нальным дейксисом, потому что точка зрения всегда эмоционально нагружена [Жура 2000; Сребрянская 2005]. Фактически все ситуации, которые в течение своей жизни человек создаст сам, хотя ему кажется, что есть какой-то их другой автор, или что они складываются сами по себе. Это особенно заметно на примере эмоциональных коммуникативных ситуаций: не только ситуации могут создавать эмоции, но и сами эмоции могут создавать ситуации (протестные раздражительные эмоции способствуют созданию конфликтных ситуаций, а интимные ситуации провоцируют эмоции ласки, нежности, радости, счастья и др. положительные эмоции в различных комбинациях или кластерах).

А вот с утверждением Т.И. Семёновой о том, что все люди, которые в разные периоды твоей жизни находятся рядом с тобой, ты притянул сам, мы согласны. Человек так устроен, что он не будет, по крайней мере, долго держать около себя людей, неприятных или ненужных ему, неинтересных. Мы тянемся только к тем, кто нам нравится, и навязчивых людей долго не терпим. Иногда решительно порываем с многолетними друзьями, коллегами, как только появляется новый эгоистичный интерес.

В состоянии аффективного комплекса человек не осознает (не понимает) своих решений. Зачастую эмоциональные решения являются глубоко ошибочными и приводят к нарушению многочисленных связей, планов. Поэтому и в этой сфере, в сфере человеческих персональных и групповых отношений, многое кажется, а потом перестает казаться, и на его смену приходит новое кажущееся. Но все в этом мире нестабильно, потому и совершаются бесконечные межличностные трагедии: казалось одно, а оказалось другое. И так без конца. И человеку трудно к этому порядку вещей привыкнуть. Отсюда и бесконечные переживания, разочарования, конфликты, обиды и т.п. Как выработать у человека иммунитет против вечной кажимости, пока науке неизвестно. Но уже известны сценарии модуса кажимости в этнических культурах (см. китайский сценарий реагирования на жизненные

неприятности: [Вежбицкая 1996: 394]).

Дж. Остин и Дж. Р. Сёрль давно уже заметили, что «какими вещи представляются нам, и каковы они в реальности» [Austin 1979; Searle 1974] – две большие разницы. Рекомендуются не замечать, не преувеличивать, не преуменьшать то, что видишь/слышишь, так как все вокруг субъективно и только кажется. Поэтому семантика слова, производимого и слышимого – аппроксимативна, стохастична и часто не имеет никакой связи с реальными признаками, качествами объекта/субъекта. Особенно если учесть, что окружающий мир создается языком человека и его мышлением. Мир – это то, что порождается языком. А использование языка всегда субъективно. Следовательно, язык создает только субъективный мир. Реального мира в языковой репрезентации не существует. И научная, и наивная картины мира создаются языком. И ни та, и ни другая не являются объективными, потому что они создаются человеком, а он скорее *homo sentiens*, чем *homo sapiens*. И это надо признать раз и навсегда, как методологическое положение лингвистической науки и человековедения в целом [см. Goleman 1997].

«Миры создаются при помощи слов, цифр, картин, звуков и любых иных символов в какой угодно среде» (Н. Гудмен) [Цит. по: Семёнова 2006: 30-31]. В связи с этим надо согласиться с общепринятым мнением о том, что мировидение формируется мышлением, а не языком, который служит инструментом мысли, а язык всегда неточен, и поэтому языковая реальность неконгруэнтна объективной реальности. По мнению В.П. Руднева, «человек все время находится, сам того не зная, в мифологическом мышлении» [Руднев 2011: 35], что и затрудняет общение людей друг с другом, потому что у каждого из коммуникантов свой набор мифологем и свои смысловые поля даже внутри одной КЭС. В этом плане ведут речь о факторе субъективизма в языке. Это тоже следует признать методологическим положением современной лингвистики [см. Иванов 2004].

Это объясняется также и различными формами присутствия человека в различных

КЭС: если человек обладает эмоциональным интеллектом, то это один набор форм; если он лишен его полностью или каких-то его конституэнтов, то это другие наборы форм. Напомним также высказывание Аристотеля о правильной форме выражения гнева в соответствующей КЭС [подробнее см. Шаховский 2007].

Поскольку язык является одновременно и результатом когнитивной деятельности, и ее средством, то он участвует в формировании модуса модальности общения. Вот такая модальность и задает форму участия человека в КЭС: по одной только модальности (просодической, интонационной, лексико-семантической, стилистической, грамматической) все коммуниканты мгновенно определяют эмоциональный настрой говорящего и его аксиологическую ауру, а также модусный вектор, от которого зависит результат общения, т.е. его эффективность. Благодаря этой форме коммуниканты также чувствуют эксплицитный или имплицитный модус оскорбления, которое, однако, как мы выше отмечали, может быть и нереальным, а только кажущимся. Между первым и вторым очень тонкое семантическое различие, параметры разграничения которого юрислингвистикой еще не установлены. Это как раз проблема лингвистической бинарности «есть VS кажется».

Никем не оспаривается мысль о том, что «резиденцией» эмоций человека является сам человек, и от их наличия и качества зависят в целом весь модус самого человека и его модусное восприятие окружающего мира и самого себя в этом мире. Отсюда завышенная/заниженная самооценка, отсюда и отношение к речевым партнерам, к их коммуникативным поступкам и делам. По визуальному поведению речевого партнера любой человек может судить о его отношении к другим коммуникантам, потому что теловая семиотика [Крейдлин 2004: 184] излучает соответствующие информационные сигналы. А поскольку они тоже кодируемы, то в целом они и легко реципиентом декодируются. Осуществляется все это через интроспекцию своих и чужих эмоций субъектом речи и через его семиоти-

ческое поведение. Все эмоции кодированы внутри данной этнокультурной общности, а, по мнению А. Вежбицкой, многие из них кодированы универсально, что и обеспечивает межкультурное эмоциональное общение [Wierzbicka 1999]. Это особенно относится к теловым и паралингвистическим эмоциям (балет, пантомима, живопись, скульптура, архитектура и т.п.). Их семиотика универсальна и при наличии эмоциональной/эмотивной компетенции и коммуникативных умений легко декодируется, что обеспечивает адекватную эмоциональную отдачу, даже при когнитивных «расщеплениях» одного и того же смысла в разных этнокультурах.

Как отмечает В.П. Руднев, при шизофрении (сознание, расколотое надвое), больные не понимают того, что с ними происходит: они видят мир не таким как все окружающие – «нормальные люди». Язык превращает мир в фикцию, поскольку все слова условны. Истина скрыта от человека, т.к. «все нормальные люди живут в шизореальности и строят шизокультуру» [Руднев 2011: 5-6].

В оправдание своих тезисов В.П. Руднев приводит такие примеры. «Человек, который говорит про копые, что это кошка, гораздо умнее того, который называет это копьем, потому что копые и кошка – это просто слова и, как их не назови, они будут одинаково вымышленными, одинаково непохожими на то, что они якобы означают» [Там же. С. 8]. «Шизофреник, понимающий оба языка, осознает, что слова произвольно могут сочетаться со всеми другими словами, потому что все слова условны» [Там же. С. 22]. Это объясняется тем, что шизофреники осознают принципиальную безграничность валентностей слов, принадлежащих миру того или иного языка. У них они значительно шире, чем у нормальных людей, и поэтому их креативность более неожиданна, а иногда и более точна.

Аналогичные случаи встречаются у поэтов и писателей, когда они играют с языком и придумывают сочетания типа «*путьки бьятые*», «*глокая куздра*», «*colourless green ideas*» и т.п. Такие же игровые новообразования продуцируют и журналисты, придумыва-

ющие новообразования типа *клеттократия, дымократия, брехлама, злобро, инфотейнмент, кардиограмма эфира, принуждение к митингу* и т.п. Такие сочетания тоже кажутся аномальными, но только на первый взгляд. Из дальнейших контекстов становится очевидна языковая игра/игра с языком.

Таким образом, из рассмотренного в статье материала видно, что модус кажимости играет огромную роль в коммуникативных процессах *homo loquens*, и особенно в КЭС, когда под влиянием аффекта конгруэнтность семиотики и семантики языковых единиц

наиболее нарушена. Пассионарность влияет на усиление оскорбительности и на качество ее восприятия, особенно если пассионарны оба коммуниканта. При этом возможны и значительные ошибки в декодировании оскорблений за счет кажущейся их прагматики: чаще всего за счет субъективного преувеличения семантики, которую иногда отправитель и не имел ввиду. В таких случаях всегда происходит расхождение семантики и семиотики оскорбительного слова. И многое в таких случаях коммуникантам лишь кажется, не имея под собой реального основания.

Список литературы

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

Жура В.В. Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности (на материале англоязычной художественной литературы): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000.

Залевская А.А. Текст и его понимание: монография. – Тверь: Тверской гос. университет, 2001. – 177 с.

Иванов Вяч.Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.

Руднев В.П. Введение в шизорельность. – М.: Аграф, 2011. – 224 с.

Семёнова Т.И. Лингвистический феномен кажимости: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 237 с.

Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2005.

9. *Шафиков С.Г.* Языковые узоры и мировидение, или есть ли душа у пейзажа? // Языковые единицы в парадигматике и синтагматике. Часть I. Уфа, РИЦ БашГУ. – Уфа, 2007. – С. 250-268.

Шаховский В.И. Эмоциональный тьюнинг в речевом общении // Язык – сознание – культура – социум. – Сб. докладов и сообщ. Междун. науч. конференции памяти проф. И.Н. Горелова. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. – С. 478-481.

Austin J. Other minds // Philosophical papers. – 3-d. ed. / ed. by J.O. Urmson and G.J. Warnock. – Oxford university press, 1979. – P. 76-116.

Goleman D. The Emotional Intelligence. Why It Can Matter More than IQ? – Bentam Books, 1997. – 354 p.

Searle J.R. Minds, brains and science. – Harvard university press. – Cambridge, Mass, 1974. – 107 p.

Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: diversity and universals. – Cambridge University Press, 1999. – 349 p.

Источники примеров

Mitchell M. Gone with the wind. – Pan Books, 1979. – 1011 p.

Shakespeare W. Romeo and Juliet. – М.: Higher School Publ. House, 1972. – 127 p.

В.Н. Базылев, В.Г. Красильникова

УДК 81.23 + 81.42

ИЗМЕРЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ «ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА»

В статье излагаются результаты пилотного эксперимента, исследующего компетенцию «понимание текста». Оценивается глубина понимания, способность к обобщению прочитанного. Обсуждаются практические выходы полученных данных: возможности контроля эффективности обучения, иные диагностические возможности.

Ключевые слова: текст, глубина понимания, факторный анализ, вербальный субтест Векслера.

Vladimir N. Bazylev, Varvara G. Krasil'nikova

ASSESSING “TEXT COMPREHENSION” COMPETENCE

The article deals with the results of a pilot experiment devoted to assessing “test comprehension” competence. The extent of comprehension and aptness to generalize the content is being assessed. The verbal subtest and knowledge acquisition rate are used as criteria. Possible application of the data received is being discussed, e.g. teaching effectiveness monitoring and diagnostic possibilities.

Key words: text, extend of comprehension, factor analysis, Weckslers’ verbal subtest.

Компетенции, определяющие владение устным и письменным общением, сегодня объявлены как критерий качества образования. Одной из ключевых компетенций признано общение, включающее в себя способность к пониманию текста.

Наше исследование является пилотным и представляет собой начальный этап разработки методик, позволяющих оценить сформированность компетенции в области понимания текстов за счет применения серии тестов. Использование тестов на понимание текста позволяет, помимо прочего, интенсифицировать процесс обучения, т.к. дает обратную связь учащемуся и учителю о сформированности компетенции в области работы с текстом.

Понимание текста есть реальная жизненная задача, в которой задействуются интеллектуальные способности. Существующие на сегодняшний день интеллектуальные тесты предлагают, однако, слишком абстрактные задачи, которые не всегда соответствуют реальным жизненным условиям. Предъявляя испытуемому методику, в которой тестирование его интеллекта будет приближено к конкретным условиям, в которых происходит его (интеллекта) реализация, у нас есть возможность прийти к более точному диагностическому заключению.

Следуя за И.А. Зимней, мы понимаем речевое сообщение как результат его осмысления, так как текст является сложным логическим и смысловым образованием. В процессе понимания текста человек устанавливает связи между разными элементами языка, в итоге приходя к содержательному целому. И.А. Зимняя, опираясь на результаты исследований З.И. Клычниковой [Клычникова 1983: 35], считает, что понимание текста может характеризоваться разными «уровнями глубины», а именно уровнем контекста, уровнем предмета, уровнем отношения и уровнем побуждения [Зимняя 1989: 29].

Существование разных уровней глубины понимания, на каждом из которых

читатель становится ближе к реальности, передаваемой автором посредством текста, позволяет построить методику, направленную на измерение как общей компетенции в понимании текста, так и отдельных компетенций, соответствующих каждому уровню глубины понимания. Задаваемые читателю вопросы, относящиеся к разным уровням глубины понимания, могут быть инструментом оценки того, насколько основательно человек осмыслил прочитанный текст.

Способом проверить, понял ли человек прочитанный материал, является задание, в котором от него потребуется в новой ситуации воспользоваться той информацией, которая была предоставлена в тексте. Успешность, с которой он справляется с этим заданием, свидетельствует о способности к обобщению абстрактных смысловых связей, сформированных в ходе чтения, и их переносу на конкретные ситуации. На наш взгляд, такая экспериментальная ситуация приближается к реальным жизненным условиям чтения, с которыми учащийся сталкивается повседневно, когда от него требуется не только воспроизводить информацию в том неизменном виде, в котором она была получена, но и компетентно действовать на основе прочитанного.

Оценку способности к обобщению прочитанного за счет анализа процедуры восполнения пропусков в тексте предложили исследователи понимания учебного текста – Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А. [Граник и др. 1987: 43]. Они считали: понимание смысла целостного текста приводит к тому, что читатель может обобщить его, восполнив отдельные недостающие фрагменты.

Разрабатываемые нами методики измерения компетенции «понимание текста» касаются двух аспектов: глубины понимания и способности оперировать прочитанной информацией в новом контексте. Оказалось необходимым разработать методику, оценивающую глубину понимания текста и способность использовать полученную в тексте информацию в новом контексте; установить предварительные нормы для показателей по-

нимания текста на выборке учащихся старшей ступени; оценить статистические связи между показателями понимания текста, показателями вербального интеллекта по Векслеру и темпа усвоения знаний.

В рамках исследовательской программы мы апробировали две методики, оценивающие разные составляющие компетенции «понимание текста»: глубину понимания текста и способность обобщать прочитанное. Для того чтобы исследовать глубину понимания, т.е. способность к обнаружению разноуровневых смысловых связей, передаваемых посредством текста, мы предлагали для прочтения испытуемым-учащимся короткие тексты (от 400 до 800 печатных знаков), не предполагающие владения каким-либо специальным знанием.

Каждому испытуемому поочередно предъявлялось для прочтения 6 текстов, причём испытуемые были ориентированы экспериментатором на изучающее, т.е. подробное, вдумчивое чтение. В зависимости от объёма текста время предъявления менялось от 1 до 3 минут. После прочтения каждого текста экспериментатор просил испытуемых спрятать его в бумажный конверт и предлагал в письменном виде вопросы к тексту. Для ответа на каждый вопрос предоставлялось 1,5 минуты. Далее предъявлялся следующий текст. К первым четырем текстам было задано по одному вопросу. Вопрос, заданный к первому тексту, был направлен на оценку первого уровня глубины понимания. Вопрос ко второму тексту касался второго уровня глубины понимания. Точно также вопросы к третьему и четвёртому текстам касались соответственно третьего и четвёртого уровней понимания. К пятому и шестому тексту поочередно задавались по четыре вопроса, каждый из которых оценивал с первого по четвёртый уровень глубины понимания. Таким образом, каждый из четырёх уровней глубины понимания тестировался по 3 раза: первый раз в одном из первых четырёх текстов, второй раз – в пятом и третий раз – в шестом тексте. При этом каждый испытуемый отвечал на 12 вопросов. Оценка ответов на вопросы производилась с помощью ключа,

содержащего диапазон допустимых ответов. Правильный ответ на вопрос оценивался в 1 балл, неправильный или отсутствие ответа – в 0 баллов. Таким образом, максимальный балл по этой шкале, соответствующий наиболее глубокому проникновению в смысловую структуру текста, равен 12.

Приведем пример использованного нами экспериментального текста: «Произошло событие поистине историческое, мы открываем памятник великому русскому писателю Николаю Васильевичу Гоголю. Мы наконец-то выполняем, свой долг перед гением мировой литературы. Авторы монумена создали образ зрелого, мудрого, погруженного в себя человека. «Я всегда закутываюсь плащом своим, когда иду по Невскому проспекту», – писал он. Именно таким мы увидели сегодня Гоголя». Вопрос к тексту: Каков смысл события с точки зрения автора?

Методиками, использованными для оценки статистических связей с разрабатываемыми нами тестами измерения компетенции «понимание текста» послужили: 1) вербальные субтесты «Сходство» и «Словарный» методики оценки интеллекта Векслера; 2) методики измерения темпа усвоения знаний, на уровне воспроизведения (в компьютерной форме).

В ходе пилотного эксперимента были получены результаты, которые могут быть проинтерпретированы следующим образом.

Было протестировано 29 учащихся. Среднее значение суммарного (по всем уровням) показателя глубины понимания по выборке составило 8,34 баллов; стандартное отклонение 2,09. Наиболее часто встречающееся в выборке значение (мода) равно 9 баллам. Минимальное значение = 3 балла, максимальное = 11 баллов. Распределение значений по выборке смещено в сторону высоких значений. Средний балл по выборке для каждого уровня глубины понимания: для первого уровня 2,8; для второго 1,8; для третьего 2,4; для четвёртого 1,4. Большая часть значений «глубина понимания текста» расположилась в диапазоне «выше среднего». За «средний» мы условно берём диапа-

зон значений от 6 до 8 баллов.

Наиболее простыми для учащихся оказались вопросы первого уровня глубины понимания - понимание общей идеи. 86% учащихся правильно ответили на все вопросы к этому уровню глубины понимания. Также относительно легко учащиеся справились с вопросами третьего уровня – понимание выразительных средств. Гораздо более трудными для учащихся были вопросы второго уровня понимания – каков предмет? Видимо, чёткое извлечение информации из текста для этой группы учащихся труднее понимания используемых автором выразительных средств. Самым трудным, как и ожидалось, явилось целостное осмысление текста, что измерялось ответами на вопросы четвёртого уровня. Здесь полностью справились с ответами на все три предлагаемых вопроса всего лишь 10% учащихся.

Среди обнаруженных корреляционных связей показателей глубины понимания текста прослеживается связь между вербальным интеллектом по субтесту «Словарный» и вторым уровнем глубины понимания текста, на котором читатель точно схватывает предмет прочитанного. Вероятно, тот интеллектуальный процесс, который разворачивается на втором уровне понимания текста, т.е. обнаружение смысловых связей и взаимоотношений между отдельными описываемыми в тексте явлениями, имеет сходство с тем, который актуализируется при выполнении интеллектуальных тестов: дело в том, что интеллектуальные тесты (и тест Векслера, в частности) предлагают выявление связей между отдельными предметами.

Интересны полученные нами обратные корреляционные связи между темпом усвоения знаний (и близкими показателями) и третьим уровнем глубины понимания, т.е. пониманием выразительных средств, используемых автором для дополнительной конкретизации смысла и обозначения его индивидуального отношения. Интеллектуальные способности, действующие на третьем уровне глубины понимания, близки по своей психологической природе к тому, что

можно назвать владением языком или чувством языка, т.е. способностью выражать один и тот же смысл разными языковыми средствами и понимать дополнительные смысловые оттенки, заданные различными языковыми средствами. Наша методика измеряет способность строить связь между двумя лексемами, которая является неизвестной для испытуемого, эту связь он должен сконструировать сам. А на третьем уровне понимания текста читателю предложен смысл, с которым к нему обратился автор, и далее, читателю требуется его раскрыть в выразительных средствах автора. Таким образом, при выполнении подобных задач задействуются разные психические механизмы: память (т.н. ассоциация по смежности) и воображение при запоминании пар слов с неизвестной для испытуемого связью между ними, а также речевое осмысление при понимании выразительных средств в тексте (3-ий уровень глубины понимания).

Результаты факторного анализа показывают, что между первым и вторым, а также между третьим и четвёртым уровнями глубины понимания существуют наиболее тесные статистические связи. По всей видимости, такое объединение связано с тем, что на третьем и, в особенности, на четвёртом уровнях глубины понимания человек намного чаще, чем на первом и втором уровнях, соотносит смысл отдельных высказываний со смыслом текста в целом.

Рассеяние значений глубины понимания текста в зависимости от вербального интеллекта по Векслеру, дает возможность исследовать те случаи, когда показатель глубины понимания находится в обратной зависимости от вербального интеллекта, т.е. выделить из общей выборки те закономерности, в которых значения глубины понимания текста и вербального интеллекта находятся в обратной зависимости. Они свидетельствуют о том, что компетенция, связанная с пониманием текста, и уровень вербального интеллекта не являются одним и тем же феноменом. Плохое понимание текста может сопровождаться способностью

хорошо решать интеллектуальные задачи на вербальном материале. И наоборот, фактор текста может стать способствующим успеху в интеллектуальной деятельности. Возможно, существуют типы «текстуального» и «нетекстуального» вербального интеллекта.

Отметим, что большая часть обследованных нами учащихся проявила интерес к такой форме проведения тестирования, где от испытуемого требуется чтение несложных, но богатых смысловым содержанием текстов.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать следующие предварительные выводы:

1. Понимание текста является сложно-организованной компетенцией, в структуру которой входят разные интеллектуальные способности, составляющие разные уровни «глубины понимания», именно: способность понять общую идею, способность понять предмет текста и извлечь необходимую фактическую информацию, способность разными языковыми средствами выразить один и тот же смысл, способность понять намерение автора, составившего текст.

Каждая из этих отдельных способностей актуализируется человеком в соответствующих практических ситуациях, в т.ч. учебных. Кроме того, в структуру компетенции «понимание текста» также входит способность обобщать прочитанное и пользоваться полученным знанием в новом контексте.

2. Компетенция «понимание текста» находится в тесной связи с вербальным интеллектом, которая статистически подтверждается, но эта связь сложна и неоднозначна. Не всегда люди, хорошо понимающие текст, демонстрируют высокий индекс вербального интеллекта, и наоборот.

3. Из четырех предложенных задач, связанных с разным уровнем глубины понимания текста для учащихся наиболее простой оказалась задача общей ориентировки в тексте (1-ый уровень глубины понимания), несколько сложнее задача понимания выразительных средств, используемых автором

(3-ий уровень глубины понимания). Самыми сложными оказались задачи извлечения из текста фактической информации (2-ой уровень глубины понимания) и рефлексии намерения автора (4-ый уровень глубины понимания).

4. Понимание предмета текста и способность выхватить из текста фактическую информацию (2-ой уровень глубины понимания) показали более выраженную корреляцию с показателем вербального интеллекта. Вероятно, тот интеллектуальный процесс, который разворачивается на втором уровне понимания текста, т.е. обнаружение смысловых связей и взаимоотношений между отдельными описываемыми в тексте явлениями, имеет сходство с тем, который актуализируется при выполнении интеллектуальных тестов: ведь интеллектуальные тесты (и тест Векслера, в частности) предлагают выявление связей между отдельными предметами.

5. Выявлена обратная корреляционная зависимость таких величин, описывающих понимание текста, как понимание смысла выразительных средств, используемых автором; способность обобщать смысл целого текста на его отдельный фрагмент при вставлении в текст пропущенных слов. Вероятно, это объясняется разными способностями, лежащими в основе усвоения знаний. В методиках, которые полагают смысл между предлагаемыми парами слов неизвестным испытуемому, он, опираясь на память (вербально-образную) и воображение, конструирует эту связь сам. В методиках, в которых смысл предложен испытуемому, его задача раскрыть его и обобщить, опираясь на речевое мышление. Из этого мы можем вывести, что, во-первых, обе эти способности являются необходимыми в обучении; во-вторых, эти способности, видимо, являются разными формами адаптации человека к обучению посредством текста и составляют одно из оснований для индивидуальных различий.

6. Методика, измеряющая способность применять полученные в тексте зна-

ния, имеет высокую корреляцию с вербальным субтестом «Словарный» по Векслеру, что говорит о возможности ее использования как инструмента для оценки вербального интеллекта и компетенции «понимание текста». Несмотря на высокую корреляцию в данной выборке между этими показателями, идентичными по смыслу они не являются: понятия в тесте Векслера берутся без контекста, а в работе с текстом он всегда есть. К тому же способ тестирования интеллекта посредством текста часто бывает интереснее для испытуемого.

7. Способность к пониманию выразительных языковых средств увеличивается пропорционально возрасту.

В заключение статьи позволим себе наметить контуры продолжения исследований в этом направлении. Правильно подобранные тексты позволяют адекватно отобразить: формирование тех самых компетенций, которые могут обеспечить человеку конкурентоспособность в его будущей профессиональной деятельности в условиях современного общества и прогнозируемого его развития; особенности структурирования и содержания знаний; индивидуальные способности и интересы учащихся; полноту информационно-образовательной среды

учебного процесса; адекватность используемой образовательной концепции для организации эффективной познавательной деятельности учащихся с учетом специфики предметной области, психологических особенностей восприятия и усвоения информации, развития умений работы с информацией.

Для определения уровня педагогической эффективности наши тесты представляют следующие два вида показателей: показатели педагогической эффективности для учащегося и показатели педагогической эффективности для учителя. Соответственно, показатели первого вида (для учащегося) включают: показатели уровня текстовой обученности и интеллектуального (когнитивного) уровня развития; показатели затрат учебного времени учащегося; показатели работоспособности учащегося; показатели мотивационной устойчивости учебной деятельности учащегося. Показатели второго вида, характеризующие деятельность учителя, включают: показатели рациональности использования той или иной концепции обучения, педагогических технологий, средств обучения; показатели затрат времени на передачу учебной информации.

Список литературы

- Граник Г.Г. и др.* Как учить школьника работать с учебником. – М.: Педагогика, 1987. – 208 с.
- Зимняя И.А.* Психология обучения неродному языку. – М.: Русский язык, 1989. – 219 с.
- Клычникова З.И.* Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. – М.: Педагогика, 1983. – 144 с.

И.Ю. Марковина

УДК 81'23

ПЕРЕВОД КАК ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматривается явление перевода в контексте психолингвистических теорий языкового сознания и межкультурного общения. Обосновывается целесообразность использования психолингвистической теории лакун для изучения семантического соответствия текстов оригинала и перевода, а также исследования степени неконгруэнтности образов мира, взаимодействующих при переводе.

Ключевые слова: перевод, этнопсихоллингвистика, языковое сознание, теория лакун.

Irina Yu. Markovina

TRANSLATION AS AN ETHNOPSYCHOLINGUISTIC PHENOMENON

The phenomenon of translation is analyzed in the context of modern psycholinguistic theories of verbal consciousness and intercultural communication. Ethnopsycholinguistic theory of lacunae is used to investigate the semantic relationships between the original and translated texts. Based on the lacunae theory translation is interpreted as a dialogue non-congruent verbal consciousnesses.

Key words: translation, ethnopsycholinguistics, verbal consciousness, lacunae theory.

Перевод рассматривается нами как лингвокультурологический феномен, как один из способов осуществления межкультурной коммуникации. Причем такая коммуникация является необходимым промежуточным этапом, опосредующим межкультурное общение автора и читателя. Иными словами, перевод имеет целью сделать возможным общение между автором и читателем как носителями разных национальных/этнических культур, образов мира, языковых сознаний. Процесс перевода можно понимать как первый из двух этапов межкультурного общения, представляющего собой диалог двух национальных языковых сознаний.

Межкультурное общение с помощью переводного текста, следовательно, является процессом, при котором происходит двойное опосредование/ двойная переработка «чужого» образа мира «принимающим» языковым сознанием: во-первых, это языковое сознание переводчика, во-вторых – языковое сознание читателя (реципиента). Перевод и восприятие инокультурного текста, как процессы межкультурного общения, характеризуются ситуацией сопряжения психических образов и представлений, бытующих в сознании носителей разных языков и культур (например, исходной и принимающей). Такие процессы не могут быть бесконфликтными. Причина этому – неконгруэнтность образов мира носителей различных культур. Следствием различной по масштабу и содержанию неконгруэнтности образов мира коммуникантов является непонимание, искажение, трансформация «чужого» текста.

Сначала при переводе, а затем при восприятии переводного текста один («чужой») образ мира (зафиксированный в тексте) «пропускается» через призму другого («своего») образа мира. При этом переводчик не только профессионально опосредует диалог сознаний: как реципиент «первого ряда» он является участником оппозитивного диалога двух языковых сознаний, участвует в этом диалоге в качестве коммуниканта. Таким образом, изучение перевода в рамках этнопсихолингвистической теории межкультурного обще-

ния невозможно без обращения к проблеме понимания. В этнопсихолингвистике понимание в условиях диалога рассматривается как результат общности сознания коммуникантов, непонимание – как следствие недостаточной общности знаний о мире, неконгруэнтности сознаний коммуникантов [Тарасов 1996]. Исследование проблемы понимания в межкультурном диалоге позволяет получать сведения о неконгруэнтности образов сознания коммуникантов, являющихся носителями разных культур, разных образов мира.

Текст перевода, таким образом, может сопоставляться с текстом оригинала, как результат понимания его профессиональным реципиентом, как результат деятельности такого реципиента по адаптации «чужого» образа мира с помощью средств автохтонного языкового сознания. Данный подход предполагает участие в восприятии и переработке текста оригинала индивидуального сознания переводчика (являющегося одновременно носителем национального языкового сознания), а, следовательно, допускает вариативность понимания авторского текста разными переводчиками. Об этом, в частности писал А.Н. Крюков [1988: 66], обосновывая необходимость включения понимания в проблемное поле теории перевода. Подчеркнем особо: изучение проблемы понимания в межкультурном контексте, делает неизбежным обращение к этнопсихолингвистической теории языкового сознания [Сорокин 2000; Тарасов 1996; Уфимцева 1996; Уфимцева 1998].

Переводчик с этнопсихолингвистической точки зрения является, во-первых, реципиентом инокультурного текста, во-вторых, автором нового текста. Текст перевода как текст, написанный на определенном языке, принадлежит культуре, члены которой говорят на этом языке, является формой существования национального языкового сознания («своего» как для переводчика, так и для потенциального массового, непрофессионального реципиента). Текст перевода может представлять самостоятельную ценность как результат адаптации «чужого» образа мира средствами «своего», своеобразного перекодирования «чужих» образов сознания с

помощью «своих», выполненного особым реципиентом, а именно, профессиональным участником межкультурной коммуникации. Развитие этнопсихолингвистикой «герменевтической модели» межкультурного общения [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989; Крюков 1988; Нестерова 2005; Сорокин 2000; Марковина, Сорокин 2010] предполагает вариативность не только понимания авторского текста переводчиком, но и переведенного текста реципиентом.

При таком подходе исследовательский интерес представляет сопоставление не только текстов оригинала и перевода, как это принято в переводоведении, но и текста перевода и его читательской проекции. Сопоставляя следующие наборы текстов: (1) авторский текст и его читательская проекция в автохтонной культуре; (2) текст перевода и его читательская проекция в «принимающей» культуре; (3) авторский текст и текст перевода; (4) читательская проекция текста в автохтонной культуре и читательская проекция текста в «принимающей» культуре, – можно получить экспериментальные данные о функционировании языкового сознания при восприятии и порождении текста, а также о специфике языкового сознания участников межкультурного общения [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989: 103-112; Данилова 2001; Марковина 2006; Филиппова 2007]. Кроме этого, экспериментальные исследования могут служить источником сведений об особенностях индивидуального сознания переводчика, как носителя того или иного национального языкового сознания или же об особенностях индивидуального сознания отдельных реципиентов текста.

В рамках теории лакун [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989; Сорокин 1991; Марковина 2006; Марковина, Сорокин 2010] представляется возможным исследовать, как, под влиянием каких факторов, создается переводной текст, который должен оказаться «коммуникативно равноценным» исходному, и что стоит за этой «коммуникативной равноценностью» (в связи с этим см. полемику А.Н Крюкова с В.Н. Комисаровым: Крюков 1988: 67). Сравнивая тексты ориги-

нала и перевода, мы устанавливаем степень и «качество» их лакунизированности (глубину/мощность и разновидности интеръязыковых и интеркультурных лакун) как данные, прежде всего, о степени «согласуемости» двух образов мира/двух фрагментов образов мира.

Классификация языковых лакун [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989; Марковина 2006; Марковина, Сорокин 2010], во-первых, на абсолютные и относительные; во-вторых, на лексические, грамматические и стилистические, позволяет установить «типологию» и «метрику» неконгруэнтности языковых систем. Лакунизированный характер двух языковых систем – это первый комплекс проблем, с которым имеет дело переводчик. Иными словами, прежде чем ЯС принимает форму текста, оно существует в форме национального языка. Наличие языковых лакун необходимо включить в комплекс факторов, отражающих специфику ЯС и, следовательно, затрудняющих достижение взаимопонимания в межкультурном диалоге.

Речевые лакуны характеризуют деятельность переводчика, не только опосредующего диалог сознаний, но и участвующего в этом диалоге в качестве коммуниканта: они позволяют «измерить» семантический объем текстов оригинала и перевода, соотношение, образовавшееся в результате адаптации образов «чужого» сознания с помощью «своих» образов как единственно возможного способа межкультурного взаимодействия. Исходя из классического переводческого правила переводить не слова, но «ряды семантических компонентов», сформулированного Ю. Найдой [цит. по: Крюков 1988: 65], мы использовали метод установления лакун для измерения соотношения семантического объема текстов оригинала и перевода. Описание речевых лакун [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989: 103-112; Марковина, Сорокин 2010: 36-44] – это способ построить типологию потерь и трансформаций, явившихся результатом построения текста, «коммуникативно равноценного» оригиналу. Наличие в тексте перевода полных и частичных лакун свидетельствует о неизбежных семантических потерях при переносе текста в другую культуру. Выявление компонен-

сированных лакун свидетельствует о фактах включения в текст перевода (в тех или иных пропорциях) фрагментов культуры реципиента. Соотношение семантического объема текстов оригинала и перевода, установленное на основании выявления полных, частичных и компенсированных речевых лакун, представляется противоречивым: семантически они одновременно и больше, и меньше друг друга [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989; Марковина, Сорокин 2010].

Описание и детальное изучение способов элиминирования лакун – заполнения и компенсации [Марковина 2006] – позволяет выявить механизмы и способы достижения «коммуникативной равноценности» при заданной «неравноценности». Использование модели лакун для анализа переводческих процессов позволяет также описать выбор переводческих стратегий. Принятие оптимального переводческого (посреднического) решения обуславливается типом лакуны, раз-

мерами дистанции между культурами автора и читателя, жанром текста, целью перевода, «профилем» реципиента.

Исследование перевода в проблемном поле этнопсихолингвистической теории языкового сознания с использованием теории лакун представляется целесообразным по следующим причинам: во-первых, процесс перевода рассматривается в широком культурологическом контексте; во-вторых, перевод изучается как этап процесса межкультурного общения (в диаде «автор/текст – переводчик»); в-третьих, изучается реципиент текста перевода, как субъект понимания и объект речевого воздействия (в диаде «переводчик/текст – читатель»); в-четвертых, теория лакун и метод установления лакун позволяют выявить «типологию» и «метрику» соотношения текстов оригинала и перевода, а также читательских проекций этих текстов как результата взаимодействия «своего» и «чужого» образов мира.

Список литературы

- Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука, 1989. – 197 с.
- Данилова Е.В.* Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах. Автореф ... канд филол. наук.– М., 2001. – 24 с.
- Крюков А.Н.* Понимание как переводческая проблема / /Перевод и интерпретация текста. Сборник научных трудов. – М., 1988. – 226 с.
- Марковина И.Ю.* Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов «притяжения» и «отталкивания»// Вопросы психолингвистики, №3, 2006. – С. 12-33.
- Марковина, И.Ю., Сорокин, Ю.А.* Культура и текст. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.
- Нестерова Н.М.* Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. – Пермь, 2005. – 203 с.
- Сорокин Ю.А.* Интерпретативная или деятельностная теория перевода? В сб.: Языковое сознание и образ мира./ Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 107-115.
- Сорокин Ю.А.* Теория лакун и оптимизация межкультурного общения / Русский язык и литература в киргизской школе, № 6. – С. 38-41.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания, – М., 1996. – С. 7-22
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания / Этнокультурная специфика языкового сознания, – М., 1996.– С. 139-162
- Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских./ Языковое сознание: формирование и функционирование. – М.: ИЯз РАН, 1998. – С. 135-170
- Филиппова О.А.* Восприятие художественного текста в разных культурах (фрагмент экспериментального исследования) / Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века. – Красноярск, 2007. – С. 359-364.

Н.В. Дмитриук

УДК 81'23

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРАЛЬНОГО ПРОЖИВАНИЯ В ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

В статье на основании проведенных экспериментальных исследований с русскими респондентами, проживающими в России и в Казахстане, делается заключение о том, что языковое сознание этноса (в частности, его фрагмент в виде паремиологического фонда) традиционно сохраняется в инокультурном окружении в условиях диаспорального проживания этноса и чаще подвергается трансформации на исконной территории проживания титульного этноса под воздействием различных экстралингвистических и социокультурных факторов.

Ключевые слова: языковое сознание русских, диаспоральное проживание, паремиологический фонд языка, пословичная картина мира, трансформация языкового сознания.

Nataliya V. Dmitryuk

RUSSIAN LANGUAGE CONSCIENCE TRANSFORMATION IN THE DIASPORA LIVING CONDITIONS OF THE FOREIGN CULTURAL SURROUNDING

The article is focused on the language consciousness experimental investigations of the Russian respondents living in Russia and Kazakhstan. The conclusion made as the result of the experiments is the following: ethnic language consciousness (particularly its proverbial stock fragment) is traditionally preserved in the foreign cultural surrounding in the ethnic Diaspora living conditions; it is more often subjected to transformation in the title ethnic heritage living area. This process is taking place under the influence of different extra-linguistic and social-cultural factors.

Key words: Russian language consciousness, diaspora living, language proverb stock, world proverb image, language consciousness, transformation.

Специфическое своеобразие культуры этноса заключаются в особом, только ему свойственном наборе общечеловеческих черт, в неповторимом их сочетании и в самобытной их реализации. Вместе с тем, смешение имеющихся внутри любого этноса особенностей, своеобразных различий, приобретенных в процессе проживания этноса в негомогенной лингвокультурной среде, тоже представляется уникальным. Любая диаспора, проживающая в инокультурной среде, воспринимает элементы титульной культуры. Совершенно очевидно, что русская языковая культура в условиях диаспорального существования и функционирования в Казахстане вполне естественно и закономерно подверглась влиянию со стороны казахской культуры и впитала в себя многие ее черты. Следы такого взаимодействия контактирующих русского и казахского языков и культур многократно отмечались исследователями [см.: Карлинский 2005; Сулейменова 2005, Шаймерденова 2004, Бадагулова 2005, Амалбекова 2009 и др.]

Наши многолетние наблюдения и полевые исследования дают основания предполагать, что русские, проживающие в России, и русские, проживающие в Казахстане, несмотря на общность языка и культуры, обладают разными специфическими особенностями национальной психологии, менталитета, речевого поведения, другими словами, имеют разные языковые картины мира. Именно этому посвящена наша работа: поиску различий «внутри себя», внутри одного этноса, проживающего в разных ареалах.

В своих исследованиях мы исходим из предположения, что картины мира, отраженные в языковом сознании даже одного этноса (в данном случае – русского), могут быть различными в зависимости от геополитической среды проживания, степени ассимилированности с коренным населением, от возрастных, гендерных и других социокультурных факторов.

В границах данной статьи попыта-

емся доказать это на примере функционирования в языковом сознании наиболее статичного фрагмента лексической системы языка – паремиологического фонда, включив в него не только пословицы и поговорки, но и фразеологические единицы, крылатые слова и выражения, различного рода реминисценции, закрепленные в прецедентных языковых феноменах; другими словами, – все то, что так или иначе связано с отражением архетипических представлений этноса об окружающем мире.

В этом плане паремиологический фонд языков является весьма интересным материалом исследования, где не только отчетливо виден срез «язык – культура – этнос», но и со всей очевидностью отражаются архетипы языкового сознания этноса: пословичный фонд любого языка является своеобразной призмой, сквозь которую отражается представление народа об окружающем мире и о себе, поэтому исследование этого фрагмента языковой системы, безусловно, может представлять интерес для лингвокогнитивного, этноментального, в том числе сопоставительного анализа и реконструкции языковой личности и языкового коллектива в целом.

Рабочей гипотезой наших исследований послужило предположение о том, что, поскольку паремиологический фонд языка представляет собой наиболее статичную, архетипическую, давно сформировавшуюся языковую картину мира (ЯКМ), то и современным преобразованиям, социокультурным трансформациям она не должна подвергаться, либо может подвергаться в наименьшей степени. Другими словами, в своих предположениях о неизбежном изменении представлений о мире и себе в условиях проживания в инокультурной среде мы исходили из того, что такие изменения естественны, но необязательны, например, в сфере пословичного менталитета, и если они обнаружатся, то, скорее, в среде диаспорального проживания этноса под влиянием комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов.

Вместе с тем, общеизвестным фактом в последнее время стало постепенное исчезновение из речи (особенно в молодежной среде) богатейшего пословичного фонда русского языка. В этой связи нам представилось интересным рассмотреть, как функционируют пословицы в речи и в языковом сознании современных носителей русского языка, проживающих в разных регионах (в частности, в России и в Казахстане) и что послужило причиной «вымывания» этого лексического пласта из речи, а, следовательно, и из языкового сознания носителей русской языковой культуры.

Итак, содержанием наших исследований стало восприятие окружающей действительности сквозь призму паремнологического фонда языка – уникальный феномен пословичного представления о мире. Нами было предпринято экспериментальное исследование русских паремий в психолингвистическом аспекте с точки зрения их функционирования в языковом сознании русского народа, проживающего в разных лингвокультурных ареалах, в частности – в Казахстане и в России [Дмитрюк, Мезенцева 2010а].

Выяснить это мы попытались на материале пословичного фонда русского языка (более 500 русских пословиц), представленного в образах сознания сопоставляемых групп – русских-россиян (РР) и русских-казахстанцев (РК). Всего в эксперименте приняли участие 1500 респондентов РР (686 мужчин и 814 женщин) и 1506 респондентов РК (650 мужчин и 856 женщин). При подборе информантов были учтены в основном гендерный и возрастной факторы: все участники были условно распределены на три возрастные группы. В первую группу (1м – «молодежная») вошли юноши и девушки от 15 до 25 лет. Эта возрастная группа оказалась самой многочисленной (ввиду удобства проведения массовых экспериментов любого содержания и направленности в школьной среде и студенческой аудитории) и была выделена

как социально перспективная, поскольку определяла возможность прогнозирования развития сознания тех русских, которые «в ближайшие 30 лет будут определять языковую, духовную и материальную жизнь общества» [РАС 1994: 5].

Вторая группа определена как «переходная» (2п), в нее вошли представители среднего возраста от 25 до 45 лет. Третья возрастная группа была представлена в эксперименте респондентами от 45 до 60 лет и старше (3с): эта группа хотя и немногочисленная, но весьма показательна в плане исследования динамики языкового сознания этноса в диахроническом аспекте [см.: Мезенцева 2010: 14-15].

Таким образом, возрастная стратификация респондентов учитывалась специально для того, чтобы сравнить, каким образом и в каких формах пословичная картина мира зафиксировалась и функционирует в языковом сознании молодежи и старшего поколения.

В процессе работы было предложено 27 вариантов анкет с заданиями, типа: *Назвать пословицы, содержащие в своем составе данный компонент: Мать/матушка – хата/дом – ум/умный – беда/горе – работа/труд* и др.

Продолжить пословицу: За двумя зайцами погонишься....., Умная голова....., Грамоте учиться....., Рад бы в рай...., Не родись красивой, а..... и др.

Объяснить, как вы понимаете значение пословиц: Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет; Сколько волка ни корми, он в лес смотрит; С паршивой овцы хоть шерсти клок; Нет худа без добра и др.

Кроме перечисленных, были предложены творческие задания для определения степени агнонимичности (узнаваемости) паремий в языковом сознании информантов – участников эксперимента (*Опишите ситуацию, при которой уместно употребление данной пословицы; Вспомните случаи неуместного употребления пословиц, их искажения, непонимания или неправиль-*

ного понимания; Часто ли вы используете пословицы и поговорки в своей речи, в какой ситуации и с какой целью? Актуальны ли пословицы в наше время? Нужны ли они в нашей речи? Запишите 2-3 любимые пословицы или поговорки и под.)

В нашем исследовании «степень агнонимичности» исчислялась из соотношения «правильной» или «неправильной» интерпретации значения тех или иных паремий. Как правило, во многих случаях те или иные паремиологические единицы не всегда имеют адекватное отражение в языковом сознании современных носителей языка. Именно такие «дефектные» дефиниции и являются «сырьем» для изучения паремиологической агнонимии, выявить которую мы попытались в ходе полевых экспериментальных исследований с русскими участниками-респондентами из Казахстана и России.

Анкетирование показало, что агнонимичность исследуемых паремиологических единиц неодинакова: она может быть более сильной или более слабой, т.е. данное понятие – агнонимия, «неузнаваемость» – внутренне градуируется.

Содержание анкет для проведения эксперимента было составлено нами на основе наиболее известных и употребительных пословиц русского народа. После проведения эксперимента анкеты обрабатывались. В процессе работы над содержанием анкет выяснилось, что информанты используют в ответах те семантические компоненты, которые в исходной паремии присутствуют имплицитно или вообще в ней отсутствуют. Отдельные правильные ответы были отнесены к случаям частичной агнонимии (например, правильная трактовка значения может не сопровождаться отнесением к определенной ситуации, либо употребление данной единицы в контексте может быть некорректным и т.п.). Например, в первом задании анкеты информантам было предложено вспомнить как можно больше пословиц, содержащих в своем составе определенный компонент.

В задание вошли слова/концепты «Работа/Труд», «Беда/Горе», «Мать/Матушка», «Добро/Зло», «Ум/Глупость», «Жизнь/Смерть» и многие другие. После обработки полученного экспериментального материала выяснилось, что степень агнонимичности в анкетах РР заметно выше, чем у РК – участников эксперимента. Так, например, на компоненты *хата/дом* и *умный/ум* из 110 РР назвать правильные примеры пословиц не смогли 53 человека, в то время как из 112 РК правильные примеры пословиц привели 98 участников, а неправильных всего 14 человек. Причем, следует отметить, что наименее успешно справилась с этим заданием молодежная (1м) группа респондентов и в России, и в Казахстане.

В задании «Продолжить пословицу» использовался метод неоконченных предложений, в которых информантам необходимо было реконструировать включенные в анкеты фрагменты паремий. В процессе восстановления основного корпуса высокочастотных, широко употребительных паремиологических единиц, которые условно можно отнести к прецедентным феноменам русского языкового сознания, в ответах информантов казахстанской группы всех трех возрастных групп была выявлена достаточно высокая степень продуктивности паремий-стимулов, которые отличаются высокой степенью узнаваемости и восприятия их (пословиц) как стереотипного «аксиознака». Например, в экспериментальном корпусе анкетного материала группы РК легко и успешно были «опознаны» и восстановлены такие пословицы, как: *Пришла беда – отворяй ворота; Кончил дело – гуляй смело; На воре шапка горит; Правда глаза колет; В семье не без урода; Береги платье снову, а честь смолоду; В гостях хорошо, а дома лучше; Язык мой – враг мой; Наши пострел везде поспел/успел; Человек предполагает, а Бог располагает* и многие другие. Низкопродуктивными и непродуктивными в языковом сознании и речевой практике участни-

ков группы РК оказались такие пословицы, как: *Чужая сторона научит горюна / прибавит ума; Беда не по лесу ходит, а по людям; На одном месте и камень мохом обростает; Свои собаки грызутся – чужая не приставай* и другие. Следует отметить, что в ответах респондентов РК в большей степени прослеживалась четкость и правильное смысловое понимание пословиц, старательность в заполнении анкет и желание участвовать в научном эксперименте.

Что касается возрастной категории сопоставляемых групп, то и при выполнении второго задания прослеживалась та же тенденция: в первой (молодежной) группе наблюдалось больше отказов от ответов или неправильных ответов, чем во второй и третьей возрастной группе респондентов.

Набор ответов на это же задание, представленный респондентами группы РР, в целом говорит о широко распространенном среди россиян явлении «преобразования», происходящем в настоящее время, случайной или намеренной трансформации широкого круга типичных русских пословиц. Причем, такие формы изменений, перефразирования или контаминаций пословиц встречаются чаще в молодежной среде и во второй возрастной группе, и практически отсутствуют у респондентов старшего поколения, ответы которых в общих чертах схожи с ответами старшей группы респондентов РК (что, по-видимому, можно объяснить общностью языкового сознания поколения, выросшего в единой стране – Советском Союзе).

Судя по ответам российских респондентов первых двух возрастных групп, они либо не знают предлагаемых фрагментов пословиц (отказ от ответа, прочерк), либо смутно представляют себе значение пословиц (*Не красна изба углами, а... красна глазами*), либо не хотят отвечать серьезно (*Ученье свет, а ... я причем?*), либо действительно этот богатейший и интереснейший пласт русского языка «вымывается», исчезает из активного употребления со-

временного русского молодого человека.

При использовании стереотипных механизмов ментальных процессов – например, продолжить знакомый текст пословицы – в группе российских респондентов молодежной и средней возрастной группы наиболее активно проявилось творчество, желание «перекроить» на свой лад банальную ситуацию, речевой штамп (чем чаще всего и отличается пословица), что породило большое количество контаминированных текстов – пословичных новообразований.

Высокая продуктивность новых, порожденных на основе традиционных русских пословиц, текстов отражается в их широкой распространенности, их активной актуализации в речевом арсенале молодых людей из разных российских городов. Если бы такие ответы были получены из одной экспериментальной группы (одна школа, вуз, город), можно было бы предположить, что это речевой оборот «местного значения», распространенный в узком кругу. Однако такого рода примеры «пословиц-перевертышей», «пословиц-контаминаций» были зафиксированы в материалах российских респондентов из разных городов (Москва, Санкт-Петербург, Пенза, Саратов, Орел и др.), разных социальных групп. Наряду с кодифицированными паремиями (теми, которые зафиксированы в словарях) в материалах российской части эксперимента были обнаружены активно используемые в речи молодежи паремии, возникшие из современных анекдотов, рекламных слоганов, строчек из популярных песен, кино и мультфильмов и прочих прецедентных текстов русской речевой культуры. Например:

- *Баба с возу - и волки сыты*
- *Всяк кулик свое место знает*
- *Где кто родился, там и женился*
- *Деньги не пахнут, потому что их отмывают*
- *За двумя зайцами погонишься – одного пристрелишь*

- Кто поспел, того и съели
- Лучшие переспать, чем недоесть
- На одном месте мил не будешь
- Не все то золото, что плохо лежит
- Не рой другому яму, пусть сам роет
- Не так страшен черт, как его малютки
- Новая метла – новая беда
- Обещанного не всякий дождется
- Поближе узнаешь, подальше пошлешь
- Под лежащий камень мы всегда успеем
- Рожденный брать давать не может
- Рожденный ползать упасть не может
- С тонущего корабля – хоть шерсти клок
- С кем поведешься, с тем и наберешься
- Сколько волка ни корми, он все равно сытым не будет
- Тяжело в лечении – легко в гробу
- Человек предполагает, а руки делают
- Яйца от курицы недалеко падают и мн. др.

Богатый арсенал такого рода пословицных новообразований с «перевернутым» смысловым содержанием широко представлен на интернет-сайтах, например, в блоге известного российского шоумена Николая Фоменко, они звучат во многих российских молодежных радиопередачах и т.д.

Произведенный нами анализ такого рода «искаженных» пословиц позволил составить их структурно-семантическую классификацию и выделить пять наиболее продуктивных схем паремического моделирования.

1) Первый, самый распространенный способ, – это контаминация (смешение), когда начало одной пословицы соединяется с концом другой: *Наша хата – шито крыто; Баба с возу – и волки сыты; Даренному коню кулаками не машут; Не*

плюй в колодец, вылетит – не поймаешь; На чужой каравай где сядешь, там и слезешь; Для милого дружка – семь верст не круг и др.

2) Второй вид деформации характеризуется отсечением части пословицы и добавлением нового суждения – это неожиданная авторская концовка: *Кто поспел, того и съели; Лучшие синица в руках, чем утка под кроватью; Тише едешь – дальше кукиш; Тише едешь – никому не должен; Старый друг лучше двух подруг* и под. При этом возможен и просто элемент приращения к законченному суждению-пословице нового параллельного суждения: *Старость – не радость, а молодость – гадость; Друга нельзя купить, зато его можно продать; Сорок пять – баба ягодка опять, сорок восемь – снова осень; Старый конь борозды не портит, но и глубоко не вспашет* и др.

3) Третий тип – это так называемые фонетические оговорки: *В тихом омуте черви водятся; Дружья познаются в еде; Днем согнем, ночью разогнем; В жизни всегда есть место пофигу; С мылом рай и в шалаше; На ошибках мучаются; Не йоги горшки обжигают* и др.

4) Четвертый вид – утрата части, какого-либо фрагмента пословицы с течением времени, что может быть связано с изменением значимости, актуальности такого фрагмента и проч.: *Москва бьет с носка и слезам не верит; Утро вечера мудренее – трава соломы зеленее* и др.

5) Пятый вид – это современные паремологические новообразования: *Компьютер без мыши, что коммерсант без крыши; Красна изба не кутежами, а своевременными платежами; С миру по нитке – Гитлеру веревка; Кто к нам с пивом придет, тот за водкой и побежит* и др.

Смеховая семантика в во всех перечисленных случаях деформации передается с помощью подмены слов, нарушения традиционной канонической логики суждения, что порождает игровой харак-

тер речевой ситуации и почти всегда имеет развлекательную функцию и что Ю.Н. Караулов в послесловии к Русскому ассоциативному словарю называл «карнавальным смехом» [Караулов и др. 1994: 201].

Данные факты доказывают, что при реконструкции/восстановлении заданной паремии из долговременной памяти респондентов группы РР рождается новый, не менее логичный, актуальный, осмысленный и остроумный, и даже концептуально значимый (в современной лингвокультурной плоскости) текст, подчас пронизанный юмором, повторяемый многими участниками эксперимента, явно не знакомыми между собой (из разных российских городов), но воспринимающих этот новый, контаминированный облик пословицы как знакомый прецедентный текст, имеющий распространение в речевой среде современной молодежи [Дмитрюк, Мезенцева 2010б].

Как видим, материалы второго задания в анкетах эксперимента выявили не столько уровень агнонимичности пословичной картины мира, сколько другой, не менее интересный аспект исследований – процесс творческого переосмысления пословичного фонда русского языка. И в этом процессе преуспели российские информанты, в анкетах которых практически повсеместно (если не в одном, то в другом задании) оказывался ответ-перевертыш, вольное или невольное перефразирование, искажение пословицы.

В ходе анализа ответов респондентов выяснилось, что пословичный фонд, отраженный в языковом сознании информантов (и казахстанцев, и россиян) не только не тождественен друг другу, но и по-разному воспринимается, понимается и используется в речи носителей русского языка. Выявлена неоднозначность в ответах испытуемых, неожиданные несоответствия, а зачастую и нежелание серьезно отвечать на вопросы.

Пословичные картины мира в языковом сознании русских-россиян в большей степени подвергается переосмыслению,

трансформации пословиц, особенно в молодежной среде, где отчетливо прослеживается влияние рекламы, клишированных и прецедентных выражений, строчек из анекдотов, песен и т.п. В материалах казахстанской части эксперимента отмечается более ровное, обыденное восприятие и использование пословиц, заметно меньше примеров их перефразирования, деформации и контаминации.

Вместе с тем, сопоставительный экспериментальный анализ функционирования пословиц в языковом сознании русских-россиян и русских-казахстанцев показал и наличие общих базовых элементов в русском языковом сознании, что свидетельствует об общекультурном пословичном менталитете двух сопоставляемых групп, составляющем ядро национального языкового сознания русского этноса.

Анализ паремиологического фонда в синхроническом и в диахроническом аспекте позволяет выявить степень распространения тех или иных когнитивных смыслов в паремиях народа и дает достоверное представление о специфике и динамике изменения его языкового сознания.

Таким образом, по результатам проанализированного экспериментального материала можно утверждать, что восприятие пословичного фонда русского народа представителями РК и РР неоднозначно, а вполне отчетливо отличается по многим параметрам. Рабочий материал, полученный после проведенного анкетирования, часто содержал противоречивые суждения, предоставлял неожиданные результаты, опровергал предполагаемые ожидания и выстраивал новые исследовательские задачи и гипотезы. Так, после обработки, систематизации и статистического анализа полученного нами анкетного материала выяснилось, что степень агнонимичности пословичного фонда в языковом сознании российских респондентов (РР) заметно выше, чем у казахстанских участников (РК) эксперимента. Было выявлено, что пословичный фонд, зафиксированный в соответ-

ствующих словарях, часто не тождествен пониманию его современными носителями языка. Это особенно актуально в отношении молодежной группы нашего эксперимента: и в казахстанском, и в российском корпусе анализируемых материалов эти участники обнаружили плохое знание русских пословиц и поговорок, неумение и нежелание использовать их в своей речи. При этом в российской молодежной группе нередко прослеживалось откровенно насмешливое отношение к «золотому фонду» русской языковой картины мира, указание на то, что этот пласт лексики устарел, потерял свою актуальность, поэтому роль и назначение пословиц в речевой деятельности современного человека себя исчерпали. Своеобразными заменами этой «кладовой народной мудрости» в материалах эксперимента оказались приведенные выше многочисленные современные пословичные «новообразования», необычные контаминации—«перевертыши» или откровенно сниженный лексикон.

Подобные примеры, отмеченные в материалах эксперимента, позволяют говорить о заметной трансформации функционирования пословичного фонда / пословичной картины мира в языковом сознании представителей русского этноса, что особенно отчетливо проявляется на фоне разных регионов их проживания при сравнительно-сопоставительных исследованиях.

Более того, вопреки нашей рабочей гипотезе о том, что русское языковое сознание на территории России должно надежнее сохранять свою чистоту и незасоренность этнокультурными, внелитературными и прочими элементами, чем в других регионах проживания представителей русского этноса, материалы проведенного эксперимента-анкетирования показали обратную картину.

Так, русские респонденты, проживающие на территории Казахстана, в своих анкетах, в ходе устных бесед, блиц-интервью и пр. в основной своей массе

демонстрировали общепринятое, обыденное, стандартизированное, «классическое» восприятие пословичного фонда русского языка, за редким исключением с элементами речевых оговорок, каламбуров, ошибочного понимания смысла пословиц. Их ответы на разные типы заданий носили характер незамысловатых мыслительных операций: прямые ответы на прямые вопросы (или отказы от ответов) по типу школьных домашних упражнений. В то время как российские респонденты либо отказывались от ответа (прочерков в анкетах россиян намного больше, чем в ответах казахстанцев), либо стремились каким-то образом «обыграть» задание, перефразируя пословицу или включая ее в рамки иного «сценария», с элементами «карнавального смеха, либо просто по незнанию искажали смысл, сводя к нулю назидательность и житейскую мудрость пословицы. И если в казахстанском корпусе экспериментального материала, безусловно, тоже встречались и отказы от ответов, и неправильное понимание пословиц, и однообразие и бедность словарного запаса участников, то в материалах российской части экспериментального материала заметно больше было ответов откровенно насмешливого, ироничного отношения к тому «кладезю народной мудрости», которым принято называть пословичный фонд языка.

На этом основании, с большей или меньшей степенью достоверности, (поскольку результаты исследования напрямую связаны с контингентом участников эксперимента и в Казахстане, и в России: следует иметь в виду, какие школьники и студенты каких именно учебных заведений приняли участие в анкетировании), но опираясь на статистические показатели, можно констатировать, что в языковом сознании молодежной группы респондентов РК русская пословичная картина мира представлена отчетливее и богаче, чем у их сверстников, проживающих в России. Понимание значения пословиц, а следова-

тельно, и их употребление в речи, по статистическим материалам эксперимента, в группе казахстанских русских выше, чем у русских-россиян, где, напротив, выше процент пословично-паремиологической агнонии – «неопознаваемости» заданных языковых знаков.

Судя по отношению к паремиям российских респондентов молодежной группы, можно предположить, что народная мудрость пословиц, в их понимании, стала стремительно устаревать, заменяться более современными, но явно ироническими когнитивными «моделями», переосмысленными на свой лад житейскими ситуациями-«сценариями», чего (пока еще) не наблюдается в традиционном диаспорально-замкнутом языковом сознании русских казахстанцев, сохранивших традиционное отношение, понимание и использование в речи богатейшего наследия русской языковой культуры – пословичного фонда языка и, соответственно, неискаженность русской пословичной картины мира.

Таким образом, анализ полученного нами экспериментального материала позволяет сделать несколько неожиданный, но тем не менее достоверный вывод: во-

преки нашей изначальной рабочей гипотезе оказалось, что паремиологический фонд русского языка (видимо, как и любого другого) надежнее сохраняется в инокультурном окружении в условиях диаспорального проживания этноса, и в большей степени подвергается трансформации на исконной территории проживания титульного этноса.

По-видимому, любая замкнутая культура, диаспорально проживающая в негомогенной лингвокультурной среде, неизбежно испытывает на себе действие противоположных сил: когда «свои среди чужих», интуитивно или осознанно, стремятся сохранить тот стержень, ту языковую и культурную доминанту, которая их и *объединяет*, и одновременно *отделяет* от инокультурных наслоений (стремление к сохранению самобытности и уникальности своего языка и культуры), и когда чаще осознанно, чем интуитивно, воспринимают культуру титульного этноса и ассимилируются в ней (стремление к адаптации и расширению культурного диалога).

При этом язык как основной признак этнической культуры неизбежно выступает как главный фактор этнической интеграции.

Список литературы

- Карлинский А.Е.* Место паремиологии в науке о языке // Вестник КазУМОиМЯ им. Абылай хана. – Алматы, 2005. – №3. – С. 26-48.
- Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С.* Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. – Алматы, КазНУ, 2005. – С. 13.
- Шаймерденова Н.Ж.* Тюркология и славистика: грани взаимодействия. – Материалы МНК, посвященной акад. А.Кайдарову. – Алматы, 2004, – С. 593-598.
- Амалбекова А.* Взаимодействие казахского и русского языков в публицистических текстах // Вестник Кокшетауского ГУ. – Кокшетау, №1-2, 2010. – С.19-24.

Бадагулова Г.М. Функционально-коммуникативная модель русского языка Казахстана. Автореф. ... докт. филол. наук. – Алматы, 2005. – 48 с.

Дмитрюк Н.В., Мезенцева Е.С. Экспериментальные исследования пословичной агнонии в языковом сознании русского этноса // Вестник Кокшетауского ГУ. – Кокшетау, №1-2, 2010а. – С.65-72.

Дмитрюк Н.В., Мезенцева Е.С. Архетипы языкового сознания в призме пословичного фонда русского языка // ММК «Копыленковские чтения». – Алматы, 2010б. – С. 201-207.

Мезенцева Е.С. Пословичная картина мира в языковом сознании русских: функционирование и трансформация. Автореф. ... к. филол. наук. – Шымкент, 2010. – 24 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. – М., 1994. т.1.

Е.А. Маклакова

УДК 16.21.29

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ПСХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ

В статье рассматриваются проблемы описания семантики русских наименований лиц с использованием данных прямого ассоциативного эксперимента в ракурсе психолингвистического реального значения слова.

Ключевые слова: психолингвистическое значение слова, методика унификации семного описания, коннотативная оценка и эмоция, энантиосемический эффект, прецедентные тексты.

Elena A. Maklakova

TO THE PROBLEM OF THE PSYCHOLINGUISTIC MEANING OF PERSONS' NOMINATION

The article deals with the problems of persons' nomination semantic description on the basis of associative experiment in the light of the real psycholinguistic meaning of words.

Key words: The real psycholinguistic meaning of word, methods of semantic description unification, connotative mark and emotion, enantiosemic effect, precedential texts.

Процессы и результаты идентификации слова испытуемым фиксируются с учетом отношения личности к объектам, ситуациям, явлениям мира, являющимся предметом или условием текущей деятельности. Опыт индивида, память прошлых контекстов, индивидуальное (текущее) когнитивное состояние, в котором находятся конкретные носители языка в момент идентификации, предопределяют этот процесс и его результат. Кроме того, человек сравнивает то, что он знает о свойствах и качествах предметов и явлений, с принятыми в социуме взглядами.

Данные, полученные в результате проведения прямого ассоциативного эксперимента, подвергнутые семной интерпретации, выявляют психологически реальное (психолингвистическое) значение слова [Стернин 2010: 57-63], которое позволяет уточнить, дополнить и расширить лексикографические дефиниции толковых словарей, а также выявить новые значения лексических единиц, служащих для обозначения наименований лиц и употребляющихся в межстилевой и разговорной лексике, например, в русском языке – *бабник, бестолочь, бизнесмен, боевик, большевик, выскочка, вышибала, девушка, друг, идиот, королева, красавец, папа, паразит, паршивец, пассия, прокурор, проститутка, профи, прохиндей*.

В нашем исследовании выявление и фиксация семантических признаков наименований лиц проводится с применением методики унификации их семного описания. Один из этапов алгоритма данной методики включает описание денотативного макрокомпонента каждой из семем лексической единицы языка по схеме: архисема, полоразличительный признак, интегральный признак тематической группы, дифференциальные признаки в зависимости от их близости к ядру или периферии значения, а также их яркости. Например: *бабник – лицо, мужской пол, любит ухаживать за женщинами; большевик – лицо, мужской пол, состоял в партии большевиков; профи – лицо, мужской или женский пол, занимается спортом*

профессионально; прохиндей – лицо, мужской пол, занимается мошенничеством, жульничает и ловчит.

На практическом материале в нашем исследовании, ставившем своей целью детальное изучение проблем описания семантики наименований лиц, выявлено, что психологически реальное значение слова совпадает по семному составу со значением, представленном в толковом словаре, лишь в 30% исследуемых слов, в основном входящих в состав тематических групп: наименования лиц по уровню интеллектуального развития (*бестолочь, идиот* семема 1, 2), наименования лиц по характерным качествам (*бабник, проститутка* семема 2), наименования лиц по роду деятельности (*боевик, проститутка* семема 1), наименования лиц по внешнему виду (*красавец*).

Несомненно, выявленные в процессе психолингвистического эксперимента имплицитные семантические компоненты слов, не зафиксированные в словарных дефинициях, но которые «реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителя языка» [Попова, Стернин 2007: 168 и след.], позволяют более углубленно и расширенно моделировать содержание семем с ядерной и периферийной стратификацией образующих их семантических компонентов.

Например, лексикографическая фиксация слова *красавец* (*лицо, мужской пол, отличается красивой внешностью*) может быть дополнена такими выявленными в эксперименте семантическими признаками как внешний вид (*высокий, гламурный, идеальный, в военной форме, стильно одетый*), профессиональная или социальная принадлежность (*актер, звезда, сын богатых родителей, голубой*), интеллектуальное развитие (*умный, тупой, культурный*), а также характерным качеством (*самовлюбленный*). Подавляющее большинство семантических признаков, выделенных на основе дефиниционного анализа лексем *боевик* (семема-3 – *лицо, мужской пол, входит в состав вооруженной террористической, обычно националистической, группировки*) совпадает

с теми, которые были выявлены с использованием метода семной интерпретации полученных в ходе эксперимента ассоциаций.

Психолингвистическое значение полисемантического слова *проститутка* (семема-1 – *лицо, женский пол, в возрасте от юного до зрелого, продает свое тело за деньги*; семема-2 – *лицо, мужской или женский пол, отличается продажностью и бесчестностью*), полученное на основе семной интерпретации ответов испытуемых, также в основном совпадает со словарным толкованием его значений, при этом психолингвистическая модель значения семемы-1 данного слова включает также такие приядерные признаки, как место обитания (*на дороге, на трассе, в борделе, сауне* – количество реакций 15), стоимость услуги (*дорогая, дешевая, доступно, элитная* – количество реакций 8), внешний вид (*вульгарно одетая, грязная, голая* – количество реакций 5), физическое состояние (*болезни* – количество реакций 3), которые, на наш взгляд, целесообразно фиксировать в словарях посредством понятия **вероятностных сем**, сопровождая словами *возможно, вероятно, часто, обычно, может быть*.

Следует отметить, что психолингвистический эксперимент не только гарантирует выделение отдельных семантических компонентов с точки зрения их реальности для языкового сознания носителей языка, но и позволяет выявить их оценку и вызываемую эмоцию, что существенно при описании коннотативного макрокомпонента значения. Оценочный компонент коннотации закрепляет в значении слова информацию об **одобрительном** или **неодобрительном** отношении к обозначаемому предмету или явлению с позиции степени его соответствия некоему качественному или количественному стандарту. Например, согласно данным проведенного анкетирования, к лексике мелиоративного характера в целом можно отнести слова *профи* (молодец 4, крутой 2, умница 2, хорош в своем деле 2, идеал, класс, классный, круто, лучше всех в деле, лучший, настоящий, первоклассный, супер;

всего реакций 19 из 195 или 10%), *королева* (богиня 3, принцесса грёз 3, женщина мечты, лучшая, самая лучшая; всего реакций 9 из 195 или 5%), *девушка* (хороша 2, классная, супер, хорошая, шикарная, это счастье; всего реакций 7 из 199 или 4%), в то время как **пейоративные** ассоциативные реакции связаны с лексическими единицами *паразит* (гад 12, плохой 4, сволочь 3, гадкий 2, зараза 2, мерзость 2, негодяй 2, мерзкий, не изменить, неприязнь, редкий, ужасно, этакий; всего реакций 33 из 199 или 17%), *бестолочь* (дурак 7, дура 4, дурень 4, идиот 3, дебил 2, паршивая 2, плохой 2, евнух, овца; всего реакций 26 из 197 или 13%), *боевик* (страшно 2, жуть, страх, ужас; всего реакций 5 из 49 или 10%), *высочка* (плохо 2, бесит, их не любят, надоела, не люблю, ненавижу, несчастная, ни о чем, ничего из себя не представляет, отвращение, пиздюк, получит, противный, раздражение, убить мало, урод; всего реакций 17 из 195 или 9%), *прохиндей* (дурак 3, плох 3, плохой 2, бесит, говно, ужас, чертов 12 из 195 или 6%), *идиот* (бесит, достал, дрянь, неприятный, неприятность, никчемный, плохо, плохой человек, ругательство, с ним неприятно разговаривать; всего реакций 11 из 199 или 5,5%), *пассия* (агрессия 2, курица, не нравится, неудачная, новая дура, плохая, фурия; всего реакций 8 из 197 или 4%), *вышибала* (дебил, дурь, кретин, осел; всего реакций 4 из 197 или 2%), так как поведение и действия носителей таких наименований, расцениваются как недостойные человека, осуждаются, вызывают неприязнь.

В психолингвистическом значении слова наблюдается такое явление как **амбивалентность коннотативной оценки**. Например: *бабник* (**вызывает неодобрение и презрение – 54 из 199 или 27%**: козел 16, кобель 8, плохо 3, плохой 3, сволочь! 2, урод 2, безвольный, бессовестный, бессовестный мужик, бич, зараза, идиот, легкомыслие, маньяк, негодяй, обманщик, парень плохой, плохой мальчик, плохой мужик, предатель, проститут, распущенность, сельский, скотина, стервозный, тварь; **вызывает одобрение и сочувствие 12 из 199 или 6%**: молодец,

пахарь, респект, хороший человек, ухажер, красивый 2, мачо 2, умопомрачительный, бывает, тоже человек); *друг* (вызывает одобрение и положительные эмоции 64 из 194 или 33%: лучший 42, хороший 15, настоящий 4, важный, классный, счастье; вызывает неодобрение 3 из 194 или 2%: плохой, псих, скот); *прокурор* (вызывает неодобрение 16 из 194 или 8%: гад 3, козел 2, мусор 2, дебил, зло, не лучшая профессия, нехороший, падла, плохой, свинья, сволочь, ужасный; вызывает одобрение 7 из 194 или менее 4%: справедливый 4, неподкупный, честный, хороший); *nana* (вызывает одобрение и положительные эмоции 38 из 199 или 20%: любимый 17, добрый 10, хороший 6, клёвый, лучший, любимо, любимый мужчина, любовь; вызывает неодобрение и отрицательные эмоции 4 из 199 или 2%: злой, кричит, плохой, пьяный).

На коннотативной семантике исследуемых лексических единиц может сказываться и необычность их употребления в речи, когда значение подвергается **энантио-семическому разветвлению**. В связи с этим эмоционально-оценочные семы со знаком (+) или (-) меняют свой знак на противоположный. Подобный эффект создается на основе противопоставления лексического и контекстуального значений слова, эмпатии и иллокутивной направленности высказывания говорящего:

бизнесмен

семема-1 – лицо, мужской пол, профессионально занимается бизнесом, презентабельный, умный и талантливый, настоящий джентльмен, по характеру деловой, серьезный, любит порядок, предприимчивый и богатый;

вызывает одобрение –12 из 180 или 7%: удачный 5, успешный 2, успешный человек 2, первоклассный, супермен, счастливый человек;

семема-2 – лицо, мужской пол, обычно носит черный костюм и цепи, толстый и лысый, жадный, лицемер, масляный и хитрый, барыга и блатной, ворюга, спекулянт, крутой как новорусский, у него много денег, мерсе-

дес и девушка, которая считает его богатым Буратино, он важный и считает себя самодостаточным;

вызывает неодобрение – 9 из 115 или 8%: барыга, блатной мужчина, буржуй, воровство, ворюга, криминал, много обмана, обман, спекулянт;

паршивец

семема-1 – лицо мужской пол, чаще молодого возраста, который отличается отрицательными моральными качествами: он гадкий, наглый, гнилой, вшивый, мерзкий, неверный, недостойный и подлый человек, может быть упрямым, бестолковым и глупым, или страдать от врожденного слабоумия, имеет склонность к вредным и непредсказуемым поступкам, склонен к воровству, жульничеству, предательству, доносительству;

вызывает неодобрение 40 из 125 или 32%: плохой 15, плохой человек 13, засранец 3, нехороший 2, нехороший человек 2, каков, отвращение, пакость, пустое место, собака;

семема-2 – лицо, обычно мужской пол, детского возраста, красивый, но непослушный, любит баловаться, проказничать и безобразничать, его считают провинившимся, потому что он натворил дел или нашкодил;

вызывает добродушную положительную оценку – 6 из 35 или 17%: такой 2, бывает, любимый, смешно, хороший.

Следует добавить, что интегральное описание семантики исследуемых слов по результатам психолингвистического эксперимента, как и в случае контекстуально-лексикографического анализа их значений, позволяет расширить семемный состав словарных дефиниции, на основе новых, верифицированных экспериментально данных. Например, словарные толкования слова *профи*: «спортсмен-профессионал» («Новый толковый словарь русского языка», Т.Ф. Ефремова, 2000, электронный ресурс) или «о том, кто занимается спортом профессионально» («Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова, 2003). К более актуальным для современных носителей языка значениям данного слова следу-

ет, согласно анкетированию участников прямого ассоциативного эксперимента, отнести следующие семемы упомянутого слова:

семема-1 – лицо, мужской пол, обладает специальными знаниями, достиг высокого искусства в своём деле, первоклассный, лучше всех;

семема-2 – лицо, мужской пол, владеет какой-то профессией в одной из сфер человеческой деятельности, умный, все знает в своем деле.

Полученные описания психолингвистических значений слов королева, папа и вышибала выявляют ряд дополнительных аспектов осмысления денотатов и также могут быть использованы для уточнения их словарных дефиниций:

королева

семема-3 – лицо, женский пол, приходится дочерью королю и матерью принцессе и принцу;

семема-5 – лицо, женский пол, к которому испытывают чувства любви и преклонения, считают самой лучшей, богиней, принцессой, женщиной мечты;

папа

семема-2 – лицо, мужской пол, родственник, родной и близкий человек, то же самое что свекор или тесть;

вышибала

семема-1 – лицо, мужской пол, обладает большой физической силой, выполняет обязанности охранника в клубе или в баре на входе;

семема-2 – лицо, мужской пол, обладает большой физической силой, охраняет важную персону от бандитов и убийц;

семема-3 – лицо мужской пол, обладает большой физической силой, выбивает долги.

Заслуживающим внимания с точки зрения лингвокультурологического аспекта исследования семантики наименований лиц является факт использования респондента-

ми ссылок на прецедентные тексты, в число которых входят фразеологические сочетания, названия литературных или кинематографических произведений, например:

бабник – *Казанова* (Casanova, Джованни Джакомо, Мемуары в 12-ти т.), *ловелас* (от имени соблазнителя Lovelace в романе С. Ричардсона «Кларисса Харлоу»), *альфонс* (по имени героя пьесы Дюма-сына Monsieur Alphonse), фильм «*Бабник*»;

королева – сказка Г.Х.Андерсена «*Снежная королева*», фильм «*Королева бензоколонки*»;

высочка – известно выражение: *В каждой бочке затычка*;

идиот – роман Ф.М. Достоевского, по роману снят фильм;

друг – известна пословица: *Старый друг лучше новых двух*, известно шуточно-фамильярное обращение к кому-н.: *Друг ситный*;

красавец – известно выражение: *Писанный красавец*;

папа – известна спортивная передача «*Папа, мама, я – веселая семья*», известны строки из песни «*Папа, подари мне куклу*».

Возможно, появляется необходимость учитывать подобные реакции носителей языка при создании толковых словарей или тезаурусов, тем более что в настоящее время вопрос об объемах словарных изданий отходит на второй план в связи с широким распространением электронных источников информации.

Таким образом, для унификации и совершенствования описания значений лексических единиц языка следует рассматривать их семантику как непрерывно пополняемую базу данных, чему, несомненно, способствует использование экспериментальных результатов и достижений современной психолингвистики, в том числе и разрабатываемых в настоящее время психолингвистических толковых словарей нового типа.

Список литературы

Девкин В.Д. Обновление лексики // Лексика и лексикография. Сб. науч. трудов. – М., 2001. – Выпуск 12. – С. 29-39.

Маклакова Е.А. Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика) : монография / Е.А. Маклакова.– Воронеж: изд. «Истоки», 2009. – 353с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. - (2)12. – 2010. – С.57-63.

Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики, 2009. – № 9 – С. 29-43.

Словари и источники примеров

Большой толковый словарь рус. яз. [Текст] / Гл. ред.С.А.Кузнецов.– СПб: НОРИНТ, 2003. –1536с.

Ефремова Т.Ф. Новый толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: // www.slovari.ru, свободный.

Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю.Шведова. – Российская АН; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1994. – 928с.

Н.И. Курганова

УДК 81'23:39 + 81'272 + 316.74:81

ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ОПЕРАЦИЙ И СТРАТЕГИЙ РОССИЯН И ФРАНЦУЗОВ НА БАЗЕ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ

В статье уточняется роль и статус процессуального знания с точки зрения национально-культурной вариативности знания. На основе ассоциативных экспериментов, проведенных в России и Франции, разрабатывается методика реконструкции когнитивных операций, выделяются когнитивные операции и операциональные модели у носителей разных языков и культур. На основе сопоставительного анализа когнитивных операций и операциональных моделей определяются общие и культурно специфичные особенности в сфере процессуального знания у россиян и французов, выделяются ведущие когнитивные стратегии.

Ключевые слова: динамический подход, процессуальное знание, когнитивные операции, когнитивные стратегии, операциональная модель, национально-культурная специфика знания.

Nina I. Kurganova

STUDY OF COGNITIVE OPERATIONS AND STRATEGIES OF RUSSIAN AND FRENCH PEOPLE THROUGH ASSOCIATION FIELDS

In the article the role and status of procedural knowledge is specified from the point of view of ethno-cultural knowledge. The author offers a method of reconstructing cognitive operations and operational models on the base of association experiments carried out in Russia and France; the comparative analysis of cognitive operations and operational models is undertaken, specific and common characteristics of procedural knowledge of Russian and French people are determined; the key cognitive strategies of the Russian and French people in the sphere of common knowledge are revealed.

Key words: dynamic approach, procedural knowledge, cognitive operations, cognitive strategies, operational model, ethno-cultural knowledge.

Постановка проблемы

Отличительной особенностью постнеклассической парадигмы в исследовании ментальных репрезентаций является признание ведущей роли процессуального знания [Мамардашвили, Пятигорский 1997; Матурана, Варела 2001; Фуко 1996]. По мнению А.М. Пятигорского, содержание знания всегда вторично, производно по отношению к событию знания, поскольку акт получения знания порождает содержание этого знания, а не наоборот [БПС 2007: 178]. Истинным знанием в рамках данной парадигмы объявляются «процессы, включенные в нашу деятельность, в наши замыслы, в наши действия как представителей человеческого рода» (*курсив мой.* – Н.К.) [Матурана, Варела 2001: 22–23]; тем самым постулируется, что «знание как таковое является актом не дискретным, а процессуальным» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 100], что позволяет его определять не как «сумму уже-сказанного», а как совокупность приемов и способов, с помощью которых можно получать новое знание [Фуко 1996: 181].

Следует отметить, что процессы когнитивной деятельности всегда находились в центре внимания отечественной психологии и психолингвистики. Достаточно вспомнить, что А.Н. Леонтьев полагал, что индивидуальное сознание не есть только система приобретенных значений, понятий, что ему «свойственно внутренне движение реальной жизни субъекта, которую оно опосредствует» [Леонтьев 2005: 172]. А.А. Леонтьев также неоднократно подчеркивал, что значение как психологический феномен есть не вещь, но процесс, не система или совокупность вещей, но динамическая иерархия процессов» [Леонтьев А.А. 1971: 8]. Специфические особенности знания как достояния индивида и базовые механизмы функционирования знания такого типа детально раскрыты в монографии А.А. Залевской [9], где дано обоснование процессуального характера знания как продукта переработки многостороннего (перцептивного, когни-

тивного и аффективного – эмоционально-оценочного) опыта человека, для которого язык является инструментом познания и общения, а слово – средством доступа к образу мира, также динамичному по своей природе (см.: [Залевская 1997; 1993; 2000; 2005]).

На наш взгляд, обращение к уровню когнитивных процессов приобретает особую значимость при исследовании национально-культурной вариативности того живого знания, которое лежит за словом у носителей разных языков и культур. Отличительной особенностью знания как достояния лингвокультурного сообщества является его двойственная природа: с одной стороны, оно является достоянием индивидуального сознания и подсознания, что свидетельствует о психологической природе живого знания. С другой стороны, это знание выступает как элемент и продукт определенной культуры: оно формируется в контексте широкого общественного взаимодействия в соответствии с нормами, принятыми в той или иной культуре. Специфика этого знания изначально детерминирована постоянным многомерным диалогом со средой, поскольку главная цель коллективно вырабатываемого знания – адаптация к среде и налаживание эффективной жизнедеятельности, что обуславливает его динамический (диалогический) континуальный характер. Все это свидетельствует о том, что опора только на статичные модели знания не учитывает динамическую природу знания и сознания, поскольку знание не существует вне человека и его мышления: «акты мышления фиксируются в знаниях, знания используются в мышлении» [Винарская 2010: 283].

Важно также отметить, что процессуальная репрезентация, по мнению И. Хофмана, более *универсальна*, она позволяет хранить информацию в достаточно доступной и не зависящей от контекста форме [Хофман 1986: 130]. Кроме того, процессуальное хранение информации является более экономным, поскольку представляет собой более

обобщенный способ репрезентации [там же: 106]. Таким образом, выделенные характеристики процессуального знания (универсальность, независимость от контекста, обобщенный характер) позволяют вести анализ знания как достояния коллектива не на уровне конкретных признаков, а на уровне моделей (схем, направлений), что особенно важно при исследовании национально-культурной вариативности знания.

На особую роль процессуального аспекта в исследовании национально-культурной специфики знания обращает внимание В.А. Пищальникова, отмечая, что для этнопсихологиста важно не только то, что значит та или иная реалья и как она отражается в языке, а «как индивид концептуализирует мир – как создает специфическое понятие и систему понятий...» [Пищальникова 2007: 27]. В этом случае динамический подход к моделированию знания должен быть нацелен на поиск основных способов осмысления мира и своих взаимодействий с миром, что позволит вскрыть глубинные основы национально-культурной вариативности знания.

Мы полагаем, что фрагменты коллективного знания, вырабатываемые тем или иным лингвокультурным сообществом на определенном этапе своего исторического и культурного развития и репрезентированные в общественном сознании с помощью слова, обусловлены в первую очередь характером взаимодействия с миром, а также спецификой речевой коммуникации, сложившейся в рамках определенной культуры. В таком случае фрагменты коллективного знания можно представить в виде набора определенных *операций и стратегий*, вырабатываемых лингвокультурным сообществом и нацеленных на осознание, сохранение и передачу общественно значимого опыта.

Целью нашего исследования является методологическое обоснование динамического подхода к исследованию национально-культурной специфики знания, а также разработка процедур реконструкции про-

цессуального знания (в единстве когнитивных операций и стратегий) на материале ассоциативных экспериментов. Предметом рассмотрения в данной статье выступает моделирование когнитивных операций и стратегий на базе ассоциативных полей с целью исследования национально-культурной специфики обыденного знания.

К выделению когнитивных стратегий и операций

В современной науке, независимо от школ и направлений, признается многоступенчатый и многоуровневый характер когнитивных процессов, что предполагает наличие *многоуровневой интегрированной системы* переработки информации, которая включает отбор релевантных признаков, обработку и структурирование информации, а также последующую вербализацию данных процессов (см.: [Леонтьев А.А. 2005; Залевская 2007: 356; Чейф, 1983]). Например, У. Чейф, выделяет три типа процессов, связанных с вербализацией знаний: это организация содержания, «упаковка» и синтаксическое оформление знания. В свою очередь процессы, связанные только с организацией содержания, подразделяются на три основных подтипа: 1) расчленение эпизода на подэпизоды; 2) выбор пропозициональной структуры, которая определяет различные роли объектов; 3) категоризацию [Чейф, 1983: 35–73].

В силу единства и слитности когнитивной и коммуникативной деятельности путь от мысли к слову в отечественной психолингвистике трактуется как сложный и поэтапно протекающий процесс речемышления, общую схему которого можно представить в самом общем виде следующим образом: мотивация, формирование замысла или коммуникативного намерения, программирование высказывания и вербализация (подробнее см.: [Ахутина 2008; Жинкин 1982; Залевская 2007; Леонтьев 2005; Лурия 2007]).

Признание многоуровневой системы речемышления (речепорождения) дает

основание говорить о выделении стратегического уровня когнитивной деятельности, поскольку функционирование сложных и многоуровневых систем обработки информации предполагает выделение ведущего звена, так называемого *стратегического уровня* развертывания когнитивной деятельности, который бы смог выполнять общую направляющую и координирующую роль. При этом важно отметить, что стратегический подход ориентирован не на последовательный анализ одного какого-либо уровня, а на комплексность описания [ван Дейк 1989]. Мы полагаем, что именно на стратегическом уровне определяется общий «стиль» когнитивной деятельности, то есть уточняется, как и какими средствами или возможными способами могут быть достигнуты определенные замыслы. В таком случае когнитивную стратегию можно определить как общий стиль когнитивной деятельности или как «общий способ решения» задачи [Леонтьев А.А. 2005: 132].

Основанием к выделению стратегического уровня послужила модель принципиальной организации речемыслительного процесса, разработанная А.А. Залевской еще в 70-х годах прошлого века, согласно которой, отправным пунктом для развития речемыслительного процесса служит *пусковой момент*, который может быть как *внешним*, так и *внутренним*, т.е. исходящим от самого индивида. Тем самым, на наш взгляд, признается потенциальное разнообразие операций и стратегий фиксации образа результата действия [Залевская 2007: 356].

В рамках динамического подхода фрагменты обыденного знания, формируемого в рамках определенного лингвокультурного сообщества, можно представить в виде набора определенных *операций* речемыслительной деятельности. Операция, согласно Дж. Брунеру, «это прием, с помощью которого данные о реальном мире вводятся в сознание и там преобразуются в форму, подходящую для решения данной задачи» [Брунер 1977: 361]. Когнитивные операции носят символичный, знаковый характер,

ведь для того чтобы «ввести тот или иной признак в сознание», для этого нужно «выбрать» определенный способ репрезентации (структурирования и кодирования) данной информации. Естественно, что разные способы репрезентации приведут к различиям в содержании фрагментов знания. Именно поэтому, как пишет В. Д. Шадриков, «можно мыслить одними и теми же понятиями, но думать по-разному, с разной степенью функциональной эффективности» [Шадриков 2007: 51].

Важно также отметить, что операционные механизмы не содержатся в самом мозге, а усваиваются индивидом в процессе социализации [там же: 57]. Это дает основание предположить, что когнитивные операции, формируясь в условиях различных культур, могут отличаться определенной национально-культурной спецификой, поскольку культура может «поощрять» или «подавлять» определенные способы осмысления и вербализации опыта.

Трудность в изучении процессуально-го знания заключается в том, что оно само по себе недоступно сознательной интроспекции, поскольку скрыто от познающего субъекта [Залевская 2000: 72]. Это знание является имплицитным, оно не осознается самими субъектами, но при этом языковые формы обеспечивают средства вербализации данного знания. Так, Ж. Пиаже признавал, что структуры, которые характеризуют мышление, «уходят своими корнями в действие и в сенсомоторные механизмы, более глубокие, чем языковая реальность», но при этом особо отмечал, что «чем более сложными становятся структуры мышления, тем более необходимым для завершения их обработки является язык» [Пиаже 1984: 335]. По мнению ученого, без символической системы выражения «операции остались бы в состоянии последовательных действий и никогда не смогли бы интегрироваться в симультанные системы...». Кроме того, без языка эти операции «остались бы индивидуальными и находились бы тем самым вне регулирования, которое является результа-

том межличностного обмена и совместной деятельности» [там же: 335].

Согласно Дж.С. Брунеру, выделенность определенного фрагмента информации приводит к выбору определенного способа его кодирования, поскольку структура языка достаточно точно соответствует психологическим явлениям и процессам, которые он должен кодировать [Брунер 1984: 26]. Следовательно, опора на язык является обязательным условием формирования и функционирования когнитивных операций, что и делает его когнитивным инструментом в прямом смысле этого слова.

Методика реконструкции когнитивных операций

Опираясь на теорию слова как средства доступа к единой информационной базе человека А.А. Залевской [2000; 2005; 2007], мы полагаем, что с помощью ассоциативного эксперимента (далее – АЭ) можно получить доступ к изучению тех когнитивных операций, которые используются носителями разных языков и культур в процессе вербализации обыденного знания.

Методологической основой для подобного предположения послужили идеи и положения о коммуникативной природе ассоциативного поля (далее – АП), изложенные в работах А.А. Залевской [1979; 1993], Ю.Н. Караулова [1996] и В.А. Пищальниковой [2007]. Согласно Ю.Н. Караулову, ассоциативный эксперимент представляет собой особый тип речевого взаимодействия между испытуемыми и экспериментатором, который разворачивается по законам предикации [Караулов 1996: 95]. В.А. Пищальникова совершенно справедливо отмечает, что многочисленные данные, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, «дают богатый материал для анализа пары «стимул – реакция» как *речевого действия*» [Пищальникова 2007: 20]. Но при этом, как замечает ученый, реальным препятствием к началу практического изучения вербальной пары «стимул – реакция» как речевого дей-

ствия является отсутствие достаточно разработанных процедур анализа ассоциативного поля с этой точки зрения [там же].

Обоснование роли и специфики механизма глубинной предикации как одного из базовых механизмов функционирования индивидуального знания дается в работах А.А. Залевской (см., например, [Залевская 1979: 57; 1993: 114–115; 2000: 55–56]). На этом основании порождение ассоциатов в условиях свободного ассоциативного эксперимента рассматривается нами как деятельность, которая осуществляется по законам речемыслительной деятельности. Следовательно, через анализ речевых действий можно получить доступ к когнитивным операциям, поскольку «речь есть единственный возможный путь, приводящий нас к мышлению» [Сепир 1993: 37].

При разработке алгоритма и процедур реконструкции когнитивных операций мы опирались на основные концепции и теории продуцирования речи, разработанные в отечественной психолингвистике [Ахутина 2008; Жинкин 1982; Залевская 2007; Леонтьев А.А. 2005, Лурия 2007], а также на работы зарубежных ученых [Пиаже 1984; Чейф 1983].

В связи с поставленной проблемой – реконструкцией когнитивных операций на базе АП, нас, прежде всего, интересует этап программирования высказывания (формирования и формулирования мысли). По мнению Т.В. Ахутиной, выделение звена программирования позволяет реализовать представления «о структуре действия и в то же время дает возможность показать механизмы превращения устойчивых языковых средств в гибкие орудия выражения индивидуальной мысли, включая механизмы учета контекста и ориентировки на слушающего» [Ахутина 2008: 62].

А.А. Леонтьев считал, что именно на стадии внутреннего программирования осуществляется «перевод программы на объективный код», что предполагает замену единиц субъективного кода объективным значением [Леонтьев А.А. 2005: 114]. Вну-

тренинга программа соответствует содержанию ядру будущего высказывания и представляет собой иерархию пропозиций, лежащих в его основе [там же]. Следовательно, перевод личностных смыслов в значения предполагает первичное структурирование информации и выделение смысловых связей, что выражается в построении пропозиций, поскольку с помощью предикативности «устанавливаются содержательные смысловые связи» [Жинкин 1982: 75].

Таким образом, с учетом выделенных характеристик речепорождения мы полагаем, что главными моментами, определяющими направление и характер вербализации ассоциатов, являются следующие: 1) выделение содержательных смысловых связей; 2) уточнение коммуникативной схемы высказывания; 3) выбор категориальных и семантических характеристик будущих ассоциатов. Это значит, что доступ к процессуальному знанию можно получить через реконструкцию данных промежуточных этапов, которые послужили для нас своеобразным алгоритмом при разработке процедур анализа.

Главным методом доступа к процессуальному знанию является метод *реконструкции и моделирования когнитивных операций и стратегий* на базе АЭ, т.е. наш подход «заключается в преобразовании установленного результата обратно в процесс» [Гийом 2007: 135].

С целью актуализации различных пластов знания в сознании испытуемых мы существенно трансформировали процедуру проведения свободных ассоциативных экспериментов. Так, согласно заданию участники эксперимента должны были назвать первые пять слов по ассоциации со словом-стимулом. Особое внимание при инструктировании испытуемых обращалось на необходимость фиксации первой пришедшей в голову ассоциации. В целях дополнительного контроля фиксировалось время начала и окончания эксперимента. Сформулированная таким образом цель должна была активировать соответствующий фрагмент

знания в сознании испытуемых, что выразилось в продуцировании информантами цепочки ассоциативных реакций: например, *дом* – уютный, светлый, мама, тепло, кухня.

Все это позволило нам получить развернутые опоры для реконструкции и моделирования когнитивных операций, используемых носителями разных языков в процессе вербализации одноименных фрагментов знания. Абсолютное отсутствие ассоциативных реакций по формальному созвучию, как и продуцирование меньшего количества ассоциатов по сравнению с условием задания, является, на наш взгляд, убедительным подтверждением того, что поведение испытуемых в ассоциативном эксперименте носило характер речемыслительной деятельности. В итоге на каждое слово-стимул мы получили подробные и развернутые опоры фрагментов знаний, представляющие целостную ситуацию в единстве существенных и несущественных признаков.

Ассоциативные эксперименты были проведены в России и Франции с 2001 по 2010 годы, в которых участвовало 440 человек в возрасте от 15 до 60 лет, что позволило нам получить более 20 000 ассоциатов. В качестве слов-стимулов послужили следующие наименования: *famille/семья, maison/дом, nourriture/еда, travail/ работа, les amis /друзья, école/ школа, иностранец / un étranger; одежда/ vêtement, Россия/Russie, Франция/France.*

С целью анализа результатов сопоставительных ассоциативных экспериментов, проведенных в России и Франции, нами была разработана специальная методика реконструкции когнитивных операций на базе АП, которая включает набор следующих приемов и процедур:

- 1) реконструкцию глубинных предикатов на основе анализа смысловых связей между словом-стимулом и всеми ассоциатами одноименных ассоциативных полей, полученных от двух групп испытуемых;
- 2) выделение базовых пропозицио-

нальных структур с учетом коммуникативной схемы и семантики ассоциатов;

3) выделение типов смысловой связи «слово-стимул – ассоциат» и моделирование когнитивных операций на этой основе;

4) выделение операциональных моделей на основе АП;

5) сопоставительный анализ операциональных моделей, используемых россиянами и французами в процессе порождения ассоциаций на слово-стимул «Работа/Travail»; выделение общих и культурно специфических стратегий вербализации обыденного знания.

Приведем пример моделирования когнитивных операций, реконструированных на базе ассоциативных полей, полученных от двух групп испытуемых на слово-стимулы «Дом/ Maison»; объем АП составляет соответственно 337/ 341 вербальную реакцию. Участниками экспериментов выступили студенты гуманитарных вузов России и Франции, всего 140 человек в возрасте от 18 до 27 лет.

В процессе анализа экспериментального материала главное внимание уделялось реконструкции *смысловых связей* между словом-стимулом и ассоциативной реакцией, поскольку «стимул и ассоциат – единая смысловая единица, порожденная актуальностью мотива, где ассоциат выражает коммуникативное намерение говорящего» [Пищальникова 2007: 104].

На первом этапе анализа было выделено два направления ассоциирования: предикативный, который можно описать с помощью глубинных предикатов, и образный, где смысловая связь отличается целостным и нерасчлененным характером, типа: «дом» – тишина, «дом» – запах, «дом» – облака; работа – грязь, работа – голубой цвет, работа – сплетни и т.д. Ассоциаты с образным типом связи были выделены в особую группу «Образные ситуации».

Для второй группы ассоциативных реакций смысловая связь «стимул – ассоциат» раскрывается в терминах глубинных предикатов, типа: ДОМ + ПРЕДИКАТ СУЩНО-

СТИ, КАЧЕСТВА, МЕСТА, ОБЛАДАНИЯ, ДЕЙСТВИЯ, ОЦЕНКИ. Характерно, что уже на этом уровне различаются два типа предикатов: логические и оценочные.

Семантика логических предикатов раскрывается с помощью базовых пропозициональных структур: Дом [есть] КАКОЙ; Дом [имеет] ЧТО; Дом [обеспечивает] ЧТО; Дом [это] ЧТО; Дом [находится] ГДЕ; В доме [живет] КТО; В доме [делают] ЧТО; Домой [возвращаешься] КОГДА.

Затем на основе выделенных пропозициональных структур был реконструирован набор *смысловых схем*, позволяющих представить все направления ассоциирования, используемые носителями двух культур в процессе вербализации обыденного знания о доме. В том числе: дом – оценка/ отношение; дом – часть дома; содержащее – содержимое; дом – его функция; дом – сущность; дом – свойства/ качества; дом – его местонахождение; дом – ситуация; род – вид; цель – средство; дом – время.

Выделенные типы смысловых схем послужили основой для реконструкции когнитивных операций, используемых россиянами и французами в процессе порождения ассоциаций на слово-стимул «Дом/ Maison». Процедура моделирования предполагала учет смысловой схемы «слово-стимул – ассоциат», семантических характеристик ассоциатов (конкретность/ абстрактность, одушевленность/ неодушевленность, наличие/ отсутствие эмоционально-оценочных коннотаций), а также дифференциацию трех уровней категоризации (базового, высокого и низкого), что позволило в итоге выделить следующий набор операций:

- дом – оценка, отношение > атрибуция оценок/ отношений;
- дом – функция > функциональное определение;
- дом – субъект > субъектная идентификация;
- дом – место > локация в пространстве;
- дом – сущность > логические и житейские дефиниции;

- дом – вид/род > родо-видовая идентификация;
- дом – свойство > выделение свойств;
- дом – ситуация > образная идентификация;
- дом – часть > выделение части целого;
- дом – средство > аргументативное определение;
- дом – время > локация во времени;
- дом – деталь > дейксис.

Ранжирование когнитивных операций с учетом количественных показателей (частотности того или иного типа связи в пределах поля) послужило основой для выделения операциональных моделей вербализации обыденного знания о доме в двух культурах.

Например, у россиян операциональная модель обработки информации, выделенная на основе ассоциативного поля «Дом», может быть представлена в следующем виде:

1. Атрибуция оценок (28%): *милой, родной, уютный*;
2. Функциональное определение (14.%): *защита, покой*;
3. Субъектная идентификация (12.2%): *семья, друзья, животные*;
4. Дейксис (9%): *книги, ключи*;
5. Выделение части целого (8.6%): *окно, дверь*;
6. Выделение эмпирических свойств/качеств (7.1%): *деревянный*;
7. Локация в пространстве (5.6%): *сад, улица*;
8. Идентификация родо-видовая (5.3%): *здание, изба*;
9. Образная ситуация (5.3%): *яблоки, снег*;
10. Процессуальная идентификация (2.6%): *ремонт, сон*;
11. Определение логическое (2%): *очаг*;
12. Локация во времени (0.5%): *каникулы, лето*.

У французов операциональная модель знаний о доме с учетом параметра частотности выглядит следующим образом:

1. Функциональное определение

- (35.5%): *repos, refuge, confort*;
2. Определение логическое (11.5 %): *foyer, lieu de vie commun, espace*;
3. Локация в пространстве (11%): *jardin, nature, campagne*;
4. Идентификация родо-видовая (9 %): *bâtiment, appartement*;
5. Субъектная идентификация (9 %): *famille, couple, parents, ménage*;
6. Выделение части целого (7.5%): *toit, porte*;
7. Выделение физических параметров/свойств (6.6%): *en brique*;
8. Аргументативный анализ (3 %): *sacrifice, argent, travail*;
9. Атрибуция свойств/качеств (2.9%): *accueillante, reposante, belle*;
10. Процессуальная идентификация (2%): *dîner, manger, bricolage*;
11. Дейксис (1.1%): *meubles*;
12. Локация во времени (0.8%): *vacances*.

Анализ двух операциональных моделей обработки информации о доме позволяет констатировать, что у французов ведущими операциями идентификации дома являются следующие: функциональное определение (35.5%), логическое определение (11.5%), локация объекта в пространстве (11%), родо-видовая идентификация (9 %), субъектная идентификация (9%). У россиян к ведущим операциям относятся: атрибуция оценок (28%), функциональное определение (14 %), субъектная идентификация (12.2%), дейксис (9%), выделение части целого (8.6%).

Сопоставительный анализ когнитивных операций, реконструированных на базе одноименных ассоциативных полей «*Дом/Maison*», полученных от представителей русской и французской культур, подтверждает, что перечень основных когнитивных операций совпадает в двух группах испытуемых, но при этом операциональные модели не являются идентичными (см. табл).

Таблица

Когнитивные операции россиян и французов (на материале АП «Дом/Maison»)

Россияне			Французы		
1	Атрибуция свойств/ качеств/ оценок	28 %	1	Функциональное определение	34 %
2	Функциональное определение	14 %	2	Логическое определение	12 %
3	Субъектная идентификация	12,2%	3	Выделение части целого	11,5%
4	Дейксис деталей	9%	4	Локация в пространстве	11%
5	Выделение части целого	8,6%	5	Субъектная идентификация	9%
6	Выделение свойств	7%	6	Выделение свойств	7%
7	Выделение вида	5,3%	7	Выделение вида	4%
8	Локация в пространстве	5,6%	8	Аргументативный анализ	3,4%
9	Образная идентификация	5,3%	9	Атрибуция свойств/качеств	3,3%
10	Действия, процессы	2,6%	10	Действия/процессы	3,2%
11	Логическое определение	2%	11	Дейксис деталей	1,2%
12	Локация во времени	0,5%	12	Локация во времени	0,9%

Во-первых, у французов не выделена операция образной идентификации, которая репрезентирована с помощью вербальных ассоциаций различной модальности: а) зрительной («дом» – снег, огонь, облака, рисунок, машина); б) слуховой («дом» – тишина, музыка); в) обонятельной («дом» – запах, пахнет жасмином). Показательно, что россияне регулярно используют данный способ ассоциирования, что было нами отмечено на материале других АП («Семья», «Школа», «Работа», «Друзья», «Еда»). Это дает нам основание полагать, что образная стратегия выделения когнитивных признаков более характерна для россиян, чем для французов.

Напротив, у россиян не отмечена операция аргументативного анализа, которая используется французскими студентами. Речь идет о направлении ассоциирования по схеме «цель – средство», типа: *maison – travail, sacrifice, argent*, с помощью которой актуализируются условия и предпосылки приобретения дома.

Как следует из таблицы, у россиян ведущей операцией идентификации дома яв-

ляется атрибуция оценок и отношений, которая используется в этой группе испытуемых в семь раз чаще по сравнению с французами. В результате у россиян приблизительно третья часть компонентов ассоциативного поля «Дом» несет эмоционально-оценочную информацию. На этом основании мы можем сделать вывод, что россияне чаще, чем французы пользуются эмоционально-оценочной стратегией в процессе вербализации знаний о доме.

Кроме того, россияне в семь раз чаще по сравнению с французами прибегают к выделению конкретных, часто случайных или несущественных деталей: предметов мебели, интерьера, личных вещей, что позволяет говорить о выделенности ситуативной стратегии в данной группе испытуемых. Французские студенты в два раза чаще по сравнению с россиянами пользуются операций логического определения, типа [Maison c'est foyer, chez soi, lieu de vie commun, espace, endroit, habitation, domicile / Дом это очаг, место совместного проживания, жилое пространство, жилище]. Данная операция предполагает классификацию или

подведение объекта под общее понятие, что свидетельствует о *понятийно-логической стратегии* ассоциирования.

Заключение и интерпретация результатов

Таким образом, сопоставительный анализ операциональных моделей, выделенных на базе одноименных АП «Дом/ Maison», позволяет утверждать, что, несмотря на то, что в двух группах испытуемых абсолютное большинство когнитивных операций являются общими, но при этом, операциональные модели россиян и французов обладают национально-культурной спецификой, которая проявляется на уровне когнитивных операций и стратегий и выражается в качественных и количественных расхождениях в сфере процессуального знания.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что предложенная методика реконструкции когнитивных операций на базе АП обеспечивает доступ к процессуальному знанию и позволяет вскрыть различные стратегии, используемые носителями разных культур в процессе речемыслительной деятельности. Проведенный анализ подтверждает также, что реконструкция процессуальных аспек-

тов знания обладает особой ценностью при проведении сопоставительных исследований фрагментов обыденного знания у носителей разных языков и культур, поскольку позволяет пролить свет на глубинные основания национально-культурной специфики знания.

Следует отметить, что результаты нашего экспериментального исследования и выделенные особенности процессуального знания находят косвенное подтверждение в работах ряда отечественных ученых. Так, Н.В. Уфимцева, отмечает, что стремление все оценить, приписать всему определенное качество является неотъемлемым свойством русского менталитета, что отражается как в языковом сознании, так и коммуникативном поведении [Уфимцева 2000: 160]. На эту же особенность языкового сознания русских обращает внимание И.А. Стернин, утверждая, что русским свойственна «оценочность» людей и событий в процессе общения [Стернин 1996: 104]. Это дает основание предполагать, что эмоционально-оценочная стратегия, возможно, является своего рода той культурной константой, которая способствует сохранению ценностных ориентаций русской культуры, а также определяет специфику национальной ментальности.

Список литературы

- Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса / Ахутина Т.В. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
- Большой психологический словарь: сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 672 с.
- Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации/ Дж. Брунер; пер. с англ. К.И. Бабицкого. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с.
- Брунер Дж. Онтогенез речевых актов. / Психоллингвистика: сб. статей/ общ. ред. А.М. Шахнарович, предисл. Р.М. Фрумкиной. – М.: Прогресс, 1984. – С. 21–49.
- Винарская Е. Н. Сознание человека: Взгляд с научного перекрестка/ Е.Н. Винарская. – 2-е и, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 376 с.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики: сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена: пер. с фр./ общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрединой. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ. – 2007. – 232 с.

- Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация /Т.А. ван Дейк. – М.: – Прогресс, 1989. – 312 с.
- Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 157 с.
- Залевская А.А.* Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: учеб. пособие / А.А. Залевская; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1979. – 84 с.
- Залевская А.А.* Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: монография/ А.А. Залевская; Твер. гос. ун-т. – Тверь: ТвГУ, 1993. – 135 с.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику: учеб. для студентов вузов, обуч. по филол. спец. / А.А. Залевская; Рос. гос. гуманитар. ун-т; Ин-т «Открытое о-во». – М.: РГГУ, 2000. – 382 с.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.: ил., табл.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику: учебник / А.А. Залевская. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2007. – 560 с.
- Караулов Ю.Н.* Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст.; отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 67–96.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики: учебник для студ. высших учеб. заведений/ А.А. Леонтьев. – 4-е изд., испр. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. – 288 с.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность /А.Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Смысл; Изд. Центр «Академия», 2005. – 352 с.
- Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке/ М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
- Матурана У., Варела Ф.* Дерево познания / У. Матурана, Ф. Варела: Пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
- Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика / В.А. Пищальникова. – М.: Моск. гос. лингв.ун-т, 2007. – 200 с.
- Пиаже Ж.* Генетический аспект языка и мышления/ Психолингвистика: сб. статей; общ. ред. А.М. Шахнарович; предисл. Р.М. Фрумкиной. – М.: Прогресс, 1984. – С. 325–352.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир: пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
- Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей: отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: РАН ИЯ. – Изд. 2-е. 1996 (2000). – С. 97–112 .
- Фуко М.* Археология знания / М. Фуко : пер. с фр.; общ. ред. Бр. Левченко. – Киев.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
- Хофман И.* Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти / И. Хофман: пер. с нем.: общ. ред. и предисл. Б.М. Величковского и Н.К. Корсаковой. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.

Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 12. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С.35–73.

Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека / В.Д. Шадриков. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 284 с.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей; отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: РАН ИЯ. – Изд. 2-е. 2000. – С. 135–170.

П П Л

Я.А. Волкова

УДК 81'23

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ СМЕХА: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Представлены результаты анализа феномена смеха как элемента концептуального пространства человеческой деструктивности. Рассматриваются функциональные характеристики смеха как компонента невербальной эмоциональной коммуникации, а также концептуализация взаимосвязи смеха и деструктивности в обыденном сознании на материале русской лингвокультуры.

Ключевые слова: смех, агрессия, деструктивность, коммуникативность, концептуальный, концептуализация, дискурсивность, эмотивность.

Yana A. Volkova

THE DESTRUCTIVENESS OF LAUGHTER: COGNITIVE-DISCOURSE ASPECT

The results of the analysis of laughter as an element of the conceptual space of human destructiveness are introduced. Functional characteristics of laughter as a component of non-verbal emotional communication as well as conceptualization of laughter-destructiveness bonds in naïve consciousness in Russian lingua-culture are considered.

Key words: laughter, aggression, destructiveness, communicativeness, conceptual, conceptualization, discoursiveness, emotivity.

Рост насилия и деструктивности во всем мире уже давно привлек внимание специалистов различных областей знания к проблемам природы агрессивного и деструктивного поведения. Для уменьшения проявлений деструктивности и жестокости хотя бы на уровне межличностной коммуникации, необходимо не только познать природу агрессивности, но и ее связь с другими психическими/биологическими явлениями. Поэтому изучение концептуального пространства агрессии и деструктивности представляется необходимым не только с лингвистической, но и общечеловеческой точек зрения.

Задачей данной статьи является определение места смеха в концептуальном и дискурсивном пространстве межличностной агрессии.

На протяжении всей своей истории человечество волновали проблемы контроля над агрессией и переориентации агрессии в какие-либо относительно мирные действия. Смех в этом плане традиционно считается надежным, исключительно человеческим способом сублимации агрессивных тенденций. Ряд психологов и медиков поддерживают точку зрения, что смех позволяет человеку справиться с самыми сложными межличностными проблемами «Юмор, так же, как и сарказм, и смех является средством реализации человеческой агрессии, средством разрядки. ... Смех и юмор даже в межгрупповых конфликтах выступают в качестве первичного средства, способного исправить конфликты» [Смех помогает... www].

Известное высказывание Аристотеля: «Из всех живых существ смех присущ только человеку» представляет смех в качестве фундаментальной проблемы философии и культуры. На настоящий момент насчитывается более двухсот разнообразных теорий смеха и их количество постоянно возрастает. Проблематика смеха рассматривалась в трудах Г.В. Спенсера, З. Фрейда, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, Т.В. Ивановой, В. Раскина, Л.В. Карасева, А. Бергсона и многих других

ученых, работавших в различных отраслях знания. Классификация данных теорий проводилась многократно и ее анализ не входит в задачи нашего исследования. Однако при любой классификации всегда выделяется группа теорий, которые возводят смех к агрессии и видят в нем, в первую очередь, агрессивное начало. Подобные теории восходят к Платону [1999] и частично к Аристотелю [1998], находят развитие в трудах А. Шопенгауэра [1993] и Т. Гоббса [Гоббс www]. Платон рассматривал смех как отрицательное явление, потому что чувство это основано на злобе и зависти, в особенности смех, вызванный несчастьем или неудачей других, или насмешки над стоящими ниже по положению [Платон 1999: 55]. Аристотель признавал, что в смехе присутствует оттенок злобности, считал его этически нежелательным. Обратимся к известному определению смешного, содержащемуся в «Поэтике» Аристотеля: «Комедия есть подражание худшим людям, однако не в смысле полной порочности, но поскольку смешное есть часть безобразного: смешное – это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное; так, чтобы далеко не ходить за примером, комическая маска есть нечто безобразное и искаженное, но без страдания» [Аристотель 1998: 1070]. Т. Гоббс, создатель так называемой теории превосходства, развил взгляды Платона и Аристотеля о том, что смех имеет прямое отношение к достижению превосходства над окружающими. Человек находится в постоянной борьбе за власть с себе подобными, и, так как современные социальные и этические нормы не допускают физического уничтожения своих соперников, то превосходство можно выражать с помощью других средств, например, с помощью юмора и остроумия: «гримасы, которые называются смехом ... вызываются у людей или каким-нибудь их собственным неожиданным действием, которое им понравилось, или восприятием какого-либо недостатка или уродства у другого, по сравнению с чем они сами неожиданно возвы-

шаются в собственных глазах. Эта страсть свойственна большей частью тем людям, которые сознают, что у них очень мало способностей, и вынуждены для сохранения уважения к себе замечать недостатки у других людей» [Гоббс www].

Многие современные авторы также видят непосредственную связь смеха с агрессией. Например, А.Д. Кошелев выдвигает гипотезу о том, что «смех по своей функции ... всегда связан с какой-то, пусть самой малой, долей негатива к адресату». Л. Карасев предлагает различать смех ума и смех тела: смех ума всегда связан с какой-то «мерой» зла, смех тела, напротив, выражает «чистую» радость. По мнению Л. Карасева, за улыбкой современного младенца стоят «сотни тысяч лет варварского оглушительного хохота, напрямую связанного с гримасами животной ярости и боевого энтузиазма» [Карасев 1996: 20]. А. Налчаджян рассматривает смех как спонтанное выражение агрессивности человека, стоящее в одном ряду с такими социально приемлемыми формами сублимации агрессии как спорт и политика, фактически ставя знак равенства между смехом и агрессией [Налчаджян 2007: 328, 330]. Подобных крайних взглядов придерживается и М.Т. Рюмина, определяющая смешное как «ситуацию зла, происходящую с другим» [Рюмина 2010: 115]. Стоит вспомнить и знаменитое высказывание С. Ликока: «Первым юмористом был дикарь, ударивший врага томагавком с криком “Ха! Ха!”» [Цит. по Козинцев www].

Некоторые недавние открытия в области физиологии смеха указывают на взаимосвязь между склонностью к шуткам и смеху и уровнем гормона тестостерона, который, как известно, отвечает также за уровень агрессивности индивида. Интересно, что в ходе эксперимента была установлена обратная зависимость степени агрессивности смеха от возраста участников эксперимента [Гормон смеха www]. Таким образом, с одной стороны, мы имеем ряд теоретических и практических данных, свидетельствующих о непосредственной связи агрессии и

смеха. Однако, какими бы привлекательными не казались подобные концепции для нашего исследования, многочисленные факты и наблюдения не дают основания для постановки знака равенства между смехом и агрессией. Если представить себе картину заливающегося смехом младенца, то вряд ли у кого хватит смелости назвать такой смех агрессией. К тому же, исследования американского психолога Р. Провайна продемонстрировали, что любое проявление смеха не зависит от сознания человека. Профессор Стэнфордского университета Дж. Парвизи, изучающий проблемы патологического смеха и плача, также указывает, что смех и плач неподконтрольны человеку. Смех и плач являются результатом взаимодействия различных структур мозга, которые происходят без участия сознания. В ходе экспериментов ученые научились вызывать смех и плач искусственным путем. Так, стимуляция субталамического ядра вызывала слезы, а передней части коры поясной извилины (anterior cingulate) – смех. При этом пациенты не испытывали эмоций, необходимых для таких проявлений чувств [Смех без причины www]. Данный факт показывает, что смех относится к произвольным подкорковым реакциям, и полностью соотносится с концепцией А. Козинцева, рассматривающего смех как явление, существующее на грани биологии и культуры [Козинцев www]. В своей фундаментальной работе «Человек и смех» А. Козинцев, проанализировав самые значимые и известные теории смеха, а также работы биологов и этологов, приходит к чрезвычайно важному для нас выводу: смех берет начало не в собственно агрессии, стимулируемой эмоциями гнева, злобы, отвращения и т.п., а в **игровой агрессии** животных. Смех, по А. Козинцеву, – это «метакоммуникативный сигнал, означающий, что агрессивное по форме поведение – всего лишь игра, а «истинные» намерения агрессора дружелюбны» [Козинцев www]. Таким образом, автор согласен с этологами, что исходный смысл смеха заключается в том, что он служил «сигналом несерьезности напа-

дения и несерьезности ответной агрессивной реакции», и «жестокого смеха», равно как и других видов смеха, не существует. Смех всегда один и тот же, а «отрыв смеха от исходного контекста дружелюбной игры – явление целиком и полностью культурное» [Козинцев www].

Однако, изучая феномен смеха в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, мы рассматриваем смех прежде всего как средство эмоциональной коммуникации [Шаховский 2008], а именно эмоциональной теловой коммуникации, ибо он обладает свойством характеризовать ситуацию общения, эмоциональное состояние говорящего и отношение говорящего к партнеру(ам) по коммуникации. Проанализируем ценностный компонент концепта смеха. Несмотря на весьма оптимистичные взгляды на природу и функции смеха, даже небольшая выборка из паремических словарей демонстрирует неоднозначное, а зачастую и откровенно отрицательное отношение к данному явлению. Приведем некоторые примеры. *Смех без причины – признак дурачины. Смех до плача доводит. Смешно дураку, что рот на боку. Из дурака смех слезами выпирает. Из дурака и смех плачем прет.* Если в вышеприведенных примерах смех является атрибутом просто глупого человека, то в ряде паремий слово «смех» рифмуется со словом «грех», что являет собой гораздо более негативную оценку рассматриваемого феномена: *Смех и грех. Смехи да хихи введут во грехи. Мал смех, да велик грех. Навели на грех, да и покинули на смех. И смех наводит на грех. Где смех, там и грех. Велик смех, не мал и грех.* Отношение к людям, смеющимся над бедами других, также отрицательное: *Ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца. Его хлебом не корми, а дай возможность позубоскалить. Скалозубы не бывают любя. Не смейся чужой беде - своя на гряде. Чему смеешься, тому и поплачешься. Чему посмеешься, тому поработаешь. Не смейся, братец, чужой сестрице: своя в девицах. Не смейся, горох: не лучше бобов.*

В православной культуре смех до сих

пор табуирован, «смеяться ни с чего» рассматривается как грех, и в отношении к смеху современное православие практически не изменило свое мнение с IV-V вв н.э., когда Иоанн Златоуст однозначно выразил отношение к смеху как к греховному делу: «Так, например, смех и шуточные слова не кажутся явным грехом, а ведут к явному греху: часто от смеха рождаются скверные слова, от скверных слов еще более скверные дела; часто от слов и смеха ругательство и оскорбление, от ругательства и оскорбления удары и раны, от ран и ударов смертельные поражения и убийства. Итак, если желаешь себе добра, убегай не только скверных слов и скверных дел, - не только ударов, ран и убийств, но даже и безвременного смеха, даже и шуточных слов; потому что они бывают корнем последующих зол»; «Хочешь быть далеким от скверных слов? Избегай не только скверных слов, но и беспорядочного смеха и всякой похоти» [Св. И. Златоуст www].

В русском Православии, по мнению академика А. М. Панченко, действовал запрет на смех и веселье [Панченко 1984: 72 – 80]. Это было буквальное толкование евангельской заповеди: «Горе вам, книжники и фарисеи, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете» (Лк.6:25). За смех, колядование, за пир с пляской налагались различной тяжести епитимьи: «Посмеявшийся до слез, пост три дни, сухо ясти, поклон 25 на день...» [Раков www]. Приведем некоторые высказывания о смехе Преподобного Амвросия Оптинского. Несмотря на то, что, по воспоминаниям, великий старец отличался простой и зачастую шутливой манерой общения с прихожанами и братией, его мнение о смехе однозначно отрицательное и четко выражает позицию Русской Православной церкви по этому вопросу: «Смех изгоняет страх Божий»; «Дерзка и смела от смеха, – страха Божьего, стало быть, нет»; «За столом не смеяться. Надо знать время на все. Ежели рассмеются, то одна сжала бы губы и вышла в сени, положив там три поклона»; «Смеяться поменьше, а то от этого недолжные помыслы приходят»; «Если кто

будет смешить, тому уменьшить одну чашку чая» [Оптина Пустынь www]. Вопрос «почему Иисус Христос никогда не смеялся?» и в наши дни является весьма популярной темой научных и теологических дискуссий (см. работы С.С.Аверинцева, А. Меня. Л.В. Карасева и др.) и на интернет-блогах. В некоторых исследованиях подчеркивается что смех напрямую связан с насилием над личностью, над человеческой свободой, у истоков смеха стоит желание причинить зло другому. Вполне возможно, что корни отрицания смеха как элемента Христианской культуры лежат в жестоком смехе римлян, наслаждающихся зрелищем уничтожения ранних христиан на аренах цирков.

Обыденное сознание, отражением которого в полном объеме является язык, так же, как и сознание православное, прочно связывает смех с насилием, злом и прочими проявлениями человеческой деструктивности. Словосочетания «злой/злойный смех», «жестокий смех», «недобрый смех», «нехороший смех» (несмотря на замечание А. Козинцева о неправомерности словосочетания «жестокий смех», см. выше), используемые, например, в художественной литературе, не вызывают непонимания или неверной интерпретации со стороны читателя:

Ожидал гневных речей в адрес изолгавшихся фарисеев или, наоборот, яростного приступа самобичевания, но Толстой встретил смехом, громким и немного злым. (Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2)

– Когда я ссорился со старшими, я доводил их до белого каления, принимая любое наказание, любую ругань не плачем, не руганью и не тихой покорностью, а смехом. Злым, порой истерическим смехом! И чем больше меня наказывали, тем сильнее я смеялся. (Владимир Спектр. Face Control)

И вдруг Игорь Борисович засмеялся. Нехорошим таким смехом. Злым. (Олег Быков, «Доходное место»)

Он смутился под ее взглядом, но смутился главным образом от понимания жестокости своего смеха и непонимания, чем он был вызван... (Ф. Искандер. Морской

скорпион)

Несомненно, что способом распознавания злости, жестокости – «нехорошести» смеха в каждом конкретном случае служит не только контекст ситуации, но знания читателя о мимических стереотипах эмоций. Известно, что существуют определенные мимические компоненты эмоций, которые чаще всего отражаются на лице, когда субъект испытывает какую-либо эмоцию. Мимические стереотипы эмоций отражают культурно-специфические нормы проявления эмоций в определенной культуре, к ним обращается автор при описании эмоций в художественном произведении и их реконструирует читатель при прочтении «свернутого» описания той или иной эмоции. В вышеприведенных примерах смех сопровождается определенным мимическим и жестовым комплексом – злым выражением глаз, сдвинутыми бровями, напряжением лицевых мышц, соответствующей (возможно, тоже напряженной) позой, что не позволяет усомниться в недобром отношении / намерении смеющегося. Таким образом, ничего не мешает дискурсивному употреблению лексической единицы «смех» в одном ряду с «злой / злобный, жестокий, недобрый, нехороший» и т.п. Описания смеха в художественном тексте так же, как и описания эмоциональных состояний персонажей, придают эмоционально-оценочные смыслы всему контексту.

Обратимся к лексическим единицам, содержащим сему «смех» – насмехаться/ усмехаться / посмеяться / осмеять / высмеять – и сопоставим словарные дефиниции.

Насмехаться – подвергать кого-что-н. насмешкам, издеваться (**Насмешка** – обидная шутка, издевка) (СО: 315).

Усмехнуться – слегка засмеяться (обычно насмешливо, недоверчиво и т.п.) (СО: 686).

Посмеяться – 1. Провести некоторое время весело, смеясь. 2. над кем-чем и (устар.) кому/чему-нибудь. Насмешливо отнестись к кому-чему-нибудь. (**Посмешище** – тот, над кем смеются, издеваются, предмет

насмешек.) (СО: 461).

Высмеять – выразить насмешкой отрицательное отношение к кому/чему-н. (СО: 98).

Осмеять – повергнуть пренебрежительной и злой насмешке, высмеять (СО: 372).

Нетрудно заметить, что во всех приведенных дефинициях присутствует сема отрицательной оценки («обидный», «отрицательный», «злой», «пренебрежительный»). Лексема «издеваться» трактуется как «зло и оскорбительно высмеивать кого/что-нибудь», что добавляет к вышеперечисленному ряду сему оскорбительности. На наш взгляд, проведенное сравнение является еще одним подтверждением тому, насколько идея природной связи смеха и агрессии укоренена в обыденном сознании. Приведем примеры дискурсивного употребления вышеуказанных лексем.

(1) *Они и ссорятся не так часто, потому что незачем им ссориться, а вот **унизить, осечь, осмеять** – это пожалуйста!* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей)

(2) *Тогда Фульбо осыпал его **злыми насмешками**, и **кровь закипела** в молодом эллине.* (И. А. Ефремов. На краю Ойкумены)

(3) *...повторяли нараспев школьницы и дачники, звали любимый Колюнтин Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы на улице Миклухо-Маклая обезьянником, и Колюнчик на них сердился, топал ногами, бледнел, говорил и делал много такого, за что его можно было бы **жестко высмеять и изгнать**, но всякий раз мальчиков что-то останавливало, и юного чилефила держали за блаженненького, за дурачка, которому позволено то, чего стыдились другие.* (Алексей Варламов. Кунавна)

В примере 1 глагол «осмеять» употребляется как синоним глаголов «унизить», «осечь», в примерах 2, 3 результатом агрессивного «смехового» действия (злых насмешек, жестокого высмеивания) является усиление агрессивного состояния, выраженного концептуальной метафорой «кровь

закипела» и другое агрессивное действие (изгнание). Таким образом, что в данных примерах актуализируется деструктивное воздействие смеха – «смеховой» акт представлен как акт агрессии.

Рассматривая концептуальную связь смеха с агрессией и деструктивностью, нельзя обойти понятие «смеха победителей». Литератор Г.М. Кружков определяет его как радость одоления и связывает с борьбой, с естественной человеческой агрессивностью: «Смех победителя близок к смеху счастливого, но более агрессивен. Это злорадование, направленное на слабого или уже поверженного врага» [Кружков 2001: 489 – 508]. Мы не можем полностью согласиться с этим утверждением.

Рассмотрим два примера:

(1) *Сербские войска уходили под смех «победителей на чужих штыках». Иногда – под пулеметную очередь – те, кто опаздывал. С ними уходили мирные сербы. Уходили в никуда, сжигая свои дома.* (Виолетта Баша, Косово Поле. «Литературная Россия», 1999)

(2) *Крик оборвался. Она выронила тело, привалилась к стенке бака и схватилась руками за горло. ... Когда она коснулась пола, глаза ее уже были закрыты. ... Она умерла в считанные секунды от анафилактического шока. ...*

И Лок засмеялся.

Смех сначала был похож на грохот перекачивающихся внутри булыжников, потом зазвучал в полную силу, отражаясь от высоких стен капитанской каюты. Победа вызвала этот смех, и она была ужасна, и она была его победой! (С. Дэлани. Нова)

Пример 1 действительно является подтверждением «теории злорадства», ибо речь идет злорадной торжествующей радости косовских албанцев, выигравших войну в Косово при поддержке НАТО. Испытываемое эмоциональное состояние является результатом многолетней национальной вражды и ненависти, поэтому окрашено всеми эмоциями комплекса враждебности.

В примере 2 описывается смех побе-

дителя, уничтожившего всех своих соперников, и заплатившего за свою победу страшную цену. Но сложно поверить, что герой злорадствует над трупом своей любимой. Вряд ли только данное эмоциональное переживание заставляет смеяться персонажей героического эпоса, ранящих и убивающих своих врагов. Многочисленные описанные в научной и художественной литературе примеры «смеха победителей» показывают, что смех обладает катартическим эффектом в ситуациях агрессии, когда напряжение сменяется внезапным расслаблением, и человека охватывает ощущение эйфории, «блаженной древней радости от игры беспорядка», говоря словами А.Козинцева. Смех – знак того, что агрессия прекращена и продолжения, скорее всего, не будет.

Резюмируем сказанное. Несмотря на то, что происхождение смеха от игровой, дружелюбной агрессии приматов считается в науке доказанным, в обыденном сознании смех и агрессивное поведение (как невербальное, так и вербальное) тесно взаимосвя-

заны, что подтверждается многочисленными примерами языкового отражения данного феномена. В процессе межличностной коммуникации смех выступает как средство выражения эмоций, в том числе и негативных, поэтому такой смех коммуникативен. Таким образом, мы рассматриваем смех именно как компонент невербальной теловой коммуникации, выполняющий, кроме собственно коммуникативной, эмотивную и оценочную функции.

Деструктивность не является имманентным свойством смеха как биокультурного явления, однако в процессе коммуникации смех может выступать и зачастую выступает как инструмент агрессии. И, хотя, согласно последним данным, качественно различных типов смеха не существует [Козинцев www], обыденное сознание четко разводит «хороший» и «плохой», «добрый» и «злой» смех, давая, таким образом, основание говорить о концептуальной (небиологической) взаимосвязи двух феноменов: деструктивности и смеха.

Список литературы

Аристотель. Поэтика // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 1064-1112.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt> (15.01.2011).

Гормон смеха [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2008/01/14/cnews/313070> (10.05.2011).

Карасев Л.В. Философия смеха. – М.: РГГУ, 1996. – 224 с.

Козинцев А.В. Человек и смех [Электронный ресурс] – Режим доступа: // http://www.krotov.info/lib_sec/11_k/koz/inzev_04.htm (28.11.2011).

Кружков Г.М. Ностальгия обелисков: Литературные мечтания. – Новое литературное обозрение, 2001. – 704 с.

Налчаджян В. Агрессивность человека. – СПб.: Питер, 2007. – 736 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с. (СО).

Оптина Пустынь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.optina.ru/lection/78/> (30.04.2011).

Панченко А.М. Смех как зрелище // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984. – С. 72-153.

Платон. Филеб. Государство. Тимей. Критий. – М. «Мысль», 1999. – 656 с.

Раков А. О жизнь, нечаянная радость [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.library.pravpiter.ru/book_26/22.htm (14.06.2011).

Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. - М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 320 с.

Св. Иоанн Златоуст. Беседы о статуях [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ccel.org/contrib/ru/Zlat21/Statues15.htm> (25.06.2011).

Смех без причины – не признак дурачины [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/wildworld/19/04/2010/396243.shtml> (08.02.2011).

Смех помогает справиться с проблемами [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.newsinfo.ru/news/2011-04-01/sdfsddf/750791/> (10.05.2011).

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т.2 – М.: «Наука», 1993. – С. 109 – 626.

Л.М. Терентий

УДК 81'23:005\574

СПЕЦИФИКА ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ УСПЕШНОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЗАКРЫТОГО ТИПА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В данной статье излагаются основные итоги исследования интенциональной структуры успешного дипломатического дискурса закрытого типа, понимаемого в работе как коммуникация между представителями дипкорпуса или лидерами государств, в ходе которой ее участники достигают своих конкретных целей, а следовательно, оказывается реализованной и главная цель дипломатического общения – защита интересов своей страны.

Ключевые слова: коммуникация, дипломатический дискурс, интент-анализ, психолингвистика, интенциональный профиль.

Liviu M. Terentiy

PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF AN INTENTION STRUCTURE IN SUCCESSFUL DIPLOMATIC DISCOURSE OF A CLOSED TYPE

The article presents the main results of the study on the intentional structure of a successful diplomatic discourse of a closed type understood in the paper as a communication between diplomatic officials or between the leaders of states in which its members achieve their communication goals and thus the main purpose of diplomatic communication i.e. defending the interests of the country, is implemented.

Key words: communication, diplomatic discourse, intent analysis, psycholinguistics, intentional profile.

Гипотеза исследования состоит в том, что достижение главной цели дипломатического общения – защиты интересов представляемого дипломатическим служащим государства – зависит от образа мира коммуникантов, который отражается в интенциональном плане речи и проявляется непосредственно в ее вербальном оформлении. Основным фактором, опосредующим речевое и невербальное поведение дипломата, которое позволяет ему реализовать поставленные цели, является наполнение мотивационно-прагматического уровня в структуре языковой личности. Содержание структур, входящих в данный уровень, в свою очередь, определяется степенью сформированности чувства гражданской и культурной самоидентификации, т.е. тех личностных смыслов, которые входят в ядро индивидуального образа мира.

Выбор материала определялся основными целями и задачами работы.

В качестве **материала для анализа** были использованы:

1. Стенограммы переговоров между СССР и США, имевшие место в 1969–1972 годах XX века, в которых участвовали главы государств обеих стран: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин и Президент США Р. Никсон. Помимо этого, с советской стороны в переговорах в ряде случаев принимали участие Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А.Александров и ряд других государственных чиновников высшего ранга, в том числе Посол СССР в США. Американская сторона, кроме Президента США Р. Никсона, была представлена государственным секретарем США У. Роджерсом, помощником президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером, сотрудниками аппарата национальной безопасности США, а также Послом США в СССР Дж. Бимом.

2. Записи бесед между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым и Президентом США Р. Никсоном.

3. Записи бесед между Министром иностранных дел СССР А.А. Громыко и помощником президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером (в некоторых из них принимали участие Посол СССР в США А.Ф. Добрынин и специальный помощник Г. Киссинджера У. Лорц).

4. Аналитические записки, подготовленные помощником президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером для Президента США и Послом СССР в США А.Ф. Добрыниным для Политбюро ЦК КПСС.

5. Записи бесед Посла СССР в США А.Ф. Добрынина с Президентом США и его помощником по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером.

6. Стенограммы телефонных разговоров между Послом СССР в США А.Ф. Добрыниным и помощником Президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером.

Следует подчеркнуть, что эмпирический материал исследования составили различные виды дипломатического дискурса закрытого типа. Сюда были включены стенограммы официальных переговоров, проходивших в конфиденциальной обстановке, в которых принимали участие, как минимум, двое собеседников, общавшихся в форме диалога, причем, как правило, их точка зрения имела форму развернутого выступления. Кроме этого рассматривались неофициальные разговоры, проходившие в жанре «вопрос – ответ», а также аналитические записки, представляющие собой детальный анализ определенных ситуаций, подготовленный для руководства государства. Независимо от количества участников переговоров, во всех случаях коммуникативная ситуация предполагала рассмотрение какой-то проблемы и изложение своей позиции по рассматриваемым вопросам, а в ситуацию общения непосредственно либо опосредо-

ванно была вовлечена аудитория, что также учитывалось при проведении анализа.

В целом выборочная совокупность проанализированного материала, выступившая в качестве модельного объекта исследования, является репрезентативной, так как она воспроизводит все качественные особенности объекта-оригинала, т.е. любого общения, которое по своим характеристикам может быть отнесено к дипломатическому дискурсу, типичному для отношений между СССР и США в эпоху «разрядки напряженности», т.е. такому дискурсу, который, по мнению специалистов, является одним из наиболее удачных периодов в работе дипломатов нашей страны.

Методика исследования. Основной методикой анализа экспериментального материала в нашей работе был избран интент-анализ – теоретико-экспериментальный подход к изучению интенций субъекта по речи. Данный подход разрабатывается коллективом лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН (см.: [1, 2, 3, 4, 5 и др.]) и активно применяется в современной психолингвистике при изучении проблем, связанных с коммуникацией, структурой взаимодействия, методами убеждения, влияния и рядом других вопросов, касающихся коммуникативной практики.

В нашей работе в ходе анализа материала процедура интент-анализа включала:

- а) выделение основных объектов референции в высказываниях;
- б) определение приписываемых этим объектам характеристик (дескрипторов);
- в) построение типологии дескрипторов;
- г) квалификацию соответствующей типу дескриптора основной интенциональной направленности;
- д) дальнейшую детализацию интенциональной структуры дипломатического дискурса определенного типа с учетом всего коммуникативного контекста, в том числе и возможных прагматических целей его участников;

е) выявление вариантов интенциональной структуры дипломатического дискурса в зависимости от ведущей интенциональной направленности и набора референциальных объектов.

ж) валидизацию результатов с помощью метода экспертной оценки, предполагавшей предъявление полученных в ходе анализа данных в виде утверждений типа «Говорящий стремится...», представленных на бланке, группе экспертов. Наряду с истинными в перечень были внесены и ложные утверждения, не обнаруженные в текстах. Экспертами выступили 5 человек – специалистов в области психолингвистики и психологии, имеющие опыт проведения интент-анализа. После прочтения материалов эксперты заполняли соответствующий бланк, в котором отражали степень своего согласия с каждым утверждением.

Основные результаты исследования.

Психолингвистический анализ успешного дипломатического дискурса закрытого типа, основанный на соблюдении двух базовых принципов:

- подходу к речи как одному из видов деятельности человека, сопровождающему всю его остальную жизнедеятельность и напрямую зависящему от его образа мира,
- пониманию дискурсивной деятельности человека как деятельности, глубинное психологическое содержание которой составляют личные интенции, т.е. предметные направленности субъекта, связанные одновременно как с его глобальными и текущими целями, так и с его целостным «образом мира», и в силу этого отражающие в вербальном содержании речи истинные стремления личности и ее смыслы.

Проведенный в работе анализ с целью выявления интенциональной структуры успешного дипломатического дискурса, позволил сделать **следующие выводы.**

1. Главной целью успешного дипломатического дискурса является защита интересов своего государства. Данная цель реализуется посредством ряда следующих промежуточных целей:

- выделения проблемы, требующей своего решения;

- выработки совместного решения путем переговоров;

- выяснения точки зрения противоположной стороны, предоставление информации о своих интересах, подходах к решению, опасениях;

- установления постоянных каналов коммуникации, обмен точками зрения, формулировка и обсуждение подходов к решению проблемы;

- контроля и координации действий участников переговоров;

- изложения своих взглядов и пояснения своей позиции для активного воздействия как на своих партнеров, так и на общественное мнение.

2. Каждой из поставленных целей соответствует свой объект референции и свои интенциональные направленности с конкретными наборами типичных интенций.

В качестве главных объектов референции в успешном дипломатическом дискурсе оказываются:

- а) обсуждаемая ситуация либо проблема;

- б) своя страна, ее интересы;

- в) партнеры по переговорам;

- г) другие страны, международная общественность;

- д) совместная деятельность и интересы обеих стран.

Типичными интенциональными направленностями с соответствующими наборами интенций для каждого из выделенных объектов референции являются:

- а) для обсуждаемой ситуации либо проблемы – интенциональная направленность на действительность, включающая следующие интенции:

- уточнение уже достигнутых соглашений, полученных результатов;

- анализ ситуации;

- объяснение своего видения ситуации или проблемы и путей их решения либо своей позиции;

- выяснение точки зрения партнеров по переговорам на обсуждаемую проблему;

- б) для своей страны – интенциональная направленность на защиту интересов представляемой дипломатом страны, включающая следующие интенции:

- формирование представлений у партнеров об установках своей страны в переговорах;

- акцентирование внимания на том факте, что дипломат, независимо от ранга, включая и лидеров стран, выступает от лица государства и всего народа, интересы которого он представляет, защищает и перед которым он несет ответственность за результаты своей деятельности;

- в) для партнеров – интенциональная направленность на партнеров по коммуникации, представленная следующими типичными интенциями:

- уточнение своей позиции и позиции партнеров, внесение предложений;

- оценка деятельности партнеров в конкретной ситуации переговоров;

- выражение отношения к своим партнерам по переговорам;

- обращение с пожеланием, предложением;

- уточнение взаимопонимания;

- оценка деятельности партнеров по переговорам в целом;

- выражение понимания позиции партнеров;

- г) для других стран, международной общественности – интенциональная направленность на внешнее окружение, главной интенцией которой является стремление подчеркнуть ответственность двух великих держав перед всем миром и предпринимаемые ими усилия для того, чтобы соответствовать ожиданиям мирового сообщества;

- д) для совместной деятельности и интересов обеих стран – интенциональная направленность на совместную деятельность, включающая в себя такие интенции, как

- акцентирование внимания на совместной ответственности двух держав перед всем миром;

- акцентирование внимания на коллективных усилиях представителей обеих

стран, их общих интересах и возможностях реализации совместных планов;

- акцентирование внимания на величии и могуществе обеих наций, той ответственности, которая лежит на них в силу их ведущего положения в мире перед своими народами.

3. Все выявляемые интенциональные направленности, как и интенции, входящие в каждую из них, могут быть отнесены к одному из уровней совместной деятельности: предметно-деятельностному, процедурному либо эмоциональному. Эффективность взаимодействия, определяющая достижение основной цели дипломатического дискурса, обеспечивается только при наличии комплекса интенциональных направленностей, каждая из которых направлена на реализацию одной из целей говорящего и, соответственно, на организацию деятельности на одном из ее уровней.

4. Главной интенциональной направленностью успешного дипломатического дискурса с участием руководителей государств является направленность на партнеров по коммуникации с характерным для нее набором интенций, которые в совокупности обеспечивают создание атмосферы поиска совместных решений и рефлексии собственной деятельности.

5. Интенциональная направленность на партнеров по коммуникации является сложной структурой, все составляющие которой относятся к одному из уровней совместной деятельности.

Первый уровень – это предметно-деятельностный уровень, включающий в себя интенции, связанные с содержательным аспектом взаимодействия. К данному уровню относятся интенции, отражающие стремление коммуникантов к уточнению своей позиции и позиции партнеров, внесение различных предложений, а также интенции, направленные на уточнение взаимопонимания.

Второй уровень связан с процедурой взаимодействия и включает в себя интенции, целью которых является организация и общее планирование переговорного про-

цесса, а также координация совместной деятельности: выдвижение определенных предложений, высказывание пожеланий, подтверждение понимания, т.е. предоставление «обратной связи». Помимо организации деятельности данный уровень взаимодействия служит для выражения главной целевой установки переговорщиков – установки на кооперативное общение.

Третий уровень – эмоциональный, целью которого является поддержание позитивной атмосферы переговоров. К этому уровню относятся интенции, в которых коммуниканты выражают свое отношение друг к другу, свою оценку деятельности партнеров в данной конкретной ситуации и в целом.

6. Второй по значимости интенциональной направленностью в успешном дипломатическом дискурсе с участием руководителей государств оказывается интенциональная направленность на обсуждаемую проблему, при этом состав ее интенций является типичным во всех проанализированных случаях и практически совпадает с соответствующими интенциями, представленными в научном дискурсе.

В данном случае наибольший вес составляют интенции предметно-деятельностного содержательного уровня общения: интенция, направленная на содержательный глобальный анализ ситуации, объяснение целей и задач своего государства, которая, как правило, дополнена интенцией уточнения уже достигнутых соглашений и результатов между странами – участниками переговоров.

Интенции, включающие объяснения своего видения ситуации или проблемы, возможных способов их решения, а так же выяснения точки зрения своих партнеров, относятся к процедурному уровню коммуникации, цель которого – скоординировать действия партнеров, выработать общую позицию, учитывающую, по возможности, все возражения участников переговорного процесса.

Эмоциональный уровень, как правило, представлен интенциями, входящими в ин-

тенциональную направленность на партнеров, причем в подавляющем большинстве случаев превалирует оценка деятельности партнеров в конкретной ситуации, но не оценка их деятельности в целом.

7. Характерной чертой успешного дипломатического дискурса с участием руководителей государств является интенциональная направленность на совместную деятельность. Эта интенциональная направленность, являясь комплиментарной к интенциональной направленности на партнеров по коммуникации, играет существенную роль в успешном дипломатическом общении, давая его участникам возможность выделить те общие интересы, которые могут служить основой для совместной работы.

8. В интенциональном профиле дискурса, главными участниками которого являются профессиональные дипломаты, выявляются изменения, позволяющие утверждать, что такой дискурс качественно отличается от дискурса с участием лидеров государств.

Основное отличие дискурса данного вида проявляется в том, что в общении профессионалов одинаково значимыми оказываются две интенциональные направленности: во-первых, направленность на партнера по коммуникации и, во-вторых, направленность на действительность. В каждой из интенциональных направленностей выделяются интенции, относящиеся:

- к предметно-деятельностному (анализ ситуации vs изложение точки зрения своей страны, выяснение точки зрения слушающего, предоставление «обратной связи», соответственно);

- к процедурному (предложение различных вариантов решения существующих проблем с одновременным выяснением точки зрения друг друга как на обсуждаемую ситуацию, так и на свои предложения vs координация позиций, «обратная связь», соответственно);

Интенции эмоционального уровня (отношение друг к другу) в данном случае выявляются только в интенциональной направленности на партнеров, но отсутству-

ют в интенциональной направленности на действительность. В целом такие интенции занимают незначительное место в общей структуре дискурса, причем в большинстве случаев они выявляются именно как дополнительные, а в «чистом» виде проявляются в шутках, неоднократно фиксируемых по ходу разговоров.

Весьма скупо в данном виде дискурса представлены в «чистом» виде и интенции, входящие в интенциональную направленность на свою страну и ее защиту, практически не выявляются интенциональные направленности на внешнее окружение и выделение аспектов совместной деятельности, совместной ответственности перед остальным миром. Эти особенности вполне объяснимы, если иметь в виду, что в данном случае общение происходит между профессионалами, сконцентрированными на реальном решении стоящих перед ними вопросов. Поэтому те аспекты, которые эксплицитно подчеркиваются политическими лидерами, в профессиональной коммуникации не являются обязательными. Для любого из профессиональных дипломатов и так очевидно, что главной целью их деятельности в целом является именно отстаивание интересов своих государств на международной арене, а также достижение реальных соглашений между странами.

8. Поверхностная структура любого высказывания как единицы дискурса представляет собой своеобразный, характерный для данной личности способ реализации внутреннего смысла. Эта структура, являясь внешней проекцией внутреннего содержания целостного образа мира человека, может быть представлена как «единый речевой гештальт», который порождается в результате одновременной активизации образов разных модальностей, воспринимаемых говорящими непосредственно в момент коммуникации, представлений, входящих в семантический слой их образов мира и элементов, составляющих ядро образа мира. Другими словами, способ объединения ситуации-темы и ситуации общения,

обуславливающий вербальное оформление речи, как и ее интенциональная составляющая, определяются эффектом симультивирования всех компонентов структуры образа мира личности говорящего при определяющей роли содержания, входящего в его ядерный слой.

9. Анализ вербального уровня коммуникации показывает, что говорящие, а особенно профессиональные дипломаты любого ранга, глубоко знали основное содержание национальных когнитивных баз своих партнеров, те характерные особенности их «образа мира», обуславливающие специфику вербально-семантического и когнитивного уровней языковых личностей – представителей того этноса, с которым они вступали в контакт.

Это позволяет утверждать, что структура языковой личности профессионального дипломата того периода представляла собой сложное образование, каждый из уровней которой включал в себя соответствующие знания как своей национально-лингво-культурной базы, так и глубокие знания национально-лингво-культурной базы своих партнеров. При этом языковое сознание участников дипломатического общения оставалось целостным, обусловленным этническим архетипом мироустройства.

10. Модели поведения, используемые любым из участников успешного дипломатического дискурса, независимо от ранга, как правило, отражают его культурную принадлежность.

Этот факт явно подтверждает, что этнические константы того лингвокультурного сообщества, с которым идентифицирует себя личность, были полностью интериоризированы ее сознанием и являлись теми «пристрастными смыслами» в ядре образа мира, которые детерминируют:

а) наполнение мотивационно-прагматического уровня структуры языковой личности;

б) смысловое содержание лексических единиц, входящих в когнитивный уровень структуры языковой личности;

в) вербальные средства оформления высказывания.

10. Специфической чертой дипломатической коммуникации является то, что в ней участвуют языковые личности, формирование которых проходило в рамках разных этнолингвокультур, а, следовательно, под влиянием разных архетипов мироустройства, определяющих базовые различия в наполнении «образа мира» в целом, и в наполнении каждого из слоев в структуре их языковых личностей. Тем не менее, вне зависимости от культурной принадлежности участников, успешный дипломатический дискурс – это мы-дискурс, причем на уровне интенциональной структуры дискурса интенциональные направленности и наборы соответствующих интенций у партнеров по коммуникации оказываются практически одинаковыми.

Это дает основание утверждать, что определяющую роль в достижении успеха в дипломатическом общении играет степень сформированности двух одинаково важных характеристики языковых личностей его участников.

Во-первых, это полностью сформированное чувство этнической принадлежности, которое оказывает определяющее влияние на смысловое содержание лексических единиц, составляющих содержание когнитивного уровня структуры языковой личности. Данное чувство формируется только при полном присвоении личностью ценностей и норм того лингвокультурного сообщества, с которым идентифицирует себя личность.

Во-вторых, это глубоко укорененное чувство принадлежности к своей стране, развитое чувство гражданской самоидентификации, обуславливающее содержание и иерархию смысложизненных ориентаций, т.е. одну из основных составляющих прагматического уровня в структуре языковой личности. Формирование этого чувства обеспечивается социумом, успешным процессом социализации, присвоением ценностей своего общества и, соответственно, потребностью защищать национальные интересы,

мотивирующей переговорщиков к поиску совместных взаимовыгодных решений даже в потенциально конфликтных ситуациях.

Обе характеристики относятся к личностным смыслам, а, следовательно, входят в ядро индивидуального образа мира и являются его базовыми оторефлексируемыми чертами, которые в значительной мере определяют течение дипломатического общения.

Таким образом, главной специфической чертой интенциональной структуры дипломатического дискурса, в ходе которого участники достигают поставленных целей, является наличие двух интенциональных направленностей – направленности на партнеров по коммуникации и направленности на анализ окружающей действительности, при-

чем направленность на партнеров является ведущей.

Успех в достижении основной цели дипломатического дискурса – заключении соглашений, защищающих интересы своей страны – обеспечивается степенью сформированности таких характеристик языковой личности дипломата, как чувство этнической и гражданской самоидентификации. Эти характеристики относятся к ядерному слою образа мира, который определяет содержание мотивационно-прагматического уровня языковой личности, отражается в смысловом содержании единиц, составляющих когнитивный уровень, и проявляется в вербальном оформлении речи и невербальном поведении участников дипломатического общения.

Список литературы

Психологические исследования дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 207 с.

Проблемы психологии дискурса / Отв. ред. – Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова. – М.: ИП РАН, 2005. – 237 с.

Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова. – М.: ИП РАН, 2007. – 384 с.

Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д. и др. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. – СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с.

Ушакова Т.Н., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Интент – анализ политических текстов // Психологический журнал. 1998. – № 4.

А.А. Григорьев, И.В. Ощепков

УДК 159.9.072.432

ВОЗРАСТ УСВОЕНИЯ НАЗВАНИЙ ПРЕДМЕТОВ ДЕТЬМИ 2,5 – 6,5 ЛЕТ. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ ¹

В статье представлены результаты сопоставительного анализа возраста усвоения названий 149 предметов русскоговорящими и англоговорящими детьми. Продемонстрирована определенная близость данных двух выборок ($r = 0,616$). Наблюдается и определенное сходство динамики усвоения новых слов на исследованном возрастном интервале.

Ключевые слова: возраст усвоения, частотность, знакомость.

Andrei A. Grigoriev, Ivan V. Oschepkov

AGE OF OBJECT NAMES ACQUISITION FOR CHILDREN OF 2.5 – 6.5 YEARS OLD. COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ENGLISH DATA

Comparative analysis of age of acquisition in Russian- and English-speaking samples of children for a set of 149 object names is presented in the article. Certain similarity of two sets of data was shown ($r = 0,616$). There is also some resemblance in acquisition dynamics.

Key words: Age of Acquisition, Frequency, Familiarity.

---

¹ Сбор данных осуществлен при поддержке гранта РГНФ 08-06-00311а

Введение

Старый спор эмпириков и рационалистов, казалось бы, уже разрешен экспериментальной психологией: безусловно, человек не рождается с готовым набором априорных понятий, но тем не менее, имеет предрасположенность к селективному опознанию определенных стимулов, к их группировке «в предписанном направлении». Складывается, однако, впечатление, что для отдельных областей возрастной психологии чисто эмпирическая точка зрения все еще господствует. В частности, это относится к вопросу о том, какие факторы обуславливают усвоение детьми названий тех или иных предметов. С силой предрассудка удерживается убеждение, что основным фактором, играющим здесь роль, является частота встречаемости того или иного объекта в опыте ребенка: названия тех объектов, с которыми ребенок постоянно встречается, слова, которые он часто слышит от взрослых, и усваиваются им в первую очередь. Так, например, Герберт и Ева Кларк, авторы известного учебника по психолингвистике, пишут в нем: «О чем дети говорят прежде всего? Они говорят о предметах, находящихся вокруг них» [Clark H.H., Clark E.V. 1977: 302].

Насколько, однако, это убеждение согласуется с результатами эмпирических исследований? Рассмотрим этот вопрос. В качестве показателей встречаемости в опыте тех или иных объектов можно считать: для слов – частотность, для обозначаемых ими предметов – субъективные оценки «знакомости». Первый показатель, частотность, в течение долгого времени использовался в психологии речи в качестве главного объяснительного средства – вполне в духе эмпирической перспективы. Так, сообщалось об эффекте частотности в экспериментах, где задачей испытуемого было как можно быстрее называть предъявляемые стимулы (Forster & Chambers, 1973; Oldfield & Wingfield, 1965: цит. по [Morrison C.M., Chappell T.D., Ellis A.W., С. 529]). И вот,

оказалось, что частотность не может претендовать на роль первопричины. Это убедительно продемонстрировали результаты последующих исследований. В одном из этих исследований авторы провели регрессионный анализ [Morrison, Ellis 1992]; в качестве предсказываемой переменной выступало время называния изображений, а в качестве предикторов – частотность, оценки возраста усвоения, длина слов, их обр-зность и их прототипность в категориях «природный объект» и «изделие человека». Только два предиктора, возраст усвоения и длина слов, вносили значимый независимый вклад в предсказание, вклад частотности был наименьшим. Авторы также подвергли аналогичному анализу (хотя с меньшим числом предикторов) данные, полученные ранее другими исследователями; результаты были сходными. В другом исследовании испытуемые читали вслух предъявляемые им слова [Morrison, Ellis 1995]. В одном эксперименте слова варьировались по возрасту усвоения, будучи уравненными по частотности и другим переменным, а в другом – по частотности, будучи уравненными по возрасту усвоения и другим переменным. Время от предъявления слова до ответа испытуемого значимо различалось в первом эксперименте, в то время как во втором оно было практически одинаковым. Таким образом, было убедительно показано, что частотность слов сама по себе эффекта не оказывает, продемонстрированная ранее ее «эффективность» обусловлена, вероятно, тем, что за ней стоит возраст усвоения слов, возможно, другие переменные. Если бы встречаемость в опыте, показателем которой можно считать частотность слов, была причиной, а возраст усвоения и время – следствием, то в результатах данных исследований мы должны были бы ожидать противоположной картины.

Со вторым показателем, знакомостью, дело также обстоит не самым лучшим для эмпиризма образом. С одной стороны, корреляция возраста усвоения названий предметов с их знакомостью достаточно высока (0,439), что вполне согласуется с эмпирист-

ским подходом. С другой стороны, его корреляция с образностью названий еще выше (0,549) [Morrison, Chappell, Ellis 1997: 543], в то время как корреляция знакомости с образностью практически нулевая (0,044) (там же). Таким образом, знакомость не может претендовать на статус «причины» в комплексе рассматриваемых взаимосвязей. И раз мы не можем объяснить возраст усвоения слова его знакомостью, то вопрос о его причинах остается открытым.

Таким образом, имеются данные, позволяющие усомниться в объяснении возраста усвоения названий предметов исключительно частотой встречаемости соответствующих стимулов в опыте ребенка.

Другой способ проверки корректности эмпирического объяснения факторов, влияющих на очередность усвоения – сопоставление данных, полученных на выборках из разных стран. Если эта очередность полностью определяется культурным окружением, обуславливающим различный жизненный опыт детей, мы должны ожидать несогласованности показателей детей, принадлежащих к разным культурно-языковым общностям². Если же показатели детей, выросших в различном культурном окружении, окажутся сходными, и если к тому же мы столкнемся в изучаемом материале с фактами, не объясняемыми особенностями рассматриваемых культур, то для сомнений в объяснительной мощи эмпиризма применительно к данной стороне речевого развития появятся новые основания.

Более или менее исчерпывающий анализ на материале выборок из достаточного числа языковых и культурных популяций – дело будущего. В настоящей работе мы рассмотрим данные детей, принадлежащих лишь к двум языковым и культурным общностям: данные британских детей, полученные в середине 1990-х годов, и данные рос-

сийских детей, полученные нами недавно.

Мы здесь ни в коей мере не претендуем на разрешение спора эмпиризма и рационализма применительно к интересующему нас аспекту речевого развития ребенка. Мы лишь хотим посмотреть, насколько легко объясняются результаты исследований в рамках одного лишь эмпиризма. И, разумеется, этой задачей не ограничиваются возможности использования данных о возрасте усвоения детьми названий предметов. Помимо их очевидной ценности для практической работы с детьми как нормативных данных, они должны учитываться при отборе вербального стимульного материала в психологических и психолингвистических экспериментах. Возраст усвоения слова является одним из факторов, определяющих скорость выполнения с ним различных действий (опознание, категоризация и т.п.), и поэтому используемые в эксперименте списки вербальных стимулов должны быть по нему уравнены.

Исследование возраста усвоения названий предметов

Задача изучения возраста усвоения лексики, даже ограничиваясь конкретными легко изображаемыми существительными, является чрезвычайно трудной. Первые данные такого рода представляли собой субъективные оценки взрослыми времени усвоения тех или иных слов их детьми и ими самими [Цит. по Morrison, Chappell, Ellis 1997]. Как ни странно, эти кажущиеся столь сомнительными, данные оказались достаточно правдоподобными, что было показано, в первую очередь, при их сопоставлении с объективными данными о возрасте усвоения слов.

Последние были впервые собраны группой британских исследователей в середине 1990-х годов [Morrison, Chappell, Ellis 1997]. Их исследование было организовано следующим образом. Детям различного воз-

² Иначе мы должны допустить, что факторы, определяющие очередность усвоения названий предметов, являются одинаковыми для разных культур. Полностью исключать такую возможность нельзя, однако, как нам кажется, она нуждается в обосновании колоссальным фактическим материалом.

раста предъявлялись черно-белые контурные изображения различных предметов. Ребенок должен был назвать нарисованный предмет. Если он затруднялся это сделать или давал название, не совпадающее с наименованием, под которым этот предмет фигурировал в списке экспериментатора, ребенку называли первую фонему правильного названия. Отсутствие ответа в этом случае расценивалось как незнание им соответствующего слова.

Всего в данном исследовании использовалось 297 изображений предметов. Основу стимульного набора составлял стандартный набор рисунков, предложенный в 1980 г. Снодграсс и Ванденварт [Snodgrass, Vanderwart 1980] и предназначенный для использования в психологических экспериментах. Часть рисунков из этого набора исследователями возраста усвоения названий была забракована по разным основаниям. Некоторые из рисунков они сочли целесообразным перерисовать.

Исследовались дети 14 возрастных групп: 2,5-3 года; 3-3,5 года и т.д. до 8 лет; 8-9 лет, 9-10 лет и 10-11 лет. В каждой группе было по 20 детей. Для каждой группы подсчитывалась частота правильного наименования каждого рисунка. В дальнейшем использовались два способа оценки возраста усвоения каждого слова: один основывался на логистическом регрессионном анализе, другой – на использовании «75-процентного критерия». Так как мы сочли целесообразным использовать только второй способ, то опишем подробнее лишь его. Слово считалось усвоенным детьми данной возрастной группы, если соответствующее изображение правильно называли 75 % детей этой возрастной группы и две следующие за ней группы демонстрировали усвоение не ниже 75 % в среднем. Т.е., например, если некоторое слово дети возрастной группы 3-3,5 года опознавали в 77,5 % случаев, дети группы 3,5-4 года – в 72,5 % случаев, а дети группы 4-4,5 года – в 80 % случаев, то возраст усвоения этого слова оценивался как 38,5 месяцев (середина возрастного интервала 3-3,5 года).

Некоторые слова почти всегда опознавались детьми самой младшей возрастной группы. Поэтому исследователям показалось правомочным сместить оценку возраста усвоения этих слов еще ниже. При этом они руководствовались следующим правилом: если процент опознания слова детьми самой младшей группы составлял от 75 до 85 %, то возраст его усвоения оценивался в 25,1 месяцев; если этот процент составлял от 86 до 93 %, то возраст усвоения оценивался в 23,4 месяца; и наконец, если процент опознания составлял от 94 до 100 %, то возраст усвоения оценивался в 22,1 месяца.

Дополнительно исследователи собирали данные о других характеристиках слов (об их образности, знакомости). Эти данные рассмотрены нами в предыдущих публикациях [Григорьев и др., 2009; Григорьев и др. 2010].

При сборе представленных в настоящей статье данных мы следовали в основном процедуре, используемой британскими авторами. Это обеспечивало возможность проведения сопоставительного анализа. Особый интерес в контексте поставленных во введении вопросов представляет сопоставление ответов детей младших возрастных групп. Ниже будут приведены полученные нами данные детей 8-ми возрастных групп от 2,5 до 6,5 лет. Анализ был проведен нами именно для этого возрастного диапазона.

К сожалению, на данном этапе мы не можем привлечь к сопоставительному анализу данные других исследований [Chalard, Bonin, Meot, Boyer, Fayol 2003; Johnston, Dent, Humphreys, Barry 2010; Lotto, Surian, Job 2010]. Причиной является то, что в этих исследованиях использовался другой стимульный материал, а мы в настоящее время не знаем, какое влияние это могло оказать на результаты. Если в будущем у нас появится уверенность, что данным отличием можно пренебречь, мы привлечем эти источники.

Данные русскоязычных детей более старшего возраста в настоящее время собираются. Они будут опубликованы вместе с

представленными в настоящей работе в виде нормативных материалов для русскоговорящих детей.

Метод

Испытуемые

В исследовании принимали участие 167 детей в возрасте 2,5-6,5 лет, посещавших различные детские сады в городах Москва и Калуга. Данные были сгруппированы по 8-ми возрастным интервалам. Сведения о каждой такой возрастной группе представлены в Табл. 1.

Таблица 1

№ гр.	Возраст в месяцах	Кол-во исп-мых	Девочек	Мальчиков
1	30-35	19	9	10
2	36-41	20	10	10
3	42-47	20	10	10
4	48-53	23	12	11
5	54-59	20	10	10
6	60-65	22	10	12
7	66-71	19	12	7
8	72-77	24	12	12

Стимулы и процедура

В качестве стимульного набора использовалось 286 рисунков предметов. Большая часть изображений была взята из набора Снодграсс и Ванденварт [Snodgrass, Vanderwart 1980]. Несколько стимулов были рисунками, созданными британскими исследователями. Кроме того мы сочли необходимым создать новые изображения для ряда слов. Все рисунки прошли апробацию в ходе предварительных исследований [Григорьев, Ощепков, Балясникова, Орлова 2010].

Может возникнуть вопрос: насколько допустимо использование черно-белых контурных рисунков при работе с детьми. Результаты, по крайней мере, трех исследований говорят о правомочности такого использования. В одном из этих исследований испытуемым предъявляли сделанные профессиональным фотографом цветные фотографии предметов и контурные рисунки этих

же предметов [Biederman, Ju 1988]. Скорость и правильность опознания контурных рисунков была практически такой же, как и цветных фотографий. В другом исследовании ребенку, имевшему ограниченный опыт взаимодействия с изображениями, предъявляли сперва контурный рисунок предмета, а затем его фотографию [Hochberg, Brooks 1962]. Узнавание рисунков было не хуже, чем фотографий. Еще в одном исследовании [Kennedy, Ross 1975] представителям культуры, в которой, по утверждению авторов, «почти нет изобразительного искусства» (“They have essentially no pictorial art” – р. 391), предъявляли контурные рисунки. Молодые испытуемые, как правило, успешно опознавали все рисунки, многие испытуемые старше 40 лет плохо опознавали т.н. «кинетические» сцены (изображение огня, текущей реки и т.п.).

Таким образом, сомнения в допустимости использования нами черно-белых контурных изображений могут быть оставлены.

Как уже было сказано, процедура нашего исследования в целом соответствовала описанной выше процедуре британских авторов. Непосредственный сбор данных проводился главным образом психологами детских садов, которым были даны соответствующие инструкции. Небольшая часть данных была собрана основными исполнителями проекта или при их участии.

Результаты и обсуждение

Особенностью русского языка, в отличие от английского, является наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов (деминутивов). Мы засчитывали ответы, дававшиеся в этой форме, то есть, например, мы равно засчитывали как правильные ответы «мяч» и «мячик».

Оценка возраста усвоения соответствовала использовавшейся в британском исследовании: слово считалось усвоенным детьми на данном возрастном уровне, если оно удовлетворяло 75%-му критерию. Необходимо сказать, что мы столкнулись с тем, что используемая процедура дает лишь «верхнюю

границу» интервала оценки возраста усвоения: иногда дополнительные подсказки (не предусмотренные инструкцией) указывали на то, что ребенку в действительности знакомо соответствующее слово. Таким образом, вполне можно допустить, что дальнейшие исследования несколько снизят оценки возраста усвоения отдельных слов. Но с другой стороны, полученные нами данные безусловно могут использоваться как нормативные материалы: если какой-то ребенок не достигает нормативных результатов, полученных по описываемому методу, можно уверенно диагностировать у него отставание речевого развития.

Мы столкнулись с тем, что несколько названий рисунков были выбраны нами неудачно. Дети давали названия этим предметам, но их названия были отличны от

выбранных нами. Использованные ими названия являлись, по-видимому, более употребительными. Поэтому мы сочли возможным заменить первоначально фигурировавшие в наших списках названия употреблявшимися испытуемыми и засчитать их ответы. Были произведены следующие замены: полуботинок – ботинок; авторучка – ручка; воздушный шарик – шарик; ожерелье – бусы. Однако мы засчитывали как правильный ответ «воздушный шарик», потому что слово «шарик» фактически называлось испытуемым.

Полученные нами оценки возраста усвоения названий предметов, а также соответствующие данные британских авторов представлены в Таблице. 2. В этой таблице приведены только те слова, рисунки которых были одними и теми же в обоих исследованиях.

Таблица 2

Стимул	ВУ (рус)	ВУ (англ)
Автобус	44,5	23,4
Ананас	62,5	74,5
Апельсин	62,5	38,5
Бабочка	23,4	23,4
Банан	23,4	23,4
Бант	44,5	56,5
Белка	44,5	25,1
Божья коровка	50,5	38,5
Ботинок	74,5	22,1
Бочка	68,5	74,5
Бусы	68,5	50,5
Бутылка	44,5	38,5
Ваза	68,5	62,5
Варежка	62,5	114,5
Велосипед	38,5	23,4
Верблюд	62,5	68,5
Вертолет	50,5	23,4
Вилка	38,5	23,4
Виноград	68,5	56,5
Воздушный змей	86,5	38,5
Воздушный шар (шарик)	23,4	22,1

Галстук	80,5	56,5
Гвоздь	80,5	68,5
Гитара	56,5	62,5
Глаз	25,1	44,5
Гора	56,5	62,5
Горилла	86,5	62,5
Груша	25,1	44,5
Гусеница	74,5	44,5
Дерево	22,1	22,1
Жираф	38,5	38,5
Забор	56,5	62,5
Звезда	38,5	38,5
Зебра	62,5	44,5
Зонтик	23,4	23,4
Игла	50,5	86,5
Карандаш	38,5	38,5
Качели	25,1	50,5
Кенгуру	62,5	44,5
Кепка	68,5	68,5
Кисточка	38,5	50,5
Клоун	50,5	38,5
Клубника	62,5	44,5
Ключ	38,5	23,4

Книга	25,1	22,1
Колесо	38,5	25,1
Колодец	62,5	86,5
Колокольчик	38,5	44,5
Коляска	38,5	38,5
Корзина	44,5	38,5
Корова	38,5	23,4
Корона	62,5	56,5
Кошка	25,1	23,4
Кровать	22,1	22,1
Кролик	68,5	22,1
Кувшин	86,5	56,5
Курица	62,5	50,5
Лампочка	56,5	102,5
Лебедь	86,5	62,5
Лев	50,5	23,4
Лимон	68,5	44,5
Линейка	74,5	62,5
Лиса	50,5	38,5
Ложка	22,1	22,1
Лошадь	38,5	23,4
Лук (растение)	86,5	68,5
Луна	44,5	25,1
Машина	22,1	22,1
Мельница	86,5	50,5
Миска	86,5	38,5
Морковь	23,4	25,1
Морской конек	74,5	86,5
Мотоцикл	50,5	38,5
Муравей	68,5	62,5
Муха	56,5	56,5
Нога	25,1	38,5
Ноготь	74,5	56,5
Нож	25,1	23,4
Ножницы	38,5	23,4
Нос	62,5	56,5
Носок	38,5	23,4
Носорог	62,5	86,5
Обезьяна	38,5	25,1
Олень	74,5	86,5
Орел	86,5	86,5
Осел	68,5	50,5

Отвертка	68,5	68,5
Очки	38,5	23,4
Палец	38,5	23,4
Пальто	86,5	68,5
Парашют	80,5	86,5
Паук	56,5	25,1
Паутина	50,5	50,5
Перец	86,5	114,5
Перчатка	44,5	44,5
Пила	56,5	68,5
Пингвин	62,5	38,5
Полотенце	62,5	38,5
Помидор	44,5	68,5
Прищепка	80,5	44,5
Пуговица	50,5	38,5
Пушка	86,5	114,5
Пчела	68,5	56,5
Рак	74,5	86,5
Расческа	38,5	38,5
Рубашка	86,5	56,5
Рука	23,4	38,5
Ручка	56,5	44,5
Рыба	23,4	22,1
Самолет	22,1	23,4
Санки	50,5	86,5
Свеча	50,5	38,5
Свинья	68,5	23,4
Свисток	56,5	50,5
Сердце	50,5	50,5
Сигарета	68,5	86,5
Слон	38,5	23,4
Снеговик	44,5	23,4
Собака	25,1	22,1
Сова	62,5	38,5
Солнце	22,1	23,4
Стакан	74,5	44,5
Стол	25,1	22,1
Страус	86,5	102,5
Стул	22,1	22,1
Сумка	56,5	68,5
Сыр	38,5	44,5
Табурет	74,5	50,5

Телефон	38,5	23,4
Тигр	44,5	44,5
Торт	50,5	23,4
Труба	86,5	56,5
Тыква	86,5	74,5
Улитка	38,5	44,5
Ухо	56,5	44,5
Флаг	50,5	38,5
Фонарик	50,5	56,5
Холодильник	44,5	56,5
Цветок	25,1	22,1

Цепь	62,5	56,5
Чайник	23,4	44,5
Чашка	74,5	25,1
Чемодан	68,5	62,5
Черепашка	38,5	38,5
Шляпа	62,5	23,4
Щетка	74,5	23,4
Юбка	50,5	56,5
Яблоко	23,4	22,1
Якорь	80,5	102,5

Коэффициент корреляции между данными русскоязычных и британских детей, представленными в табл. 2, составляет 0,616. Это говорит о том, что существует определенное сходство в сроках усвоения названий предметов детьми двух исследованных выборок.

Но может ли этот коэффициент корреляции сказать что-то определенное в отношении поставленного во введении вопроса об объяснительных возможностях эмпиризма? Нет, потому что он слишком высок для того, чтобы свидетельствовать в пользу эмпиризма, и недостаточно высок, чтобы свидетельствовать против него. Такой коэффициент корреляции будет вполне вероятен в случае неполного сходства культур и, соответственно, неполного сходства опыта растущих в этих культурах детей, что как раз можно полагать имеющим место для русской и английской культур.

Интересно, однако, более детально рассмотреть сходства и расхождения между этими данными.

Начнем с группы наиболее рано усваиваемых слов, так как можно предположить, что именно по этой группе расхождения будут минимальными. В табл. 3, 4 и 5 представлены наиболее рано усваиваемые (преодолевшими 75% барьер в первой возрастной группе) русскоязычными или/и англоязычными детьми слова, стимулы для которых в двух исследованиях совпадают. В табл. 3 представлены слова, которые наиболее рано

усваиваются как русскоязычными, так и англоязычными детьми (таких слов всего 20), в табл. 4 – наиболее рано усваиваемые русскоязычными, но не англоязычными детьми (6 слов) и, наконец, в табл. 5 – наиболее рано усваиваемые англоязычными, но не русскоязычными детьми (27 слов). Как можно видеть из табл. 4, одно из шести слов, которые англоязычные дети усваивают позже, они усваивают позже на полгода, четыре слова – позже на год и одно слово – на полтора года. Таким образом, отличие возраста усвоения этих слов невелико. Названия предметов, усваиваемые русскоговорящими детьми первыми, усваиваются и англоговорящими детьми в основном также рано.

В чем могут заключаться причины этого сходства? Влияние опыта взаимодействия с предметами представляется бесспорно играющим очень большую роль. С такими предметами, как кровать, ложка, стул, стол дети обеих культур взаимодействуют с самого раннего возраста. Солнце является стимулом, привлекающим внимание уже в силу своих физических свойств. Однако с некоторыми из 20-ти слов, которые в первую очередь усваивают представители обеих выборок, они вряд ли имели дело в собственном практическом опыте, и мы не можем объяснить раннее усвоение их названия перцептивной выделенностью их референта. Маловероятно, что детям возраста 2,5-3 лет приходилось пользоваться зонтиком или летать на самолете. По всей видимости, они имели дело с изображениями этих пред-

метов. Однако едва ли картинки, которые им показывали, ограничивались изображениями этого небольшого числа предметов. Представляется вполне допустимым предположить, что мы имеем здесь дело с определенной селективностью ребенка в выделении и запоминании некоторых предметов и их названий.

Собственно, в предположении о выделенности для ребенка некоторых стимулов ничего необычного нет. Помимо общих положений о предрасположенности человека к восприятию определенных стимулов и определенных их комбинаций, на это предположение наводят многочисленные данные о выделенности определенных членов лексико-семантических категорий [Romney, D'Andrade 1964; Rosch 1975; Rosch 1973 и др.]. Характерно, что рано усваиваемое детьми слово «яблоко» является наиболее выделенным членом категории «Фрукт» (к выделенным членам этой категории относятся и банан), морковь - один из типичных овощей, собака и кошка – самые выделенные члены категории «Четвероногое животное», стул и стол – наиболее выделенные предметы мебели. Мы не видим серьезных препятствий к тому, чтобы предположить допустимость распространения градативного отношения за пределы категорий и допустить, что определенные члены определенных категорий являются особо выделенными стимулами. То есть, мы допускаем, например, сравнение по выделенности яблока (типичный фрукт) с морковью (типичный овощ). Дополнительным основанием для такого допущения является успешный опыт оценки типичности (прототипности) членов таких широких категорий, как природный объект и изделие человека [Morrison, Ellis, Quinlan 1992].

Таблица 3

Дерево	22,1	22,1
Кровать	22,1	22,1
Ложка	22,1	22,1
Машина	22,1	22,1
Самолет	22,1	23,4

Солнце	22,1	23,4
Стул	22,1	22,1
Бабочка	23,4	23,4
Банан	23,4	23,4
Воздушный шар (шарик)	23,4	22,1
Зонтик	23,4	23,4
Морковь	23,4	25,1
Рыба	23,4	22,1
Яблоко	23,4	22,1
Книга	25,1	22,1
Кошка	25,1	23,4
Нож	25,1	23,4
Собака	25,1	22,1
Стол	25,1	22,1
Цветок	25,1	22,1

Таблица 4

Рука	23,4	38,5
Чайник	23,4	44,5
Глаз	25,1	44,5
Нога	25,1	38,5
Качели	25,1	50,5
Груша	25,1	44,5

Рассмотрим теперь слова, усваиваемые англоговорящими детьми в самом раннем возрасте, но позднее – русскоговорящими.

Таблица 5

Кролик	68,5	22,1
Ботинок	74,5	22,1
Велосипед	38,5	23,4
Вилка	38,5	23,4
Ключ	38,5	23,4
Корова	38,5	23,4
Лошадь	38,5	23,4
Ножницы	38,5	23,4
Носок	38,5	23,4
Очки	38,5	23,4
Палец	38,5	23,4
Слон	38,5	23,4
Телефон	38,5	23,4
Автобус	44,5	23,4

Снеговик	44,5	23,4
Вертолет	50,5	23,4
Лев	50,5	23,4
Торт	50,5	23,4
Шляпа	62,5	23,4
Свинья	68,5	23,4
Щетка	74,5	23,4
Колесо	38,5	25,1
Обезьяна	38,5	25,1
Белка	44,5	25,1
Луна	44,5	25,1
Паук	56,5	25,1
Чашка	74,5	25,1

Можно видеть, что таких слов довольно много. Однако некоторые отставания русскоговорящих детей могут быть достаточно легко объяснены. Так, животное, которое англоговорящими детьми однозначно называется кроликом, русские дети гораздо чаще называют зайцем. Нет сомнения, что, если бы мы использовали в качестве правильного наименования рисунка «заяц», возраст усвоения сдвинулся бы вниз. Далее, как мы уже говорили, словом ботинок мы заменили предыдущее неудачное наименование «полуботинок». Рисунок часто получал другие

названия – «сапог», «туфля». Весьма вероятно, что если бы мы подсказывали первую букву «б», частота правильных ответов была бы выше.

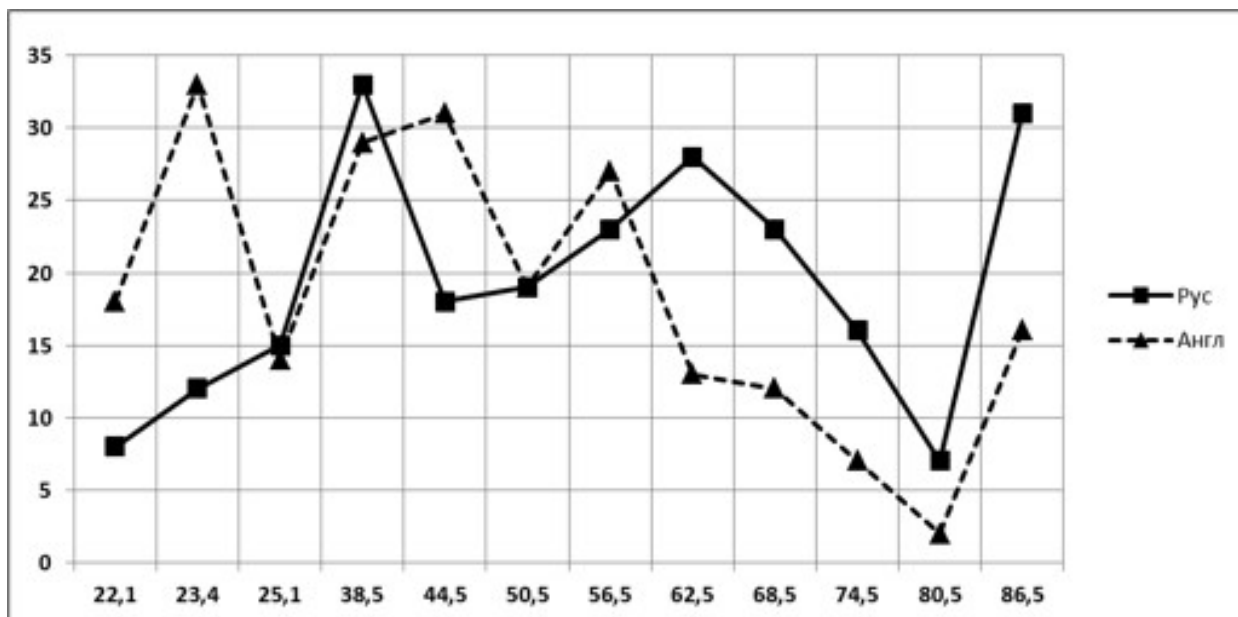
Также у русских детей возраст усвоения слова «чашка» значительно выше. Обращение к исходным данным показывает, что наши испытуемые часто называли изображенный предмет «кружкой». Возможно, здесь сыграло роль несоответствие соотношения значений английских слов «cup» и «mug» со значениями русских слов «чашка» и «кружка», хотя этот вопрос требует специального анализа.

Велико расхождение возраста усвоения и для слова «щетка». Тут мы вынуждены апеллировать только к гипотетическим культурным особенностям. Совершенно неясным является более ранний возраст усвоения слова «снеговик» англоговорящими детьми.

Все же для большинства слов из таблицы 5 отставание русскоговорящих детей не превышает полутора лет.

Интересно сопоставить динамику усвоения названий предметов для двух выборок. На Рис. 1 эта динамика отображена. На абсциссе указан возраст ребенка (в месяцах). На ординате – прирост количества

Рисунок 1

слов за возрастной период, соответствующий разнице между указанным и предыдущим возрастом ребенка. Так, в возрасте 50,5 месяцев дети обеих выборок усваивают по 19 новых названий предметов по сравнению с возрастом 44,5 месяцев (разумеется, учитываются только названия предметов, входящих в стимульный набор). Можно видеть, что графики двух выборок имеют одинаковую характерную особенность: резкое снижение прироста новых слов, начиная с возраста пяти лет и до семи лет, когда количество вновь усвоенных слов опять резко возрастает.

Представляло бы несомненный интерес сравнение возраста усвоения названий предметов англоговорящих и русскоговорящих детей по отдельным лексико-семантическим категориям. Такой анализ будет осуществлен нами в последующих публикациях.

Заключение

В данной работе мы провели сопоставительный анализ возраста усвоения названий предметов русскоговорящими и англоговорящими детьми. Результаты демонстрируют значительное сходство между двумя выборками. Некоторые слова, по видимому, имеют тенденцию усваиваться детьми – носителями обеих культур в первую очередь. Кроме того, наблюдается определенное сходство в динамике усвоения новых слов в течение периода 2,5-6,5 лет. Вместе с тем наблюдается ряд различий между двумя выборками, в том числе по количеству слов, усваиваемых первыми. Особый интерес представляет объяснение того, почему те или иные слова усваиваются ребенком в первую очередь. Объяснение, основанное только на апелляции к опыту ребенка, встречается с трудностями.

Список литературы

Григорьев А.А., Балясникова О.В., Ощепков И.В. Оценки образности названий рисунков из стандартного набора изображений и ряда других слов // Вопросы психолингвистики. 2009. Т. 9.

Григорьев А.А., Ощепков И.В., Балясникова О.В., Орлова Е.А. Нормативные данные по образности, согласованности наименований, знакомости и соответствию наименования изображению для набора из 286 стимулов // Вестник Московского государственного областного университета. Психологические науки. 2010. Т. № 1. – С. 42-51.

Biederman I., Ju G. Surface versus edge-based determinants of visual recognition // Cognitive Psychology. 1988. Т. 20. № 1. – С. 38-64.

Chalard M., Bonin P., Meot A., Boyer B., Fayol M. Objective age-of-acquisition (AoA) norms for a set of 230 object names in French: Relationships with psycholinguistic variables, the English data from Morrison et al. (1997), and naming latencies // European Journal of Cognitive Psychology. 2003. Т. 15. № 2. – С. 209-245.

Clark H.H., Clark E.V. Psychology and language : an introduction to psycholinguistics. — New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1977. — xvi, 608 p.

Hochberg J., Brooks V. Pictorial Recognition as an Unlearned Ability: A Study of One Child's Performance // The American Journal of Psychology. 1962. Т. 75. № 4. – С. 624-628.

Johnston R.A., Dent K., Humphreys G.W., Barry C. British-English norms and naming times for a set of 539 pictures: The role of age of acquisition // Behavior Research Methods. 2010. Т. 42. № 2. – С. 461-469.

Kennedy J.M., Ross A.S. Outline picture perception by the Songe of Papua // Perception. 1975. T. 4. № 4. – С. 391-406.

Lotto L., Surian L., Job R. Objective age of acquisition for 223 Italian words: Norms and effects on picture naming speed // Behavior Research Methods. 2010. T. 42. № 1. – С. 126-133.

Morrison C.M., Chappell T.D., Ellis A.W. Age of Acquisition Norms for a Large Set of Object Names and Their Relation to Adult Estimates and Other Variables // The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A: Human Experimental Psychology. 1997. T. 50. № 3. – С. 528-559.

Morrison C.M., Ellis A.W. Roles of Word Frequency and Age of Acquisition in Word Naming and Lexical Decision// Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1995. T. 21. № 1. – С. 116-133.

Morrison C.M., Ellis A.W., Quinlan P.T. Age of acquisition, not word frequency, affects object naming, not object recognition // Memory and Cognition. 1992. T. 20. № 6. – С. 705-714.

Snodgrass J.G., Vanderwart M. A standardized set of 260 pictures: Norms for name agreement, image agreement, familiarity, and visual complexity // Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory. 1980. T. 6. № 2. – С. 174-215.

Romney A.K., D'Andrade R.G. Cognitive Aspects of English Kin Terms // American Anthropologist. 1964. T. 66. № 3. – С. 146-170.

Rosch E. Cognitive representations of semantic categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. T. 104. № 3. – С. 192-233.

Rosch E. On the internal structure of perceptual and semantic categories// Cognitive development and the acquisition of language. / Oxford, England: Academic Press, 1973. – Number of xii, 308.

Н.И. Миронова

УДК 81'33

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ И АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СХЕМЫ

Разные типы ассоциативного эксперимента (АЭ) сейчас широко применяются не только в психологии и психиатрии, но и в лингвистике. При этом методы анализа данных АЭ нуждаются в дальнейшей разработке. Мы предлагаем использовать как основу анализа схему – используемую в когнитивной науке структуру для объяснения организации знаний. Метод анализа данных АЭ на основе схемы значительно увеличивает возможности интерпретации его результатов.

Ключевые слова: Ассоциативный эксперимент, методы анализа ассоциативного поля, когнитивная категория схемы.

Nataliya I. Mironova

ASSOCIATIVE EXPERIMENT: METHODS OF DATA ANALYSIS AND ANALYSIS BASED ON THE UNIVERSAL SCHEME

Associative experiment is now being widely used not only in psychology and psychiatry, but also in linguistics. Different types of experiments are used in this area. At the same time methods of data analysis still require development. Here we propose to use scheme – the structure of information processing and storage – as analytic base. This concept came from the field of cognitive science, and this method of analysis greatly enhances possible interpretation of experimental results.

Key words: Associative experiment, associative field analysis, scheme.

Введение. Ассоциативный эксперимент представляет собой один из видов проективной методики исследования личности, позволяющей снять самоконтроль «Я». Сейчас это важный исследовательский метод, применяемый в разных областях науки: в психологии, психиатрии, криминалистике. С его помощью исследуют принципы организации и функционирования систем памяти, диагностируют патологические изменения психики и измененные состояния сознания, исследуют мотивацию личности и т.п. Метод свободных ассоциаций считается «одним из двух величайших деяний Фрейда» и «фундаментальным правилом терапии» [Томэ, Кэхеле 1996: 317] и применяется в современном психоанализе. В судебной практике АЭ используется для подтверждения истинности или ложности показаний. Он нашел широкое применение и в психолингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии и т.д.

Антропоцентризм современной лингвистической научной парадигмы определил одну из ведущих тем исследований, проводимых методом АЭ. Это вопрос о том, как индивидуальные и групповые характеристики личности – пол (гендер), возраст, физическое и психическое состояние (в норме и патологии), социальный и профессиональный статус, этнокультурная принадлежность – проявляются в ассоциативном процессе. Часто подобные исследования носят контрастный характер. Интерес исследователей вызывает и сам ассоциативный процесс, его механизмы, связь с процессами мышления, процессами порождения и восприятия речи, с организацией семантической памяти и т.п.

Многообразие задач, решаемых с помощью АЭ, требует использования разных его типов. Тип АЭ определяется сочетанием параметров «единичность – множественность» и «свобода – контролируемость» ассоциаций. Эксперимент на множественную ассоциацию (реакцию) называют также «цепным» («цепочечным») и экспериментом на продолжающуюся реакцию (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев). Интерес к подобному лингвистическому материалу проявил в свое

время А.Н. Леонтьев, и только уровень развития психологии и лингвистики в первой трети XX века не позволил ему раскрыть все возможности такого АЭ.

Современный подход к устройству и функционированию систем памяти человека дает возможность по-иному взглянуть на АЭ на множественную реакцию и расширить сферу его использования. В свете коннекционизма, исходящего из тезиса параллельной переработки информации (Parallel Distributed Processing), снимается основная проблема, связанная с таким ассоциативным экспериментом – наличие и характер связи каждой конкретной реакции со словом-стимулом, поскольку речь идет уже не об установлении связи между двумя конкретными словами, а об определении соответствующего конкретному слову образца (паттерна) активации.

Методы анализа результатов ассоциативного эксперимента. Методы анализа данных АЭ зависят от задач исследования и от его объекта: отношений между стимулом и реакцией или ассоциативного поля в целом; на практике исследование часто ведется сразу по двум направлениям. Влияет на выбор метода и тип АЭ [Лурия 1928; А.А. Леонтьев 1977; Караулов 1994а; 1994б; 1999; Залевская 1994; 1999; Мартинович 1990; 1993; Горошко 2003; Береснева 1997; Соколова 1999 и др.].

Анализ данных АЭ в первую очередь предполагает формирование соответствующего задачам экспериментального массива, т.е. устранение неадекватных реакций.

Анализ отношений между стимулом и реакцией может быть формальным и содержательным. В рамках **формального анализа** обычно рассматривают фонетические и словообразовательные ассоциации. Традиционный подход к **содержательному анализу** ассоциаций состоит в выделении двух (парадигматических и синтагматических) или чаще трех (и тематических) типов отношений между стимулом и реакцией с последующим их более тщательным анализом. Но выделение этих типов отношений в ассоциативной паре демонстрирует несоблюдение

двух важнейших принципов научной классификации: единства основания деления и последовательности деления понятия.

Попытку выхода за рамки этой привычной парадигмы представляет собой предложение рассматривать связь между двумя узлами ассоциативно-вербальной сети, стимулом и реакцией, как предикацию в широком смысле слова [Караулов 1994а; 1994б; 1999] (подробнее см. ниже).

Смещение формальных и содержательных принципов часто происходит при анализе отношений между стимулом и реакцией, ориентированном на одно определенное слово-стимул и, следовательно, имеющем ограниченные возможности применения. Так, А.С. Солохина [РДЯСОЛ 2006: 281–282], исследуя представление концепта *свобода* в ассоциативных словарях разных языков, выделяет три его составляющих: понятийную, ценностную и образную. Она выделяет следующие типы отношений между стимулом и реакцией: синонимичные и антонимичные реакции, смежные понятия; ассоциации с историческими, культурными, социальными, политическими коннотациями; представления о свободе; речевые клише и устойчивые сочетания; прецедентные феномены; образы; прочие (индивидуальные) ассоциации. Как и все классификации, построенные для одного концепта, данная отражает во всей полноте проблему фрейма – адекватного перечня оснований для характеристики некоторого концепта. Можно отметить и непоследовательность автора: отсутствие единого основания анализа понятия, поскольку в один ряд включены и системные отношения лексем, и их коннотации, и прецедентные феномены, и образы и т.п.

Анализ ассоциативного поля (АП) как целого может базироваться на типах отношений между стимулом и реакцией, задающих структуру поля, но может осуществляться и в других направлениях. Под ассоциативным полем понимается и совокупность реакций на одно слово-стимул, данных разными респондентами в ходе АЭ на единичную реакцию, и последовательность реакций на один

стимул, данная одним респондентом в ходе АЭ на множественную реакцию.

В контрастивных исследованиях АП, полученные на один стимул, могут сопоставляться между собой с помощью применения различных методик. Ю.Н. Караулов и М. Санчес Пуиг [ЯССиФ 2000: 109–110] определяют возможные направления сопоставления АП: сплошное сравнение одноименных АП по составу и частоте первых двух реакций; пословное сопоставление одноименных АП; сравнение семантической структуры одноименных АП; анализ ядра лексиконов представителей разных этносов; определение степени стандартности (ритуализованности) ответов в разных языках; установление доминирующих структур – номинативной или предикативной; гендерный анализ ответов и не-ответов (отказов).

Часто исследователи предлагают выделять в АП центр и периферию, в некоторых случаях концентрируют внимание на единичных реакциях. Возможен анализ структуры поля с применением метода ранжирования, т.е. приписывания каждой реакции определенного «веса», определяемого в зависимости от очередности ее появления [Проблемы психолингвистики: слово и текст 1993]. Д. Нельсон и С. МакИвой определяют вероятность появления определенной реакции на стимул [Nelson, McEvoy 2000], популярной остается и методика Дж. Диза [Залевская 1999].

Интересный подход к анализу АП как целого предлагает Ю.Н. Караулов [ЯССиФ 2000: 107–109]. Он использует понятие «гештальт», введенное представителями гештальтпсихологии. Ю.Н. Караулов рассматривает семантический гештальт как одну из структур, позволяющих упорядочить состав АП. По словам автора, семантический гештальт воплощает тот аспект языкового сознания носителя языка, который связан с отражением окружающей реальности, образов национально-культурного мира, запечатленных в родном языке. Гештальт выстраивается на основе семантического анализа реакций АП и состоит из семи плюс / минус

двух семантических зон, каждая из которых является характеристикой некоторого существенного признака соответствующего референта. Например, семантический гештальт слова ПАМЯТНИК включает следующие зоны: история, слава, искусство, материал, вид, место, забвение. Сравнивая гештальты АП слов ГОСТЬ и HUESPED (исп.), автор отмечает и совпадение девяти семантических зон, и различия в образах сознания русских и испанцев.

Конечно, идея о том, что структура гештальта сопоставима с объемом кратковременной памяти человека и складывается из семи плюс / минус двух семантических зон, вызывает серьезные сомнения (и автор сам признает это). Понятно, что количество зон может варьировать в зависимости от оснований выделения, т.е. от уровня обобщения.

Ю.Н. Караулов предлагает и еще один, уровневый, подход к анализу АП [Караулов 1999: 45–46; 80–101]. Он выделяет три уровня анализа: грамматический и лексико-семантический уровень (раскрываемый во взаимоотношениях словоформ), когнитивный уровень (уровень языковой картины мира, раскрывающий взаимосвязи между лексемами в плане «язык – мир») и прагматический уровень (характеризующий взаимоотношения человека с миром и связанный с целым текстом, за которым стоит языковая личность). Безусловно, каждый уровень анализа может быть полезным для решения определенных задач.

Многие современные авторы используют подходы к анализу ассоциативного поля, разработанные Ю.Н. Карауловым. М.В. Шаманова, например [Шаманова 2003: 308–309], исследуя содержание коммуникативной категории «общение» в русском языковом сознании, выявляет набор семантических гештальтов, представляющих содержание концепта «свобода». К таким гештальтам относятся: число общающихся, тематика общения, содержание общения, длительность, характер отношений собеседников, эмоциональный результат общения, оценочность, умение вести общение, стиль

общения, место общения, цели общения, потребность в общении, условия успешного осуществления общения и др. Автор делает вывод о том, что количество гештальтов может увеличиваться с добавлением материала, хотя, с нашей точки зрения, причиной увеличения количества гештальтов может быть и более дробная классификация, т.е. конкретизация признаков, по которым они выделяются.

С помощью «ассоциативного гештальта» анализирует материалы своего эксперимента и Д.И. Терехова [РДЯСОЛ 2006: 297–299], выявляя этнокультурную специфику языкового сознания русских и украинцев. Ее исследование группы слов-стимулов, связанных с внутренним миром человека, показало значительное сходство в образах мира русских и украинцев.

Можно видеть, что исследование влияния характеристик адресанта на форму и содержание реакций является одной из главных задач, для решения которых применяется ассоциативная экспериментальная методология. Но традиционные методы анализа отношения между стимулом и реакцией (на основе установления парадигматических, синтагматических и тематических отношений) и АП в целом для решения данной задачи не подходят, поскольку не дают возможности получить информацию об особенностях интерпретации действительности респондентом. Гештальт – структура, предложенная Ю.Н. Карауловым для анализа АП в целом, – по сути является разновидностью когнитивной схемы, а идея анализа данных АЭ на основе схемы представляется нам весьма продуктивной. Но прежде всего требует определения само это понятие, чрезвычайно популярное сейчас в когнитивной науке, поскольку учет его особенностей поможет избежать недостатков существующих методов исследования АП, в том числе пригодности схемы для анализа только одного конкретного понятия.

Понятие «Схема» (фрейм, сценарий) в когнитивной науке. Большинство наших знаний структурировано сложным

образом, концепты связаны друг с другом таким способом, который отражает временную и причинную структуру мира. Наиболее широко используемый конструкт для объяснения сложной организации знаний – это схема. «Схема – это структурированный кластер концептов, обычно она содержит общие (generic) знания и может быть использована для представления событий, последовательностей событий, образов восприятия (percepts), ситуаций, отношений и даже объектов» [Eysenck, Keane 2003: 282]. Идея схемы как помогающей нам воспринимать мир структуры была высказана еще в 19 веке философом Кантом (правда, он считал эту структуру врожденной), а в 30-е годы 20 века сэр Фредерик Бартлетт воплотил эту идею в жизнь.

Термин **схема** используется по отношению к широкому набору разных конструктов, но почти все они имеют общие черты [Rumelhart, Ortony 1977; Medin, Ross 1997; Shank, Abelson 1977; Kintsch 1998; Дейк 1989]: схема есть индивидуальное знание; она отсылает к знаниям о мире конкретного человека; схема есть нечто обобщенное; она содержит информацию не об одной особой ситуации, а скорее, об особом типе ситуаций; схема обладает структурой, она не только состоит из некоторого набора фактов, но и включает информацию о том, как эти факты связаны друг с другом; схема используется для получения выводных знаний; схемы служат основой интерпретации действительности и используются в процессе понимания; схемы связаны между собой и могут образовывать иерархии.

Схема включает переменные / слоты, значения этих переменных и различные отношения, связи между ними. Переменные / слоты содержат понятия или другие подсхемы; каждое понятие, которое помещается в слот, обычно должно удовлетворять определенным условиям. Так, слот – аргумент «Agent» в отношении НИТ (Agent, Object, Instrument) требует, чтобы понятие, которым заполняется слот, обозначало одушевленный объект. Слоты схем могут оставаться откры-

тыми (пустыми), при этом мы можем восстановить отсутствующие элементы. Если слот не заполнен, скажем, нам не говорят, какой инструмент использовал Гарри в ситуации (*Гарри ударил ребенка*), то мы можем предположить отсутствующее значение (например, рука) [Eysenck, Keane 2003: 253].

Схема как организующая структура может принимать разные формы для представления разных видов знаний. Для представления декларативных знаний («знаний что») используются фреймы, сцены и т.д., а для представления процедурных («знаний как») – скрипты, сценарии, планы и т.д. [Баранов 2001: 16–17].

Согласно М. Минскому, «фрейм – это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации» [Минский 1978: 254]. Так, фрейм покупки мороженого [Medin, Ross 1996: 298–299] будет включать слоты: «покупатель», «сорт мороженого» (включающий «форму мороженого» и «вкус мороженого»), «продавец», «стоимость». Слоты фрейма будут иметь конкретное наполнение (*Джон, рожок, шоколадный, продавец магазина, 30 центов*). Ограничения будут связаны с тем, например, что слот «вкус мороженого» не может содержать имя собственное. Некоторые слоты фрейма могут быть не заполнены, например слот «форма мороженого» (*рожок, брикет, стаканчик или торт*). Но если стоимость мороженого была 30 центов, то можно с уверенностью сказать, что Джон купил порционное мороженое, а не торт.

Скрипты (сценарии), схемы организации процедурных знаний, представляют собой структуры знаний, которые кодируют стереотипные последовательности действий (событий) в повседневной жизни, например, посещение магазина, поход в ресторан и т.п. [Schank, Abelson 1977; Eysenck, Keane 2003: 253]. Широко известный ресторанный скрипт Р. Шенка и Р. Абельсона [Schank, Abelson 1977] содержит 4 основных части: *приход в ресторан, заказ, поедание пищи, уход*. Каждая из этих частей включает определенные действия. Например, *приход*

включает в себя *вход; поиск стола; решение, куда сесть; подход к столу*. Слоты скрипта являются или ролями (*официант*), или заголовками для других подсchem, подчиненных скриптов (*вход в ресторан*). Они так же, как и слоты фрейма, имеют ограничения, касающиеся заполнителей. Так, ролевые слоты скрипта (*официант, посетители, повар*) заполняются понятиями, обозначающими конкретных людей в конкретной ситуации (*высокий лысоватый официант*). Обычно эти роли могут быть заполнены только объектами, которые удовлетворяют требованию «быть человеческим существом».

Активация схемы имеет много источников [Medin, Ross 1997: 305]. Это могут быть объекты или ключевые слова, а также релевантный контекст.

И для фреймов, и для сценариев характерны сильная ситуативная привязанность и конвенциональность [Eysenck, Keane 2003; Дейк 1989]. Сценарии часто описывают ритуализованные события, например, военные или религиозные церемонии. И фреймы, и сценарии, представляя самое типичное в данном обществе, имеют этно- и социокультурную специфику [Макаров 2003: 153–154]. Так, фрейм «семья» будет по-разному организован в сознании жителей южнокорейского села, немецкого города, дагестанского аула или индусской деревни; разными окажутся и слоты, и их количество, и наполнение (будут различаться роли и статусы членов семьи, их права и обязанности, отношение к родственникам по мужской и женской линии и т.п.).

Анализ реакций на основе схемы (фрейма). Выбор метода анализа, во многом определяющего его результат и качество, является чрезвычайно важным моментом. Мы хотим показать, каким образом можно применить понятие «схема» (фрейм) для анализа данных АП, образованного в ходе АЭ и на множественную, и на единичную реакцию. В качестве примера мы взяли слова, обозначающие живых существ (младенец, старик, медведь, собака), и использовали их как стимулы в АЭ на множественную реакцию. Аналогичные примеры из АЭ на еди-

ничную реакцию были взяты из Русского ассоциативного словаря [РАС: 1994–1998]. Предварительно был сформирован экспериментальный массив, соответствующий задачам исследования (были исключены все неадекватные реакции). Все вошедшие в экспериментальный массив реакции тематически связаны со словом-стимулом. За ними стоят разные аспекты ситуаций, связанных в жизни современного человека с референтом (денотатом) слова-стимула.

Самая общая схема (фрейм) для некоторого объекта действительности будет содержать слоты, соответствующие элементам, выделенным в данном фрагменте опыта на основе общения человека с подобными объектами. Такими элементами являются участники ситуации, их характеристики и отношения между ними (их действия и состояния). Подобная общая (универсальная) схема, в отличие от схем, создаваемых для анализа одного концепта, позволяет представить любую ситуацию действительности, она применима для анализа любых концептов, что значительно расширяет исследовательские возможности.

Для одушевленного объекта, референта каждого из слов-стимулов (*младенец, старик, собака, медведь*), а также аналогичных слов-стимулов из Русского ассоциативного словаря универсальная схема выглядит так:

1. Возможные референты слова-стимула.
2. Действия, состояния и характеристики референта слова-стимула.
3. Другие субъекты – участники ситуации.
4. Действия, состояния и характеристики других субъектов – участников ситуации.
5. Объекты – участники ситуации.
6. Место ситуации.
7. События жизни референта слова-стимула и периоды времени.
8. Чувства и эмоции.

Под словом «ситуация» понимается типовая ситуация, т.е. определенный стереотип, выработанный на основе прошлого

опыта человека. В число участников ситуации входят возможные референты слова-стимула, другие субъекты, связанные с ним ситуативно, а также типичные в данной ситуации объекты. Отношения между участниками ситуации представлены их действиями и состояниями. Характеристики имеют отношение преимущественно к референту слова-стимула, а не к другим участникам ситуации. В некоторых случаях АП содержит и сведения о месте ситуации, типичной для референта слова-стимула. Слот «Чувства и эмоции» обладает в схеме особым статусом, поскольку может иметь отношение не только к участникам ситуации, но и к респонденту. Поэтому мы и не относим большое количество этих частотных реакций к слоту «Действия, состояния и характеристики референта слова-стимула». Содержит АП и такую информацию, как периоды и события жизни референта слова-стимула.

В некоторых случаях трудно отнести реакции к определенному слоту. Например, слово пенсия может обозначать как период жизни *старика* (*он сейчас на пенсии*), так и объект, определенную денежную сумму (*он получает небольшую пенсию*). Реакции дом, поле, сад могут иметь отношение и к слоту «Объекты – участники ситуации», и к слоту «Место ситуации». Реакции на слово-стимул *младенец* типа *котенок, пупс, зайка, медвежонок* можно трактовать и как ласковые номинации референта слова-стимула, и как упоминания других объектов – игрушек, которые «участвуют» в ситуациях, характерных для референта слова-стимула. В подобных случаях реакции были помещены одновременно в несколько слотов, обычно в два. Ниже мы приводим примеры реакций, отнесенных к определенным слотам.

Слот 1. Возможные референты слова-стимула. К этому слоту отнесены реакции, которые связаны с конкретным референтом слова-стимула, примеры – реакции *мой сыночек* на слово-стимул *младенец*; *мой дедушка, дядя Слава* – на слово-стимул *старик*; *моя собака, Арагон – собака соседа* – реакции на слово-стимул *собака*. На слово-

стимул *медведь* подобные реакции по понятным причинам имеют отношение только к феномену прецедентности: *Кнут* (медвежонок из Берлинского зоопарка), *Михайло Потапыч, Винни-пух* (персонажи сказок).

Отсылка к конкретному референту в реакциях встречается чрезвычайно редко, более частым является нереферентное употребление слова-стимула, поскольку реакции АП демонстрируют знания респондента о стереотипной ситуации. Категория нереферентности может быть представлена в реакциях разными статусами. Это может быть, например, «неиндивидуализированный эталонный представитель множества сущностей, составляющих экстенционал соответствующего именного выражения» [Кобозева 2000: 236], в этом случае именные группы (ИГ) *младенец* и *старик* имеют родовой, или генерический статус. Этот статус ИГ имеет, например, в реакциях *плачет, пьет из бутылочки, пухленький (младенец)*; *плохо видит, больные ноги (старик)*.

Именные группы *младенец* и *старик* могут иметь и универсальный статус [Там же: 235]. В этом случае референтом ИГ является «все множество сущностей, обозначаемое соответствующим именным выражением, т.е. экстенционал этого выражения». В качестве примеров можно привести реакции типа *ребенок, дитя* на слово *младенец*; *человек, пожилой человек* на слово *старик*; *зверь, животное* на слова *собака* и *медведь*. Приведенные примеры помещены уже в другой слот: «Действия, состояния и характеристики референта слова-стимула».

Аналогичные примеры из Русского ассоциативного словаря (в скобках дается слово-стимул): *Галя, Люба, Лукерья (бабушка)*; *Лена, Лида, Маечка (девочка)*; *Галя (девушка)*; *Юля, Петя (дитя)*; *мама, сестра (женщина)*; *брат, я (мужчина)*.

Слот 2. Действия, состояния и характеристики референта слова-стимула. Такие реакции могут иметь разную языковую форму: глагол в личной форме, инфинитив, разные типы конкретных существительных, в том числе со значением части объекта

– партонимы (в разных падежных формах); отглагольное существительное со значением деятеля, действия, состояния или результата действия; прилагательные разного типа, отадъективное существительное и причастие.

Примеры реакций: *быстро растет, ползает, капризничает, начал ходить, ломает все, спать мешает; плакса, рева, крикун; рева, сон, лепет, плач по ночам; плакать, ползать, лепетать; кричащий, плачущий, ползающий (младенец); храпит, дает советы, медленно ходит, учит жить, ворчит, брюзжит, рано встает, курит папиросу, хромает; ворчун, рассказчик; воспоминания о прожитых годах, бормотание, брюзжание; впасть в детство, никуда не спешить, шаркать; часто болеющий, сгорбленный (старик); лает, кусает(ся), рычит, грызет, сторожит, линяет, нюхает, нападает, скалится, всегда чешется; рычание, нападение, линька; сторож, обжора; служить, сторожить, вилять хвостом; любящая, бегущая (собака); спит зимой, ест мед, ревет, рычит, сосет лапу, пробирается сквозь чащу леса; (зимняя) спячка, сон, рева, сосание лапы; любитель рыбы, сладкоежка; играть, есть, спать, реветь, рычать; спящий, измученные, разъяренный, залезший на дерево (медведь).*

Многие реакции связаны с отнесением референта слова-стимула к определенному классу. Подобные реакции демонстрируют отражение в АП когнитивного процесса **категоризации**. Речь идет о таких реакциях, как реакция *ребенок* на слово *младенец*, реакция *человек* на слово *старик*, реакция *животное* на слова-стимулы *собака* и *медведь*.

Реакция *ребенок* на слово *младенец* отражает базовый уровень категоризации, а реакция *человек* – суперординатный уровень. Такие реакции обычно появляются первыми (наиболее частотной из них является реакция *ребенок*) и свидетельствуют о том, что процесс категоризации – один из основных процессов, связанных с идентификацией и пониманием слова.

Частота первой реакции *ребенок* легко объяснима. Экспериментально доказано, что

люди предпочитают оперировать понятиями базового уровня и что доступ к подобным понятиям в процессе переработки информации осуществляется легче [Guenther 1998: 184–185; Rosch, Mervis, Gray et al. 1976]. Есть и данные о том, что понятия базового уровня усваиваются раньше, чем суперординатные или субординатные. При этом специалисты в некоторой области знания обычно больше оперируют понятиями субординатного уровня, чем базового, поскольку усвоили больше признаков, различающих понятия именно этого уровня категоризации.

Процесс категоризации проявляется при реакции *животное* на слова-стимулы *собака* и *медведь*. Эти слова-стимулы сами относятся к базовому уровню категоризации. Реакция *животное* представляет собой переход на суперординатный уровень. В АП, полученных на эти стимулы, отмечается и большое количество реакций, связанных с субординатным уровнем категоризации: *колли, овчарка, далматинец, шпиц, чау-чау, сен-бернар, бульдог, доберман (собака); бурый, белый, гризли, панда, коала (медведь)*.

Подобный переход на базовый или суперординатный (родовой) уровень категоризации в процессе ассоциирования можно объяснить или большей легкостью оперирования понятиями базового и суперординатного уровня, или отсутствием знаний об объекте, представляющем видовой уровень.

Можно встретить и другие примеры отнесения референта слова-стимула к некоторому классу объектов: реакции *мальчик, девочка* на слово-стимул *младенец*; *мужчина, иностранный турист, пенсионер* на слово-стимул *старик*.

Характеристика референта слова-стимула часто связана с его «частями», соответственно, с частями тела.

Примеры реакций: *маленькие ручки и ножки, пальчики, голубые глаза, мягкие ладошки, пятки, ногти, розовое тельце, щеки, уши, животик, маленький кулачок, красное личико; с маленькими ручками, без волос (младенец); борода, седые волосы, руки в мозолях, спина, усы, костлявые руки,*

слезливые глаза; с длинной бородой, с лучистыми глазами, без зубов (*старик*); морда, уши, лапы, хвост колечком, пушистый хвост, когти, зубки, клыки, брюшко (*собака*); когти, лапы, шерсть, коричневый мех, шкура, уши, хвост, мокрый нос, маленькие глазки (*медведь*).

Примеры из Русского ассоциативного словаря: *вяжет, заболела, ворчит, ворчание, ворчунья, на пенсии, добрая, старенькая, седовласая, руки (бабушка); плачет, играет, маленькое, малыши, прелестное, прелесть, каприз (дитя); живет, хороший, добрый, гордый, любимый, мудрый, упрямый, надежный, огромного роста, гений, мужчина, глаза, голова (человек); ушел, ревет, ревел, толстый, лесной, неуклюжий, сильный, страшный, в спячке, мохнатый, мохнатость, коричневый, лохматый, огромный и сильный, увалень, волосатый (медведь); лает, лай, сидит, сторожит, пропала, злая, умная, верная, породистая, бешенная, чернобелая, лохматая, злой, злость, с глупой мордой, уши, шерсть (собака).*

Слот 3. Другие субъекты – участники ситуации. В реакциях на слова-стимулы *младенец* и *старик* чаще всего упоминаются члены семьи и ближайшие родственники, в некоторых случаях также – домашние животные, но есть и реакции (как и для слов *собака* и *медведь*), связанные с другими участниками ситуации.

Примеры реакций: *мама, родители, бабушка, папа, дедушка, отец, муж, нянька, сосед, родственники, медсестра, друг, подруга, собака (младенец); бабушка, внук, дети, друг, жена-старушка, сын, кошки (старик); человек, ветеринар, дети, кошка, черепаха, волк, вороны (собака); охотники, цыгане, дети (медведь).*

Примеры из Русского ассоциативного словаря: *дедушка, дед, внук, внучка, родня, животные (бабушка); мать (дитя); мужчина, ребенок (женщина); женщина (мужчина); волк, заяц, бык (медведь); кошка, волк (собака).*

Слот 4. Действия, состояния и характеристики других субъектов – участ-

ников ситуации. Надо отметить, что объем этого слота для слов-стимулов *младенец* и *старик* сильно различается: реакции, представляющие действия и состояния других субъектов-участников ситуации, встречаются значительно реже в АП слова *старик*, чем слова *младенец*. Такие особенности ассоциаций отражают естественное положение дел: *младенцу*, для того чтобы существовать, необходима помощь других людей.

Для языкового кодирования действий, состояний и характеристик других субъектов, ситуативно связанных с референтом слова-стимула, респонденты выбирали форму инфинитива или отглагольного существительного.

Примеры реакций: *купать, кормить, гулять, ухаживать, мыть, учить, по ночам не спать, голову поддерживать, играть, пеленать, носить на руках, каждый день гладить пеленки, качать на руках; кормление грудью, купание, стирка, прогулка с коляской, вязание, уход, постоянная забота, хлопоты (младенец); уступать место в метро, уступать место в общественном транспорте, ухаживать; помощь, забота, уход (старик); кормить, гладить, выгуливать, мыть лапы после гуляния, убирать за ней; гуляние, мытье лап (собака); охотиться на медведя; охота, дрессировка (медведь).*

Примеры из Русского ассоциативного словаря: *не обидеть бы (бабушка); накормить, накрыть на стол, не ждали, уборка, хлопоты (гость).*

Слот 5. Объекты – участники ситуации. Для слов-стимулов (антропонимов) *младенец* и *старик* тематика реакций, связанных с объектами – участниками ситуации, примерно одинакова. Это еда (пищевые продукты); посуда; другие предметы, необходимые в быту; мебель; одежда; предметы гигиены. Для зоонимов *собака* и *медведь* это, в первую очередь, еда, а также другие предметы.

Примеры реакций: *молоко, коляска, соска, подгузник, кровать, чепчик, кашка, пинетки, мокрые пеленки, детская одежда, игрушки, стульчик, «Нестле», носочки, при-*

сыпка, пустышки; с соской, в пеленках, в колыбели (**младенец**); клюка, газета, бутылки из-под пива, водка, жилет, палочка-трость, пальто, папироса, пенсне, протез, радиоприемник 60-70 годов, самовар, трубка, фужер, шерстяные носки, шляпа, штаны в заплатках; с палочкой, в очках, в тулупе, в шляпе и пальто, в темной одежде, с клюкой (**старик**); корм, еда, косточка, миска, намордник, ошейник, поводок, корзина, подстилка, конура, будка, цепь, игрушки (**собака**); малина, мед, берлога, капкан (**медведь**).

Примеры из Русского ассоциативного словаря: очки, блины пироги, в очках, в платочке (**бабушка**); в ползуночках, детская кровать, коляска (**дитя**); шляпа, в шляпе, машина (**человек**); малина, берлога, дробовик, мед (**медведь**); кость, на поводке, цепь (**собака**).

Слот 6. Место ситуации. Реакции, отнесенные к этому слоту, в большинстве своем отнесены одновременно и к слоту «Объекты – участники ситуации», поскольку они обозначают и объекты действительности, ситуативно связанные с референтом слова-стимула, и возможное место действия (ситуации). Однозначно могут быть отнесены к данному слоту лишь реакции типа *на завалинке, в лесу* (**старик**).

Примеры реакций: больница, большая комната, деревня, детский сад, г. Орел, поликлиника, роддом, родильный дом, ясли (**младенец**); больница, дача, деревня, дом, кладбище, огород, поле, рынок, сад, сумасшедший дом; на завалинке (**старик**); двор, парк, улица, деревня, дом, комната, квартира (**собака**); лес (**зеленый**), чаща, зоопарк, цирк (**медведь**).

Примеры из Русского ассоциативного словаря: в деревне, изба, дом (**бабушка**); из школы, из деревни (**девочка**); дом (**дитя**); магазин (**женщина**); песочница, зоопарк (**мальчик**); земля, вселенная, с луны (**человек**); цирк, зоопарк, в клетке, в лесу, джунгли, Африка (**лев**); деревня, село, Волга (**лошадь**); лес, в лесу, тайга, берлога (**медведь**).

Слот 7. События жизни референта

слова-стимула и периоды времени. Реакции, составившие этот слот, представляют периоды жизни референта слова-стимула, например *детство, младенчество* (**младенец**); *старость, пенсия, 60-е годы* (**старик**). В этот же слот включены реакции, связанные с типичными событиями жизни референта, соответственно, *крестины* (**младенец**) и *война, 9 мая, День победы* (**старик**), а также реакции, связанные с определенными периодами времени, обычно это *весна и лето* для младенца, *осень, зима* (реже *лето*) для старика. Для слов-стимулов **собака** и **медведь** реакции связаны с временами года; у слова-стимула **медведь** часто встречается реакция *зима*, связанная с зимней спячкой как одним из самых характерных признаков медведя.

Примеры из Русского ассоциативного словаря: *молодость* (**девочка**); *молодость* (**девушка**); *8 марта* (**женщина**); *армия* (**сын**); *август* (**лев**).

Слот 8. Чувства и эмоции. Реакции, вошедшие в этот слот, могут иметь отношение к чувствам / эмоциям как самого респондента, так и участников ситуации, связанной с референтом слова-стимула. Языковые формы выражения – разные, но чаще всего это существительное.

Примеры реакций: *радость, любовь, нежность, счастье, умиление, беспокойство, отвращение, бешенство, тревога, восторг* (**младенец**); *жalousь, грустно, любовь, уважение, тяжело, брезгливость, гордость, любовь* (**старик**); *любовь, радость, счастье* (**собака**); *страх, ужас* (**медведь**).

Примеры из Русского ассоциативного словаря: *доверие* (**сестра**); *нежность, волнение* (**сын**); *люблю животных* (**лев**); *ужас* (**медведь**).

Заключение. Предложенная нами универсальная схема дает возможность сравнения состава слотов, позволяет увидеть особенности их заполнения и различия в языковых способах оформления реакций. Все эти особенности мы обнаружили в АП целевых слов **младенец** и **старик**, они отражают разную степень актуальности для наших респондентов – студентов и школь-

ников – ситуации создания семьи и воспитания детей. Подтвердили это и данные по контрольным словам *собака* и *медведь*.

Практика показала, что АЭ может с успехом применяться в лингвистике и в смежных дисциплинах. Наилучший результат дает использование ассоциативной экс-

периментальной методологии совместно с другими методами исследования, например опросами и интервью. При этом вопросы, связанные и с формой проведения эксперимента, и с методами обработки его данных, и с трактовкой его результатов требуют дальнейшей разработки.

Список литературы

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику : Учебное пособие / А.Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

Береснева Н.И. Модель внутреннего лексикона в позднем онтогенезе (ассоциативный эксперимент) : Дисс. ... канд. филол. наук / Н.И. Береснева. – Пермь, 1997. – 145 с.

Горошко, Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма : Монография / Е. И. Горошко. – М. – Харьков : Изд. Дом «ИНЖЭК», 2003. – 440 с.

Дейк Ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / В.И. Герасимов. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

Залевская А.А. Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов ассоциативных экспериментов / А.А. Залевская // Структурно-семантические исследования русского языка: Сб. ст. – Воронеж : Воронежск. ун-т, 1994. – С. 5–13.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.

Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности / Ю.Н. Караулов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «Филология, журналистика». – 1994а. – № 1. – С. 15–26.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова // Русский ассоциативный словарь. – М. : Помовский и партнеры, 1994б. – Кн. 1. – С. 191–218.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю.Н. Караулов. – М. : ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика : Учебное пособие / И.М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А.А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – С. 5–16.

Леонтьев А.Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование) // Избранные психологические произведения : в 2 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. II. – С. 50–71.

Лурия А.Р. Экспериментальное исследование речевых реакций ребенка / А.Р. Лурия // Речь и интеллект в развитии ребенка : Тр. психологической лаборатории Академии коммунистического воспитания : в 2 т. – М., 1928. – Т. I. – С. 11–45.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

Мартинович Г.А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле / Г.А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1990. – № 2. – С. 143–146.

Мартиневич Г.А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента / Г.А. Мартиневич // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 93–99.

Минский М. Структура для представления знаний : пер. с англ. / П.Л. Уинстон // Психология машинного зрения. – М. : Мир, 1978. – С. 249–338.

Проблемы психолингвистики: слово и текст : Сб. науч. тр. / А.А. Залевская. – Тверь : ТГУ, 1993. – 151с.

РДЯСОЛ – Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности : Тез. докл. XV Междунар. симпоз. по психологии и теории коммуникации. – Калуга : Изд-во «Эйдос», 2006. – С. 194–195, 281–282, 297–299.

Русский ассоциативный словарь : в 4 т. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М. : Помовский и партнеры, 1994–1998.

Соколова Т.В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3–6 лет : Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Т.В. Соколова. – М., 1999. – 65 с.

Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ : в 2 т. : пер. с англ. / А.В. Казанская. – М. : Прогресс, 1996. – Т. I. – С. 317–335.

Шаманова М.В. Общение как категория русского коммуникативного сознания // Языковое сознание: устоявшееся и спорное : Тез. докл. XIV Междунар. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2003. – С. 308–309.

ЯССиФ – Языковое сознание: содержание и функционирование : Тез. докл. XIII Междунар. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 107–109, 109–110.

Eysenck M., Keane M. Cognitive psychology. A student's handbook / M. Eysenck, M. Keane. – 4th ed. – Hove; N.Y. : Psychology Press, 2003. – 631 p.

Guenther R. Human cognition / R. Guenther. – L. : Prentice Hall Inc., 1998. – 522 p. Kintsch, W. Comprehension: A paradigm for cognition / W. Kintsch. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 461 p.

Medin D., Ross B. Cognitive psychology / D. Medin, B. Ross. – 2nd ed. – Orlando : Harcourt Brace College Publishers, 1997. – 608 p.

Nelson D., McEvoy C. What is free association and what does it measure? / D. Nelson, C. McEvoy // Memory and Cognition. – 2000. – Vol. 28, N 6. – P. 887–899.

Rosch E., Mervis C., Gray W., Johnson D., Boyes-Braem P. Basic objects in natural categories / E. Rosch, C. Mervis, W. Gray, D. Johnson, P. Boyes-Braem // Cognitive Psychology. – 1976. – Vol. 8. – P. 382–439.

Rumelhart D., Ortony A. The representation of knowledge in memory / R. Anderson, R. Spiro, W. Montague // Schooling and the acquisition of knowledge. – Hillsdale, N.J. : Lawrence Erlbaum, 1977. – P. 99–135.

Schank R., Abelson R. Scripts, Plans, Goals, and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures / R. Schank, R. Abelson. – Hillsdale, N.J. : Lawrence Erlbaum Associates, 1977. – 248 p.

КОНФУЦИАНСТВО В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье рассматриваются некоторые идеи Конфуция и специфика их понимания членами русского и китайского лингвокультурных сообществ. Анализируются сходства и различия в интерпретации принципов конфуцианства в России и Китае. Приводятся данные эмпирических наблюдений, позволившие выделить причины неадекватного понимания конфуцианства носителями русского языкового сознания.

Ключевые слова: Конфуций, конфуцианство, понимание, лингвокультурное сообщество, языковое сознание.

Irina A. Bubnova, Wang Yong

CONFUCIANISM IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The article deals with the problems of understanding some Confucius' ideas by the members of Russian and Chinese lingvocultural societies. Coincidence and difference of interpretation were being analyzed based on empirical data allowed revealing several reasons of misunderstanding.

Key words: Confucius, Confucianism, understanding/misunderstanding, lingvocultural society, language consciousness.

Интерес к Конфуцию и его учению, которое изначально рассматривалось, прежде всего, как философское и морально-этическое, и лишь затем как религиозное, в Западной Европе возник достаточно давно. Латинский перевод его знаменитой книги «Лунь Юя» («Беседы и суждения») увидел свет еще в 1687 году, и это была одна из первых попыток освоения философии китайских мыслителей Европой. Исторически данный факт связан с Маттео Риччи – итальянским миссионером, установившим постоянные контакты между практически изолированным до того времени Китаем и христианской Европой. Заслуги этого священника-иезуита столь велики, что вплоть до сегодняшнего дня католическая церковь глубоко чтит его как величайшего евангелизатора Китая [Сибирская католическая газета 2011]. Однако в глазах мирового сообщества имя М.Риччи, известно, прежде всего, как имя человека, который ознакомил европейцев с традиционными понятиями конфуцианской этики, побудив тем самым к «диалогу» с Конфуцием видных философов Европы.

Одним из первых с текстами Конфуция познакомился Никола Мальбранш. В результате он приходит к заключению, что китаец видит «мудрость не в божестве, а в «материи», которая способна мыслить» [Мальбранш 1914], а, следовательно, христианство кардинально отличается от конфуцианства в силу рационализма и голого интеллектуализма последнего.

В эпоху Просвещения, во многом благодаря работам Вольтера, Г.Лейбница и его последователя Х.фон Вольфа, отношение к конфуцианству в Европе меняется. Так, Г.Лейбниц, философское и лингвистическое наследие которого для современных гуманитарных наук трудно переоценить, в отличие от Мальбранша, усматривает неразрывную связь между взглядами Конфуция, Платона и христианской философией, и полагает, что конфуцианский принцип «Ли» (буквально: *обряд, ритуал*) совпадает с платоновским «высшим благом» или христианским Богом. Более того, он утверждает, что Европа

и Китай представляют собой две половинки одной мировой культуры, а поэтому они должны дополнять и учиться друг у друга [Hsia 1990]. Эти воззрения разделялись учеником и последователем Г.Лейбница Х.фон Вольфом, призывавшим в своих работах к внимательному изучению учения Конфуция в Западной Европе в силу его общечеловеческой значимости [Wolff 1990].

Однако уже к концу XVIII – началу XIX века интерес к китайской культуре уступил место отрицанию всего того, что было высоко оценено в предыдущий период. Конфуцианство подверглось жесточайшей критике со стороны ведущих деятелей позднего Просвещения – И.Г.Гердера, считавшего, что политическая мораль Конфуция – это оковы, навязанные им толпе и китайскому государственному строю на все времена [Гердер 1977: 298], и Г.В.Ф.Гегеля, который в одной из своих работ едко заметил: «На основании собственных его [Конфуция] сочинений можно сделать следующий вывод, что для славы Конфуция было бы лучше, если бы они никогда не были переведены» [Гегель 1994: 37]. Однако окончательный «приговор» конфуцианству как «этике приспособления к миру», мало способной к изменениям, был вынесен М.Вебером – крупнейшим социальным теоретиком XX века.

Таким образом, в прошлом столетии восприятие Китая и конфуцианства на Западе определялось воззрениями наиболее авторитетных ученых, оценивавших идеи Конфуция достаточно негативно. Как замечает Х. Ретц: «Вердикт Гегеля о «нерефлексивной субстанциональности» ориентальной мудрости, которая не преодолела «ступени единства духа с природой» есть архетип всех позднейших в отношении Китая ярлыков, например, «универсализм» (Де Грот), «мифическое мышление» (Кассирер), «природный фетишизм» (А. Вебер), «принципиально магическое отношение к миру» (Трауцеттель), «а-дихотомическое мышление» (Ломанн)» [Roetz 1992: 20. Цит. по: Середкина 2004: 8]. В свете вышесказанного достаточно закономерно заключение Г.Пауля о том, что выво-

ды и аспекты гегельянской и веберовской критики продолжают действовать и в XXI в [Paul 2001: 144. Там же].

В целом можно заключить, что западная культура не приняла конфуцианство. Идеи Конфуция оказались, говоря словами крупнейшего отечественного китаиста XX века академика В.М.Алексеева, тем «неусваиваемым элементом», который стал едва ли не самым главным пластом европейского непонимания Китая [Алексеев 1982: 331].

В дореволюционной России, в отличие от Западной Европы, конфуцианское учение не было предметом широкого обсуждения. Впервые частично его сочинения были переведены здесь в начале XX века [Попов 1910], а исследования современных отечественных синологов: В.М.Алексеева, А.И.Кобзева, А.В.Ломанова, А.М.Карапетынца и многих других, как правило, до сих пор известны лишь узкому кругу профессионалов.

Однако в настоящее время глобализация и связанные с ней многочисленные проблемы, с одной стороны, а также стремительное развитие Китая, с другой, заставило ученых западного мира вновь обратиться к этой стране. И неудивительно, что именно учение Конфуция, принципы которого продолжают играть значительную роль в жизни китайского народа, оказалось в фокусе внимания специалистов, пытающихся постичь конфуцианские традиции и их значимость как для носителей китайской культуры, так и для западноевропейской цивилизации в целом. В разных странах появляются институты, носящие имя Конфуция (в частности, в России их число достигло тринадцати), уже регулярными стали конференции, проводящиеся под эгидой фонда «Мировой этос», одной из основных целей которых является изучение потенциала конфуцианства и использование его при создании новой глобальной этики – этики, органически объединяющей философско-этические принципы Востока и Запада.

Растет интерес к конфуцианству и со стороны обычных людей, изучающих и обсуждающих идеи Конфуция, пытающихся

вникнуть в их смысл, цитирующих его высказывания в самых различных жизненных обстоятельствах. Но насколько точным является понимание конфуцианства современными носителями русской культуры? Насколько близки его принципы нашим культурным традициям и, соответственно, насколько интерпретация основных мыслей, высказанных Конфуцием, отвечает пониманию этих же идей представителями китайского лингвокультурного сообщества?

Поводом для нашего исследования послужил случай, произошедший во время занятий одного из авторов данной работы с аспирантами, изучающими русский язык в Чжэцзянском университете. Говоря о культурной специфике обеих стран – Китая и России, автор, иллюстрируя какую-то свою мысль, в качестве примера привел очень популярный, судя по частоте цитирования в России, афоризм Конфуция: «Сиди спокойно на берегу реки, и мимо проплывет труп твоего врага» (либо: «Если долго сидеть на берегу реки, то ты обязательно увидишь, как мимо проплывет труп твоего врага»). После небольшой паузы последовало бурное обсуждение, а затем категоричный ответ, что такого высказывания у Конфуция нет, причем в качестве аргумента тут же был представлен текст самой книги с его изречениями. Движимый любопытством, автор стал предъявлять данный афоризм в его русском варианте всем студентам, знающим русский язык, а также своим коллегам, профессионализм которых сомнений не вызывает. Однако ни один из опрошенных не узнал в русской интерпретации слов Конфуция, все были единодушны во мнении, что в книге «Лунь Юй», где собраны все высказывания Конфуция, записанные его учениками после смерти учителя, такого афоризма нет. В конце концов, недоразумение разъяснилось. Как оказалось, на русский язык оригинал следует перевести так: *Учитель сидит на берегу реки и говорит: «Ах, время истекает так, как эта река, течет, не останавливаясь, днем и ночью»*. В данном случае Конфуций размышляет о жизни как неразрывном един-

стве двух сторон: пассивной и активной. Обращаясь к ее пассивному аспекту, он сожалеет, что время летит слишком быстро, и его стремительный бег не позволит человеку увидеть истинный расцвет общества. Активная сторона подразумевает, что, несмотря ни на какие препятствия, человек не должен останавливаться, смысл его жизни – в движении вперед, подобном течению реки. Главная же мысль Конфуция заключается в том, что каждый человек, понимая быстротечность своего существования, должен научиться беречь время.

Столь существенная разница в прочтении идеи Конфуция носителями русского и китайского языков привлекла наше внимание. Поставив перед собой цель выявить не только степень расхождения в понимании основ конфуцианства, но и причины, порождающие типичные ошибки в его интерпретации, мы: 1) изучили материалы дискуссий, представленных на интернет-сайтах, на которых носители русского языка и русской культуры обсуждают идеи Конфуция; 2) провели эксперимент среди китайских студентов, владеющих русским языком, в ходе которого просили их оценить степень соответствия русского перевода наиболее часто употребляемых в России афоризмов Конфуция оригиналу; 3) провели сравнительный анализ текстов переводов афоризмов Конфуция и их оригиналов с использованием специальной литературы [Буквальное толкование...1996, Своеобразное толкование...2005, Избранные произведения...1989].

В результате было выявлено несколько причин, которыми могут объясняться несовпадения в смысловом содержании идей конфуцианства в языковом сознании русских и китайцев.

Прежде всего, на наш взгляд, на понимание конфуцианства (как и на процесс понимания любого сложного явления) в России влияют стереотипы, которые уже в течение нескольких десятилетий активно внедряются в сознание молодых людей через средства массовой коммуникации. Этот очень небольшой набор упрощенных схем для

восприятия любого объекта окружающей действительности определяет концептуальную сложность индивидуальных понятийных систем, снижая, прежде всего, уровень их абстрактности. В результате сегодня мы наблюдаем, что способность значительного числа наших современников переступить за пределы непосредственно воспринимаемого уже достаточно ограничена, и в данном конкретном случае следствием этого является значительное расхождение в понимании главных принципов конфуцианства молодыми людьми Китая и России.

В качестве примера можно привести толкование известного высказывания Конфуция: *Учитель сказал: «В пятнадцать лет я ощутил стремление учиться; в тридцатилетнем возрасте я утвердился; достигнув сорока, освободился от сомнений; в пятьдесят познал веление Неба; в шестьдесят мой слух обрел проникновенность; с семидесяти лет я следую желаниям сердца, не нарушая меры»*. Прежде всего, необходимо отметить, что в России чаще всего цитата ограничивается двумя периодами: 30 и 40 годами. Причем выражение *«в тридцатилетнем возрасте я утвердился»* в подавляющем большинстве случаев интерпретируется как необходимость к данному возрасту реализовать базовые (но не бытийные, по А.Маслоу!) потребности – *«обзавестись семьей и основать дело»*. Однако с точки зрения носителей китайской культуры (в данном случае речь идет именно об образованных представителях китайского народа, в том числе студенческой молодежи), мысль Конфуция значительно глубже. Давая оценку каждого периода своей жизни, Конфуций утверждает, что к тридцати годам необходимо уже твердо определить свой жизненный путь и утвердиться в обществе. Главное, что подчеркивает здесь автор – это важность наличия у человека умений поставить перед собой высокие цели и нести личную ответственность за все, сделанное тобой. А это, в свою очередь, уже связано с осознанием своей ответственности перед обществом, что, в конечном итоге, и определяет самоутверж-

дение настоящего человека, человека с большой буквы. Не менее глубоко понимаются Конфуцием чувства, которые должен испытывать каждый, кто достиг сорокалетнего рубежа, имея в виду, что опыт и переживания всей предшествующей жизни должны научить человека спокойно относиться ко всяческим трудностям, выработать у него умение рассуждать, распознавать истину и ложь, добро и зло, хорошее и плохое, красивое и отвратительное.

Как выявилось в ходе исследования, достаточно часто причина неверного понимания конфуцианского учения и его основополагающих принципов кроется в изначально неточном переводе.

Так, на первый взгляд основная мысль известного в России высказывания: *«Кто не меняет путь отца три года после его смерти, тот может называться почитающим родителей»* совершенно очевидна; всякий, кто хоть немного знаком с китайской культурой, скажет, что в данном случае речь идет о соблюдении важнейшего принципа – почитания родителей, выражающегося в твердом следовании избранному отцом пути. Однако в оригинале Конфуций говорит о том, что почитающим родителей можно назвать только такого сына, который в течение трех лет не просто идет по пути, но, что не менее важно, следует правилам, установленным его отцом [выделено нами – **И.Б., В.Ю.**]. Слово «путь», избранное переводчиком в данном контексте, не вполне точно отражает суть иероглифа «道», включающего в себя понятия и *пути*, и *правила*, что и ведет в конечном итоге к неверной интерпретации всего афоризма.

Не меньший интерес в данном случае представляет и другая мысль Конфуция, которая была передана на русском языке следующим образом.

Янь Юань спросил о том, что такое человечность. Учитель ответил: «Быть человечным – значит победить себя и обратиться к ритуалу. Если однажды победишь себя и обратишься к ритуалу, все в Поднебесной признают, что ты человек.

От самого себя, не от других, зависит обретение человечности». «А не могли бы вы объяснить более подробно?» – продолжал спрашивать Янь Юань. Учитель ответил: «Не смотри на то, что чуждо ритуалу. Не внемли тому, что чуждо ритуалу. Не говори того, что чуждо ритуалу. Не делай ничего, что чуждо ритуалу».

Такой перевод не оставляет сомнений в том, что Китай – это страна, где все поведение подчинено ритуалу. Кстати, именно это мнение о Китае является доминирующим в России. Однако в китайском языке оба иероглифа – «克» и «礼» имеют два значения, первый – *победить* и *сдержать*; второй обозначает не только *ритуал*, но и *правило, истина*. И именно во втором смысле употребляет эти иероглифы Конфуций, отвечая на заданный учеником вопрос и утверждая, что для достижения человечности надо уметь *сдерживать себя и соблюдать истину, предписанную Небесами*. Последнее означает, что поведение человека не должно противоречить правилам, установленным свыше, и только в этом случае человек может быть назван настоящим человеком. Заметим, что до сих пор многие современные жители Китая считают соблюдение правил, установленных Небесами, одним из актуальных методов самосовершенствования, предложенных еще Конфуцием. Таким образом, значительно более близким к оригиналу было бы следующее прочтение: *Чтобы быть человечным, надо суметь победить себя и вести себя так, чтобы твои поступки соответствовали высшим правилам*.

Если в случаях, описанных выше, причиной неверной трактовки является недостаточное знание древнекитайского языка, то следующий тип ошибок в истолковании непосредственно связан с языковой картиной мира русской нации.

Так, смысл афоризма *«Учитель говорил: – Кто постигает новое, лелея старое, тот может быть учителем»* в России чаще всего соотносят с русской пословицей *«Повторенье – мать ученья»*, которая на самом деле лишь в очень незначительной степени

совпадает с мыслью Конфуция. Главное, что находится в фокусе его внимания – это то, каким должен быть настоящий учитель, кто достоин этого звания. Учитель с точки зрения Конфуция – это не просто человек, одновременно хранящий в себе знания предшествующих поколений и знакомый с новыми, только еще начинающими завоевывать популярность идеями. Это, прежде всего, тот, кто видит связь между старым и новым и может использовать старое знание для выработки нового, постоянно совершенствуя свою личность в ходе своих размышлений. Кстати, современные китайские политики рассматривают данный афоризм как прямое руководство к действию, полагая, что невозможно стать успешным деятелем в политической сфере, если ты не умеешь извлекать уроки из прошлого и на их основе делать прогнозы на будущее.

Еще одной причиной непонимания, ведущей часто к неверному истолкованию, является незнание реалий китайской культуры.

Здесь, прежде всего, необходимо помнить о том, что основой философии Конфуция является принцип «золотой середины», эксплицитно отраженный в следующем высказывании: *Учитель сказал: «Золотая (незыблемая) середина – эта добродетель наивысшая из всех, но давно уже редка среди людей».*

Однако этот афоризм можно понять во всей его полноте только в том случае, если известен глубинный смысл, вкладываемый в китайской традиционной культуре в понятие *золотой/незыблемой середины*. Согласно конфуцианству, *золотая середина* – это высшая степень нравственного развития человека, этот такой подход к делу, который в европейской культуре чаще всего интерпретируется как «*в меру, не больше и не меньше*». Такая интерпретация *золотой середины* характерна и для носителей русского языка. Однако, с точки зрения Конфуция, придерживаться принципа *золотой середины* совсем не означает «*держаться, не склоняясь ни к той, ни к другой стороне*». Это невозможно уже в силу того, что все в этом мире,

согласно «И Цзин» («Книге перемен»), находится в вечном изменении. И только своевременное изменение стандартов оценки при помощи метода *золотой середины* позволяет человеку приспособиться к новой ситуации. Таким образом, в высказывании о *золотой середине* отражена значительно более глубокая мысль конфуцианства о мире, согласие в котором достигается только через гармонию Неба и человека.

В целом, как еще раз подтвердило наше исследование, на осмысление основных принципов конфуцианства влияют несколько важных факторов, очевидных для любого специалиста, но, как правило, не осознаваемых среднестатистическим носителем языка и культуры.

Мы имеем в виду, прежде всего, опосредованность процесса понимания Другого собственными культурными ценностями, теми этническими константами, которые лежат в основе национального образа мира и определяют содержание языкового сознания каждой личности. Однако, как нам представляется, в случае с носителями русской культуры, в противоположность культуре Западной Европы, этот фактор не играет решающей роли. По крайней мере, наши эмпирические наблюдения позволяют выдвинуть предположение, что многие идеи конфуцианства не вступают в непримиримое противоречие с глубинными архетипами русского образа мира.

В качестве примера сошлемся на следующее широко известное в России высказывание Конфуция: «*Кто-то спросил: «Что если за зло платить добром?» Учитель ответил: «А чем же за добро платить? Плати за зло по справедливости. А за добро плати добром».* Таким образом, в отличие от даосизма, с точки зрения которого за зло нужно платить добром, Конфуций утверждает, что зло и добро должны четко различаться в сознании человека. Его мысль очевидна: добром можно платить только за добро, а зло должно быть судимо и наказано по справедливости. Данная идея во многом перекликается с рассуждениями о природе добра

и зла русских религиозных философов, в частности, И.Ильина [Ильин 2005], который идет еще дальше и отвечает на вопрос о возможности, необходимости и правомочности применения силы против зла, творимого человеком. Более того, Ильин резко выступает против толстовства и проповедуемого им принципа *непротивления злу насилем*, совпадающего по своей сути с принципами, проповедуемыми учением дао.

Необходимо особо подчеркнуть, что в ряде случаев полученные в ходе исследования данные достаточно убедительно подтверждают, что мысли, высказанные Конфуцием, по своей сути перекликаются со многими фундаментальными принципами, лежащими в основе русского «образа мира», а поэтому они легко и безошибочно воспринимаются русскоговорящими.

На наш взгляд, значительно более существенным фактором, затрудняющими восприятие и понимание конфуцианства русским языковым сознанием является то, что цитируются, интерпретируются и широко обсуждаются чаще всего не классические переводы учения Конфуция, а какие-то отдельные высказывания, которые были услышаны в ходе общения либо прочитаны

в Интернете. Во-первых, они не могут дать целостной картины конфуцианства. Во-вторых, к сожалению, перевод афоризмов, ставших известными в современной России, далеко не всегда является результатом деятельности профессионала. Значительно чаще это «творения» «наивных переводчиков/адапторов» (термин А.В.Кирилиной) (подробнее об этом см.: [Кирилина 2011]), появившихся в огромном количестве в последнее время. Но именно такими переводами, не учитывающими специфику языка и культуры, заполнен сейчас интернет, и именно они во многом определяют понимание Конфуция и всей китайской культуры современными жителями России.

Третьей причиной непонимания, на наш взгляд, становится недостаток знаний и, во многих случаях, неспособность проникнуть в суть высказанной мысли. И то, и другое непосредственно связано с современной системой образования, с одной стороны, и с агрессивным воздействием на сознание средств массовой коммуникации, с другой.

Однако сделанные выводы являются лишь предварительными, а сама тема требует значительно более глубокого и широкомасштабного исследования.

Список литературы

- Алексеев В.М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. – М.: ГРВЛ, 1982. – 535 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Книга первая. – СПб.: Наука, 1994. – 350 с.
- Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / Пер. и прим. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 704 с. – (Памятники исторической мысли).
- Ильин И.А.* О сопротивлении злу силой. – М.: «ДАРЪ», 2005. – 464 с.
- Кирилина А.В.* Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики – 2001. – 1 (13). – С. 30 – 39.
- Мальбранш Н.* Беседа христианского философа с философом китайским о бытии и природе божества // Православный собеседник. Издание императорской казанской духовной академии. Ноябрь. – Казань, 1914. С. 445–518.
- Попов П.С.* Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. Пер. с кит. с комм. – СПб.: Центр «Восточный» электропечати И. Бороганского, 1910.

Середкина Е.В. Рецепция конфуцианского учения на Западе в XVII–XXв.: историко-философский анализ Путь Востока // Культурная, этническая и религиозная идентичность. – Материалы VII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. – Серия “Symposium”. – Выпуск 33. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С.6 – 12.

Сибирская католическая газета. Пресс-служба Римской католической Преображенской епархии в Новосибирске, 10 сентября 2011 г.: Sibcatholic.ru

Ch. Wolff. Rede von der Sittenlehre der Sineser // Deutsche Denker ueber China / Hrsg. A. Hsia. Frankfurt am Mein, 1990. – 452 S.

Hsia A. Nachwort // Deutsche Denker ueber China / Hrsg. A. Hsia. Frankfurt am Mein, 1990. – 452 S. – S. 376.

Paul G. Konfuzius. Meister der Spiritualitaet. – Breisgau, 2001. – 193 S.

Roetz H. Die chinesische Ethik der Achsenzeit: Eine Rekonstruktion unter dem Aspekt des Durchbruchs zu postkonventionellem Denken. – Frankfurt am Mein, 1992. – 480 S.

来可泓著：《论语直解》（Буквальное толкование Лунь Юй）.上海：复旦大学出版社，1996.

南怀瑾著：《论语别裁》（Своеобразное толкование Лунь Юй）.上海：复旦大学出版社，2005.

张岱年主编：《中国古代哲学思想精粹》（Избранное чтение по китайской древней философии）.上海：上海人民出版社，1989.

Е.А. Нежура

УДК 801

ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРОКСОНИМИЯ В ПОЛИКОДОВЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Статья посвящена проблеме интерсемиотической проксонимии в рекламных текстах; данное явление исследуется посредством психолингвистического эксперимента на материале известных рекламных брендов.

Ключевые слова: поликодовые тексты, интерсемиотическая проксонимия, проксимация, эксперимент.

Elena A. Nezhura

INTERSEMIOTIC PROXONYMY IN POLYCODE ADVERTISEMENT TEXTS: EXPERIMENTAL STUDY

The article determines the problem of intersemiotic proxonymy in advertisement texts; this phenomenon is investigated by means of a psycholinguistic experimental study based on the materials of famous brands.

Key words: polycode texts, polysemiotic texts, multisemiotic texts, intersemiotic proxonymy, experiment.

Рекламные тексты представляют большой интерес для науки о языке. Особенно актуальным представляется изучение сложных механизмов взаимодействия семиотически разнородных компонентов в структуре текстов данного типа. По мнению ученых, между разнородными элементами в рекламе существует тесная смысловая связь, которая избавляет реципиента от дополнительных процедур и когнитивных затрат при активации семантически сходных представлений [Сонин 2005]. Поэтому, вероятно, поликодовый текст может иметь преимущество перед монокодовыми произведениями при понимании. Одним из факторов, облегчающих восприятие поликодового текста, является интерсемиотическая проксонимия. С целью верификации выдвинутых предположений нами было проведено экспериментальное исследование. Цель эксперимента - изучить феномен интерсемиотической проксонимии в поликодовых текстах рекламы. Согласно нашей гипотезе, **вербальные единицы и изобразительные элементы в структуре поликодового текстового произведения могут восприниматься как близкие по значению в результате проксонимического сближения. Под проксонимическим сближением понимается субъективное переживание схожести семиотически гетерогенных элементов при влиянии различных факторов внешнего и внутреннего контекста.**

Существуют распространённые и достаточно надежные методики определения близости значений слов, но методологический базис для выявления тождественности значений слова и иконического компонента недостаточно разработан. В исследованиях близости значения семиотических единиц чаще изучаются единицы одного порядка: либо вербальные, либо невербальные. Так, Дж. Брунер проводил два вида экспериментов: в первом демонстрировал реципиентам слова, а во втором картинки, с просьбой разложить их по парам на основе синонимичности слов или сходства изображённых предметов. Затем на основании вербальных

комментариев испытуемых (далее – ии.) для установления тождественности были выделены различные типы опор: перцептивное сходство, функциональное сходство, эмоциональное отношение к объектам, подведение под общую категорию. Но нередко участники эксперимента не могли объяснить причину сделанного выбора: «просто похожи, не знаю почему» [Bruner 1990, цит. по Фрумкина 2001]. Одним из наиболее распространённых методов работы с иконическим компонентом является предъявление испытуемым изображения для получения вербальных ассоциаций разной степени развёрнутости. Либо это простая номинация изображения единым словом/словосочетанием, или же цельные эксфратические тексты.

Существуют специально разработанные комплекты картинок, которые используются в исследованиях по психолингвистике, психологии, культурологии, например [Snodgrass, Vanderwart 1980]. Учёные предлагали ии. одновременно осуществить несколько процедур: 1) дать название объекту на картинке, 2) оценить «знакомость» объекта по 5-балльной шкале, 3) поставить оценку в 1-5 баллов за визуальную сложность рисунка, 4) сравнить демонстрируемый рисунок с «ментальным образом» объекта в собственной памяти по 5-балльной шкале сходства. Результаты эксперимента показали, что идентификация слова происходила быстрее, чем распознавание картинки, изображающей тот же объект. Однако, учёные, исследовавшие ментальные процессы сравнения (А. Пайвио и др.), пришли к иным выводам. Когда реципиентам предлагалось вынести вердикт об истинности фраз вроде «Лошадь больше, чем баран», реакции участников были быстрее при наличии изображений сравниваемых объектов. Любопытно, что присутствие рисунков действовало аналогично в случаях, когда предлагалось сравнить разум животных, а не только их внешние, физические характеристики [Дэни 2001].

Очевидно то, что при попытке описания отношений между знаками гетероген-

ной природы возникает проблема различия в механизмах восприятия и обработки единиц естественного языка и других знаковых систем. Разграничивая семантический, языковой уровень сознания от глубинного концептуального уровня [Болдырев 2002], ученые расходятся во мнениях по поводу того, требуется ли перекодирование информации «в одну модальность» для сравнения вербальных и невербальных элементов [Дэни 2001]. Так, А.Г. Сонин в своих работах делает вывод о том, что при восприятии вербальных элементов происходит сначала активация лексических сетей в сознании, а затем – активация семантических репрезентаций, в то время как при восприятии изображения этапы обработки информации идут в обратной последовательности (от семантических репрезентаций к лексическим) [Сонин 2006]. И.В. Вашунина подчёркивает, что при чтении вербального текста образ создается в сознании человека последовательно, в то время как произведение изобразительного искусства сразу даёт зрителю готовый, целостный образ [Вашунина 2009]. А.А. Залевская говорит о принципе кодовой вариативности используемых индивидом опор, т.е. разнообразии форм репрезентации знаний, подчёркивая, что абстрактное и чувственное всегда связаны, и не имеется однозначного соответствия между осознаваемым и вербализованным [Залевская 2007].

Таким образом, вряд ли эффективным условием для установления близости значений между вербальным и невербальным элементами было бы простое предъявление реципиенту обеих единиц с просьбой оценить их «схожесть». Так же не представляется целесообразным осуществление свободного ассоциативного эксперимента с демонстрацией картинке испытуемому, так как в подобном случае полученные реакции будут, скорее всего, номинациями изображенного объекта или описанием сюжета. Поэтому нами была применена особая методика, основанная на следующем теоретическом допущении. Принято считать, что «современный человек не отражает мир вне

языка... через языковую сетку мы пропускаем абсолютно всё – все знания, которые мы получаем в результате практической деятельности и благодаря образованию... или просто общаясь друг с другом... Язык – это центр всей когнитивной деятельности. В нём находят своё выражение все когнитивные процессы и способности» [Болдырев 2002: 10-11]. Язык может быть охарактеризован как средство переживания опыта индивида в столкновении с миром, то есть фрагменты картины мира отражены и структурированы в нём [Лебедева 2009]. «Результаты преломления действительности упорядочиваются через распределение их по некоторым более или менее чётко сформулированным группам (категориям)... результаты концептуализации (категоризации) закрепляются в памяти через увязку с вербальными средствами, т.е. имеет место лексикализация» [Залевская 2007: 184-185]. Следовательно, как результат взаимодействия человека с поликодовыми рекламными текстами возможно появление новых, «нетипичных» семантических связей между определёнными словами, фиксация которых явилась главной задачей нашего эксперимента.

Мы считаем, что возникающие между семиотически гетерогенными элементами рекламных текстов семантические отношения при достаточной частоте экспликации (если человек регулярно сталкивается с данным или похожими текстами) могут не только фиксироваться в памяти человека в изначальном виде, как визуальный образ или «гештальт» рекламного текста. Очевидно, многократное предъявление реципиенту одних и тех же единиц в схожих контекстах – контекстах рекламных образов – способно вызывать более стойкие ассоциативные связи между такими единицами. Суть механизма ассоциирования в том, что «при повторяющемся совместном предъявлении событий между ними образуется связь» [Лебедева 2009: 67]. Постепенно рекламный образ может встраиваться в образ мира, а создающие его элементы (слова, рисунки и др.) начинают стабильно восприниматься как имеющие

сходство. Знание об этом сходстве, как и практически любое другое знание, способно находить отражение на уровне лексикона. Возможным становится возникновение новых связей между словами, причиной которых является проксонимическое сближение гетерогенных компонентов в креолизованном тексте рекламного послания. Приведём пример: в рекламе напитка Coca-Cola не используется слово «грузовик», но имеет место постоянная эксплуатация соответствующего визуального элемента в рекламных текстах компании (яркий грузовик появляется как в видеороликах, так и на рекламных плакатах и прочих печатных носителях). Мы считаем, что возможно возникновение достаточно стойких ассоциативных связей между названием товарного бренда и постоянно демонстрируемым в рекламе изображением, но фиксирование близости значения вербального и невербального знаков можно осуществить в ходе психолингвистического эксперимента по паре «вербальная единица – номинация невербальной единицы». То есть пара слов «Coca-Cola – грузовик», не являющиеся словарными синонимами, но способные восприниматься как близкие по значению, могут сигнализировать о возможности существования **интерсемиотических проксонимов** – слова и изображения. Термин «интерсемиотические проксонимы» был разработан нами на основе теории проксиматики С.В. Лебедевой, согласно которой сходство понимается как функция расстояния между репрезентациями в психологическом пространстве. Оно зависит не только от свойств сравниваемых объектов, но и от качеств субъекта [Лебедева 2007], и близость значений устанавливается индивидом в ходе многоэтапного процесса сравнения-переживания – акте *проксимации*. Соответственно, *проксонидами* называются единицы, которые человек воспринимает как сходные по значению в ситуации «для меня, здесь и сейчас». Теория проксиматики постулирует множественность оснований для установления общности значения и обусловленность данного процесса единой

информационной базой индивида с опорой на различные формы репрезентации образа мира, которые являются продуктом переработки многостороннего индивидуального и социального опыта человека [Лебедева 2009]. Так как в спектр задач нашего исследования входит установление близости между разнородными знаковыми единицами, для их описания нами предлагается термин «интерсемиотические проксонимы», который подчёркивает семиотическую гетерогенность исследуемого материала. Выбор термина «проксоним» вместо традиционного «синоним» вызван, прежде всего, семиотической спецификой рассматриваемых единиц. Более того, «многообразие постоянно изменяющихся контекстов человеческого действия разрушает и создает синонимию... синоним существует только в словаре, в жизни же идет постоянный процесс проксимации когнитивных элементов опыта» [Лебедева 2009: 62].

Материалом нашего исследования стали тексты рекламы. Нами были выбраны три известных товарных бренда в качестве слов-стимулов: Coca-Cola, Билайн, Oriflame. Экспериментальная выборка составила 100 человек в возрасте от 17 до 25 лет (средний возраст участников исследования – 20 лет), из них 51% женщин и 49% мужчин. Инструкция состояла в следующем: среди 25 слов, напечатанных под каждым из трёх стимулов, ии. должны были подчеркнуть те слова, которые имеют, по их мнению, сходство со стимульной единицей. В случайный набор существительных и прилагательных, вряд ли имеющих отношение к данным рекламным брендам и выполняющих роль дистракторов, нами были умышленно включены номинации часто используемых в рекламах данной марки невербальных компонентов. Например, для бренда Coca-Cola это были вербальные единицы «красный», «лето», «пляж», «Санта-Клаус», «грузовик», «Рождество», «толпа», «бутылка». В рекламных текстах компании Coca-Cola не эксплуатируются данные слова, зато активно применяются соответственные рисунки, фо-

тографии, объекты видеороликов. Заметим, что для некоторых из перечисленных элементов характерно появление не только в рекламных текстах, но и в повседневной жизни. Так, например, знания о внешнем виде бутылки приходят не только из рекламы, но и при контакте с самим продуктом, что тоже фиксируется в базе знаний индивида как его личный опыт. Однако изображение фирменной бутылки в то же время является одним из центральных элементов рекламных текстов Coca-Cola. Среди основных рекламных концепций данного продукта нами были выделены:

- летне-пляжная тематика (Кока-Кола поможет освежиться в жаркий день);
- новогодняя тематика (Санта-Клаус пьёт Кока-Колу, люди получают её в качестве подарка);
- тематика массовости (большое количество людей распивают Кока-Колу, вследствие чего происходит единение и всеобщее счастье, что наблюдается и в «летних», и в «зимних» рекламах) (см. рис. 1).

Подобным образом на основании анализа рекламных текстов других двух брендов были подобраны возможные «стереотипные» слова-реакции на их марочные имена.

Было разработано два типа анкет: в анкетах типа А наряду с заданием и наборами слов для подчёркивания имелся дополнительный стимульный материал – визуальные примеры рекламных текстов исследуемых брендов, способствующие актуализации знаний об образах товаров. В анкетах типа Б таких изображений не было. Подобное варьирование экспериментального материала позволило выявить, насколько крепки связи между исследуемыми единицами, и возможен ли выход их за пределы непосредственного текста.

Результаты эксперимента показали, что подавляющее большинство ии. подчеркнули «ожидаемые» слова как имеющие сходство со стимульным словом. Например, пара слов «Билайн – пчела» была охарактеризована как близкие по значению у 82% испытуемых выборки А и 92% выборки Б. Заметим, что

в текстах рекламы данной компании слово «пчела» отсутствует, зато имеется чёрно-жёлтая цветовая символика в современном варианте логотипа и изображение пчелы – в более старом. Пара вербальных единиц «Билайн – чёрно-жёлтый» была выделена как схожие по значению в 94% анкет типа А и 88% анкет типа Б.

Рис. 1. Основная тематика рекламных текстов Coca-Cola: а) лето и пляж; б) зима и новый год (Рождество); в) массовое потребление напитка. Почти везде присутствует изображение бутылки и красная цветовая символика.

А)

Б)

В ходе описания экспериментальных данных мы опирались на положение о том, что «при ориентировке в тексте в процессах его понимания индивид пользуется разнообразными опорами, которые только условно можно подразделить на опоры поверхностного и глубинного уровней, поскольку первые важны прежде всего как средство «выхода» на вторые» [Залевская 2007: 420]. Следовательно, в процессах идентификации текстовых элементов имеет место множественность опор и их интеграция. Важнейшими характеристиками таких

В)

опор можно считать их функциональность, динамичность, интегративность и кодовую вариативность [там же, 2007].

Интерпретация проведенного исследования показала следующие результаты.

1) Наличие непосредственного контекста в виде поликодового рекламного текста (анкеты типа А), как правило, облегчает установление тождества между исследуемыми элементами и увеличивает общее количество ассоциаций: ии. подчеркивали в среднем большее количество слов в каждом из трёх пунктов, и близость значений интересую-

ющих нас единиц со словом-стимулом фиксировалась чаще. Например, в паре «Coca-Cola – грузовик» близость значений была установлена в 72% анкет типа А, где присутствовал текст с изображением автомобиля, и только в 44% анкет типа Б, где рисунков не было. Таким образом, вероятно, механизм контекста способен обеспечить сближение единиц, синонимичность которых не зафиксирована в справочных пособиях и словарях, так как от характеристик контекста во многом зависит выбор критериев для установления тождества [Лебедева 2008].

2) Стойкость ощущаемой связи между единицами зависит от частоты экспликации данных единиц в одном контексте: чем чаще какой-либо невербальный компонент эксплуатируется в текстах рекламы, тем отчётливее ии. определяют его близость, связь с названием бренда. Например, близость единиц «Coca-Cola» и «Санта-Клаус» была признана в подавляющем большинстве случаев, так как образ рождественского персонажа используется в рекламе напитка в течение многих десятилетий. В то же время, для пары «Oriflame – Максим» сходство было зафиксировано только в 24% анкет первого типа и 26% анкет второго типа. Вероятно, это можно объяснить тем, что певица Максим рекламировала косметику достаточно недолгое время, после чего лицом компании стала другая знаменитость. Однако, наличие случаев восприятия слов «Oriflame» и «Максим» как близких и без опоры на рекламный текст подтверждает возможность выхода семантических отношений между элементами поликодового текста за рамки этого текста и перманентной фиксации соответствующих знаний в памяти человека.

3) В том случае, если невербальный элемент применялся в рекламных текстах данного бренда небольшое количество раз (как в ситуации с певицей Максим) или встречается в рекламах множества других торговых марок, может наблюдаться сильная разница в процентном соотношении «узнаваний» невербального компонента с опорой на непосредственный контекст (выборка А)

и без опоры на него (выборка Б). Так, для пары «Oriflame – фотомодель» разброс в показателях оказался велик: 80% для анкет А и 62% для анкет Б. В анкетах типа Б, где стимульная картинка отсутствовала, ии. были вынуждены самостоятельно «вспоминать» соответствующий рекламный образ.

4) Отдельные рекламные образы можно считать более или менее «успешными» в зависимости от того, насколько эффективно они запоминаются. К примеру, несмотря на обилие рекламных текстов компании Билайн по тематике «Монстры общения» с множеством ярких невербальных элементов (роботы, люди-вампиры и т.п.) пара «Билайн – монстр» была охарактеризована как близкие по значению единицы лишь в некоторых случаях (соответственно 24% и 18% анкет). Возможно, тема монстров и чудовищ не всегда кажется реципиентам приятной и привлекательной. С другой стороны, крайне недолго эксплуатировавшийся в рекламных посланиях данной компании образ царевны Несмеяны оказался более узнаваемым: близость единиц в паре «Билайн – Несмеяна» была установлена в 42% и 36% случаев. Относительно торговой марки Coca-Cola нами был сделан вывод, что «зимние» рекламные образы могут быть охарактеризованы как более запоминающиеся по сравнению с «летними». Следует заметить, что экспериментальное исследование проводилось в весенне-летний период, однако реакции «лето» и «пляж» оказались достаточно непопулярными на стимул «Coca-Cola». Существует вероятность, что данные показатели обусловлены этнокультурными особенностями реципиентов.

5) Помимо опоры на внешний, текстовый контекст, при установлении сходства между сравниваемыми единицами имеет место опора на контекст внутренний, а именно на собственные знания, личный опыт, эмоциональные переживания и оценки. Таким образом, «акт проксимации с учётом его сложной структуры и большого эвристического потенциала служит мощным импульсом, приводящим в действие весь механизм

индивидуальных знаний, стимулирует человека к поиску исходного образа, основания сравнения» [Лебедева 2009: 63]. Принято говорить о принципе «одновременного переживания знания / понимания и отношения к этому знанию / пониманию» [Залевская 2007: 142]. Вероятно, при столкновении с названием товарного бренда человек может вспомнить не только рекламные тексты соответствующего продукта, но и жизненные ситуации, в которых он сталкивался с продуктом или употреблял его. Особенно интересны в данном аспекте полученные нами наряду с «ожидаемыми» ассоциациями единичные, индивидуальные выборы. Их общая доля достаточно невелика, и детальное их изучение не являлось приоритетной задачей нашего исследования. Однако наличие подобных выборов нельзя считать не представляющим интерес для изучения, так как в рамках современной антропоцентрической парадигмы психолингвистики постулируется важность индивидуального, единичного наряду с общераспространённым. В отдельных ситуациях мы просили испытуемых прокомментировать свой выбор. Так, в случае восприятия слов «Coca-Cola» и «бабушка» как сходных, реципиент вспомнил, что его бабушка иногда просит «купить соса-сосу», чем забавляет его. Близость значений в крайне необычной паре «Coca-Cola – курица» была установлена потому, что участник эксперимента регулярно употребляет соответствующие продукты в ресторане быстрого питания. Некоторыми ии. как близкие к слову «Oriflame» были зафиксированы единицы «дом» и «встреча», что, вероятно, отсылает к ситуации ознакомления с рекламными текстами: сначала распространитель при встрече отдаёт клиенту каталог, затем происходит ознакомление с содержанием рекламного проспекта уже в домашних условиях.

Отдельные ассоциации, которые не были выбраны нами изначально как «ожидаемые», получили достаточно большой процент выборов. Это были пары «Билайн – совещание» и «Oriflame – очки». Реакция «очки» стала относительно частотной на

стимул «Oriflame» по той причине, что наряду с косметикой данная компания продаёт и аксессуары, в том числе очки (о чём были получены вербальные комментарии ии.). Связь «Билайн – совещание», возможно, имеет причиной использование в рекламе мобильной связи образа делового человека.

б) Наше исследование показало важную роль таких факторов, как гендер, возраст и сфера занятий испытуемых. В качестве одного из трех исследуемых брендов намеренно был выбран Oriflame – косметическая торговая марка. Обычно именно женщины интересуются продукцией такого рода, они же являются основными потребителями данных товаров. Интересно, что по количеству ассоциаций на стимул «Oriflame» ии. мужского пола можно разделить на две группы. В одних случаях количество выбранных ассоциаций было не меньше, чем у женщин, а порой даже больше. В других ии. мужского пола выбирали в данной графе одно, максимум два слова. Но на основании специфики выбранных мужчинами синонимичных стимулов «Oriflame» единиц нами было сделано предположение, что гендерная ориентация товарного бренда всегда четко осознаётся реципиентами. Так, среди выборов мужской части ии. неоднократно встречается пара «Oriflame – колготки», в то же время женщинами эти слова обычно не выделялись как близкие по значению. Есть основания считать, что при актуализации ассоциативной связи между данными элементами у мужчин идет «преломление» через гендерную идентификацию и связь может быть охарактеризована скорее как «Oriflame – женщина – колготки». Кроме того, некоторые мужчины считают постыдным проявлять интерес к косметическим средствам, поэтому гендерная ориентация такого товара ощущается ими особенно остро. Можно говорить и о влиянии профессионального фактора на восприятие рекламных текстов и установление тождества значений их элементов. Так, большое количество индивидуальных, нетипичных ассоциаций было получено от студентов гуманитарных специальностей (в

т.ч. художественно-графический факультет, филология, психология): «Билайн – уголь», «Oriflame – зритель», «Coca-Cola – золото». Среди выборов трудоустроенных молодых людей чаще встречалось слово «работа».

Детализированные результаты эксперимента представлены в таблице 1. Обычным шрифтом даны достаточно стереотипные ассоциации на слова-стимулы (как минимум 50 процентов выборов хотя бы по одному из двух типов анкет), курсивом – единицы, не набравшие такого количества выборов.

Таблица 1

**Проксонимы к словам-стимулам
Coca-Cola, Билайн, Oriflame.**

Обобщая сказанное выше, мы считаем интереснейшей проксонимию в рекламных креолизованных текстах актуальным направлением для исследования. В дальнейшем планируется значительное увеличение выборки испытуемых с целью более достоверного описания специфики проксонимических сближений в текстах рекламы, а также возможное привлечение других методов исследования (в т.ч. семантического дифференциала) для большей надежности и полноты результатов.

Бренд	«ожидаемые» выборы (тип А / тип Б), %.	индивидуальные выборы (тип А / тип Б), %.
Coca-Cola	Санта-Клаус (88/82), бутылка (94/86), красный (82/90), Рождество (74/62), праздник (82/52), грузовик (72/44), пляж (28/30), толпа (24/26), лето (30/34),	Работа (8/14), лыжи (12/6), курица (4/8), бабушка (6/0), избушка (8/2), вопрос (0/6), зонтик (4/4), зелёный (6/2), золото (0/2), голубцы (4/0)
Билайн	Пчела (82/92), чёрно-жёлтый (94/88), телефон (90/88), Несмеяна (42/36), монстр (24/18)	совещание (12/26), квадрат (8/0), ворота (4/0), осень (6/4), автомобиль(8/0), холод(4/0), синий(0/4), уголь(2/2), горох (6/2), асфальт (4/0), сундук (4/4), рыба (2/2), насморк (4/0), сапог (2/0), грабли (2/0), шкаф (2/0).
Oriflame	Девушка (90/90), улыбка (48/52), молодость (70/66), фотомодель (80/62), яркий (58/50), разноцветный (50/38), Максим (24/26).	очки (30/14), встреча (14/14), задача (6/4), колготки (18/10), дом (4/2), начальник (16/4), книга (8/2), рубашка (4/4), зритель (8/8), неделя (4/4), природа (0/2), непогода (2/0), голубь(4/0), домино(4/0), ужин (4/0), кофе (2/0)

Список литературы

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: ТГУ им. Державина, 2002. Изд. 3-е, стер. – 123 с.

Вашунина И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: автореф. дисс. ... д-ра фил. наук. – Москва, 2009. – 42 с.

Дэни М. Образ и когнитивная деятельность // исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия / В.А. Пищальникова и др. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2001. – 199с. – С. 150-162.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд, испр. и доп. – М.: РГГУ, 2007. – 560 с.

Лебедева С.В. Интегративная модель близости значения слов // Вопросы психолингвистики – 2007. №5. – С. 27-30.

Лебедева С.В. Некоторые замечания о близости значения слов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2008. №3. – С. 43-48.

Лебедева С.В. Содержание и специфика термина «проксиматика» // Вопросы психолингвистики – 2009. № 10. – С. 62-68.

Сонин А.Г. Восприятие поликодовых рекламных текстов: когнитивный аспект // Вестник МЛГУ. № 511. Серия «Лингвистика». – М., 2005. online: <http://psycholing.narod.ru/stati/sonin-st1.htm>.

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дисс. ... д-ра фил. наук. – Москва, 2006. – 44 с.

Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учеб. для студ. вузов. – М.: «Академия», 2001. – 320 с.

Snodgrass, J. G., & Vanderwart, M. (1980). A standardized set of 260 pictures: Norms for name agreement, familiarity and visual complexity. *Journal of Experimental Psychology: Human Learning & Memory*, 6, – P. 174-215.

О.Ю. Черных

УДК 81'367.332.7

СЕМИОТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРА В УЧЕБНИКАХ ДЛЯ 1 КЛАССА

В статье излагаются результаты исследования способов нейтрализации гендера в учебнике Математика для 1 класса. Устанавливается, что нейтрализация происходит путем снижения андроцентричности текстов. Описываются способы снижения андроцентричности при помощи вербального кода и при помощи невербальной составляющей поликодовых текстов заданий. Делается вывод о тенденции к устранению гендерных асимметрий в учебниках для 1 класса.

Ключевые слова: нейтрализация гендера, поликодовый текст, вербальный код, невербальный код.

Olesya Yu. Chernykh

SEMIOTIC MEANS OF GENDER NEUTRALIZATION IN THE TEXTBOOKS FOR THE 1ST FORM

The article presents the results of the study of mathematics textbooks to determine the means of gender neutralization. Analyzed policode texts, identified and systematized means of gender elimination in verbal and non-verbal codes. Concluded: there is a tendency to neutralize gender in the textbooks.

Key words: gender neutralization, policode text, verbal code, non-verbal code.

Впервые о гендерно нейтральном употреблении языка заговорили представители феминистской критики языка [см. работы Лакофф 1973, С.Тремель-Плетц 1978, 1982 и Л.Пуш 1981], которые считали, что гендерный конструкт может быть нейтрализован, что будет способствовать языковому равноправия мужчин и женщин. В задачи ученых входило исследование языка с целью выявить признаки андроцентризма и в дальнейшем сознательно нормировать язык для преодоления сексизма.

Указанные исследования получили широкое развитие на Западе, особенно в Германии и США. Отмечалось, что неравная степень андроцентричности языков и культур [см. подробнее Кирилина 1999] влияет на то, каким путем идет нейтрализация гендера. Так в английском языке отмечается тенденция к замещению лексических единиц, содержащих гендерно значимую информацию¹, на их метагендерные эквиваленты [см. например, Васькова 2005, Сергеева 2007]. В немецком языке нейтрализация в большей степени выражается в параллельном задействовании лексических единиц мужского и женского рода. Сам грамматический строй русского языка, содержащий значительное количество безличных и неопределенно-личных синтаксических конструкций, во многих случаях способствует, как считает А.В. Кирилина [Кирилина 1999], нейтрализации гендерной асимметрии.

Установлено, что гендерные асимметрии могут быть в определенной степени нейтрализованы посредством подавления ряда гендерных стереотипов, исключения из

текстов лексических единиц, отражающих биологические параметры индивида, повышении частотности употребления собирательных имен существительных, помещения мужских и женских личных имен в сходные контексты.

К настоящему времени на материале многих языков разработаны рекомендации по гендерно нейтральному употреблению языка. Некоторые из этих рекомендаций учтены в современных лексикографических трудах, что привело к появлению тенденции к снижению андроцентричности языка словарных статей, более сбалансированной представленности обоих полов, к минимальной стереотипизации мужских и женских образов [см. подробнее Васькова 2006, Сергеева 2007].

Нами исследован учебник «Математика» [1 класс; 1 и 2 часть; под редакцией И.И. Аргинской, Е.П. Бененсон, Л.С. Итиной]. Учебник содержит 541 задание и предназначен для учащихся первых классов, занимающихся по системе развивающего обучения Л.В. Занкова. Учебник изучался с целью выявления способов нейтрализации гендера.

При исследовании текстов заданий было отмечено, что нейтрализация гендера осуществляется различными семиотическими средствами, а именно при помощи вербального кода и невербальной составляющей поликодовых текстов².

При анализе вербального кода заданий были выявлены следующие способы нейтрализации гендера:

1. Использование гендерно нейтральных единиц в качестве субъектов и объектов действий:

---

¹ Под лексическими единицами, содержащими гендерно значимую информацию, мы понимаем:

1. Лексические единицы, в значении которых присутствует сема «пол»;
2. Лексические единицы, которые актуализируют в сознании индивида гендерные стереотипы.

² Под поликодовыми текстами мы понимаем «произведения, объединяющие в себе тексты различной семиотической природы, предназначенные исключительно для зрительного восприятия» [Сонин 2005: 13].

Дети выполнили задание с неравенством $6+2 < 9$ так:

Оля: $6+2=8$

Катя: $7+2=9$

Петя: $6+3=9$

Рома: $6+2=9-1$ Кто из них прав?

Расскажи, чем занимаются древние люди, изображенные на рисунках.

Нитки есть и есть лопата –

Можно шить и можно рыть!

Уважайте труд, ребята!

Приучайтесь труд любить.

2. Использование в качестве подлежащего однородных членов предложения, выраженных существительными мужского и женского рода:

Поспорили Таня и Вова, сколько здесь разных рядов.

Маша и Вася выполняли одинаковые задания. Посмотри, что у них получилось.

3. Параллельное «задействование» субъектов мужского и женского пола:

Расскажи, кого видит мальчик справа (слева)?

Расскажи, кого видит девочка справа (слева)?

У Юры было 4 сливы. Он отдал 2 сливы Саше.

У Ани было 3 шара. Она дала 3 шара Пете.

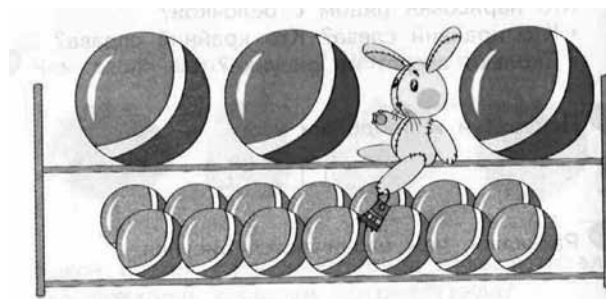
При анализе невербального кода были отмечены следующие способы нейтрализации гендера:

1. Одновременное изображение лиц мужского и женского пола, выполняющих одни и те же действия (совместная деятельность).

Мальчик и девочка чертят отрезки.

2. Изображение на иллюстрациях к заданиям игрушек без ярко выраженной гендерной направленности.

Под игрушками с ярко выраженной «гендерной направленностью» мы подразумеваем те игрушки, которые стереотипно ассоциируются либо с девочками (например, куклы), либо с мальчиками (например, машинки, солдатики, пистолеты и т.д.), отражая стереотипные представления о половом разделении труда.

3. Снижению андроцентризма в поликодовых текстах способствует такой способ, как изображение одинакового количества лиц мужского и женского пола, выполняющих одинаковые действия:

В ходе исследования мы пришли к выводу, что, несмотря на то, что мужское пространство учебника обширнее и значи-

тельнее женского (мужчины выступают в роли субъектов чаще, чем женщины, сферы их деятельности и занятий представлены

более широко), отчетливо прослеживаются попытки авторов минимизировать андроцентричность за счет нейтрализации гендера при помощи различных семиотических средств.

Нейтрализация гендера, главным образом, достигается за счет параллельного использования лиц мужского и женского пола в качестве субъектов действий. Вместе с тем нет оснований говорить о полной нейтрализации гендера, поскольку в учебнике в значительном количестве присутствуют гендерные асимметрии.

Список литературы

Аргинская И.И., Бененсон Е.П., Итина Л.С. Математика: Учебник для 1 класса: В 2 частях. – Самара: Издательство «Учебная литература»: Издательский дом «Федоров», 2008 – 1 часть – 112с.

Аргинская И.И., Бененсон Е.П., Итина Л.С. Математика: Учебник для 1 класса: В 2 частях. – Самара: Издательство «Учебная литература»: Издательский дом «Федоров», 2008 – 2 часть – 128 с.

Васькова О.А. Гендер как предмет лексикографического описания (на материале фразеологии): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19; защищена 17.03.2006 / О.А. Васькова. – М., 2006. – 177 с.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Издательство «Институт социологии РАН», 1999. – 180 с.

Сергеева М.В. Динамика гендерных репрезентаций в британской толковой лексикографии. Дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 182 с.

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. – М., Институт языкознания РАН, 2005. – 220с.

Lakoff, Robin. Language and women's Place // Language in Society, 1973.– N 2.– P. 45-79.

Pusch, Luise. Das Deutsche als Männersprache // Linguistische Berichte, 1981.– 69. –S. 59-74.

Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache // Linguistische Berichte, 1978.- 57.- S. 49-68.

Trömel-Plötz S. Frauensprache: Sprache der Veränderung.- Frankfurt am Main, 1982.- 219 S.

Ю.А. Курилович

81'23

РУССКИЕ И АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ДЕЛОВЫЕ ПИСЬМА ПОБУЖДЕНИЯ В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Деловая электронная коммуникация занимает значительное место в современной социокультурной среде и вырабатывает свой специфический функциональный стиль. В статье сопоставляются русские и англоязычные тексты побудительных писем, а также сравниваются электронный и «традиционный» способы деловой коммуникации.

Ключевые слова: деловая корреспонденция, межкультурное общение, электронная почта.

Yulia A. Kurilovich

RUSSIAN AND ENGLISH BUSINESS ENCOURAGING LETTERS IN ELECTRONIC COMMUNICATION

Business written communication via e-mail has a significant place in contemporary social and cultural environment and takes advantage of its functional style. The article compares Russian and English texts motivating messages, and compare the electronic and "traditional" methods of business communication.

Key words: business correspondence, intercultural communication, e-mail

В настоящее время в связи с расширением общественных международных контактов, интернационализацией экономической активности, унификацией систем делопроизводства, а также с созданием новых видов связи, опосредованных техническими средствами Интернета (таких, как e-mail, icq, Skype и проч.) и все большим развитием электронных документов, значительно возрос объем официально-деловой переписки и возникли качественно новые формы деловой коммуникации. Это выражается в увеличении удельного веса деловой корреспонденции, а также в усложнении коммуникативных и собственно языковых задач, стоящих перед людьми, осуществляющими деловую коммуникацию, – деловыми партнерами-коммуникантами.

Развитие технических средств, широкое использование электронной почты накладывает отпечаток на лингвистическое оформление деловой документации на русском и английском языке. Создается специфический языковой код, понятный только специалистам, обедненный с точки зрения лексического состава, обладающий определенной грамматической спецификой. Это можно объяснить стремлением к экономии языковых средств, вызванным воздействием экстралингвистических факторов – экономией места, стремлением к компрессии, с одной стороны, и к связности текста – с другой.

Многообразие форм делового письменного общения в современном мире, а также использование английского языка в качестве рабочего в коммуникации на международном уровне служат объективными предпосылками для того, чтобы обратиться к лингвистическому изучению корреспонденции делового характера на современном русском и англоязычном материале с целью выявить общее и различное, установить закономерности, присущие разновидностям деловой переписки как типам текста, а также определить тенденции в письменном регулировании процесса взаимосвязей на уровне деловых контактов.

Так как материалом настоящего исследова-

ния является деловая корреспонденция участников коммуникации, осуществляемая в сети Интернет посредством электронной почты, представляется необходимым остановиться на ряде её отличительных черт.

E-mail (сокращение от англ. Electronic mail – электронная почта) представляет собой способ коммуникации, который в концептуальном плане во многом аналогичен традиционной почте. В качестве принципиального отличия выступает скорость доставки электронного сообщения, которая вне зависимости от расстояния составляет обычно несколько секунд.

Вероятно, именно возможность переноса значительного числа представлений, которыми обладают пользователи традиционной почты (наличие отправителя, адресата, почтового ящика, получения и отправки письма и т.д.), способствовала популярности этой формы Интернет-общения. Схема коммуникации по электронной почте немногим отличается от традиционной: с помощью специальной программы отправитель составляет сообщение, указывает адресата, тему письма и отправляет его. На полученные сообщения можно отвечать, пересылать его другим адресатам – участникам общения, распечатывать или удалять. Современные программы избавляют пользователя от необходимости работать самостоятельно: существуют сортировщики писем, автоответчики, фильтры и т.д.

По мнению М. Шингаревой, «отличие электронной почты от других форм Интернет-общения – это низкая скорость реагирования на сообщения. Пользователь получает всю адресованную ему почту чаще всего не по мере поступления, а в отдельные моменты, подключаясь к сети. Несмотря на высокую скорость доставки сообщений, ответная реакция пользователя может последовать спустя часы или дни, что немыслимо для некоторых других видов электронной коммуникации» [Шингарева 2011].

Промежуточное положение электронного письма между эпистолярной культурой прошлого и новыми формами синхронной

коммуникации (такими, как телефонный разговор, icq, разговор по Skype или чат) стало темой целого ряда публикаций зарубежных исследователей [Steinfeld 1990, Leslie 1994, Danet 1997, Townshend 1997 и др.]. Несмотря на разнообразие представленных оценок, большинство авторов едины во мнении, что в случае электронного письма можно говорить об особом типе текстов.

Распространенной точкой зрения является рассмотрение текста электронного письма как принципиально полиморфного образования. Оно включает в себя характеристики устной и письменной речи, а также целый ряд особенностей, не характерных ни для той, ни для другой формы. Стиль электронных писем близок как к стилю телеграмм или коротких сообщений, так и к стилю длинных писем. Отмеченная особенность предмета является весьма обоснованной, поскольку электронная коммуникация предполагает трансформацию отношений между устной и письменной речью. Вопросу соотносительности понятий «письменный» и «устный» в электронной коммуникации посвящен ряд публикаций зарубежных лингвистов [Lane 1997, Thaler 2003, Taylor 2004 и др.].

Представляется, что наблюдаемая в электронной коммуникации трансформация традиционных понятий «письменный» и «устный» является отражением более глубоких процессов, сопровождающих развитие культуры.

Тенденции к сохранению содержания коммуникации соответствует эксплицитное цитирование, которое имеет место в электронных сообщениях. При ответе всё содержание предыдущего общения включается в новое письмо, где каждая строка помечается знаком «>». Это позволяет коммуникантам легко сослаться на уже имевшие место высказывания, экономить время, включая ответы на вопросы отправителя в тело его письма. Наиболее отличительными особенностями электронного письма представляются следующие: отсутствие подробного почтового адреса (адрес электронной почты уже автоматически указан в письме); часто

отсутствие обращения либо фатических формул (приветствия, прощания); использование исключительно строчных букв в целях экономии времени; отход от строгих синтаксических правил. Как справедливо замечает Б. Денет, электронная почта способствовала появлению особых фатических формул, которые не являются типичными для традиционных писем. В английском языке ученый отмечает, например, выражение «talk to you soon» [Danet 1997].

В русском языке к аналогичным выражениям можно отнести достаточно распространенные в общении по электронной почте «доброе время суток» в качестве приветствия или «до связи» в качестве прощания. Первое из этих выражений учитывает асинхронный характер коммуникации посредством электронной почты: пользователь может прочитать сообщение в любое время дня и ночи. Второе выражение учитывает специфику взаимодействия по электронной почте: следующий коммуникативный акт состоится не раньше, чем пользователь вновь установит соединение и получит почту.

Некоторые исследователи, хотя и признают, что возможности электронной почты заметно ускоряют и облегчают деловое общение, относятся к ней с известной долей недоверия. Так, Г.Н. Трофимова пишет: «Электронные письма – явление виртуальное, не имеющее материального воплощения, если только не распечатать их на принтере... Следовательно, потомки уже не смогут насладиться мысленной беседой с авторами писем и почерпнуть из них все то, за что мы так ценим эпистолярное наследие» [Трофимова 2001: 4-9].

Однако в данном утверждении не учитываются возможности технических, программных и иных средств, позволяющих качественно и в полном объеме сохранять большое количество информации, в том числе и деловой корреспонденции, которые по прошествии длительного времени будут доступны в неизменном виде.

Вместе с тем, Г.Н. Трофимова отмечает и положительные стороны использования

электронной почты: «В то же время размываются границы системы этикетных формул, форма письма становится более свободной. Деловая переписка также демократизируется, теряя свою высокопарность» [Трофимова, там же].

Использование электронной почты рассматривается сегодня как наиболее перспективная письменная коммуникация в силу ее оперативности и простоты. Но, несмотря на это, есть такие виды деловой корреспонденции, которые невозможны в рамках электронного формата, например, письма-претензии, письма-гарантии и финансовые письма [Акишина, Формановская 2007]. В таких документах важна юридическая составляющая документа, включающая подпись, печать, дату и др. атрибуты письменной официальной документации. При электронной переписке обеспечивается лишь передача информации, но не юридической силы.

Отметим также, что электронная почта не совсем безопасна: она может быть доступна другим заинтересованным лицам/конкурентам, поэтому ей не доверяют коммерческие тайны.

Комплексный многоаспектный характер предмета исследования обусловил различные подходы к отбору материала, выборке языковых единиц и использованию разнообразных методов анализа. Материалом исследования послужили тексты реального документооборота нескольких компаний, осуществляющих экономическую деятельность в России и за рубежом. Анализируемая часть документооборота на английском языке представляет собой входящую и исходящую корреспонденцию более чем за трехлетний период (2007 – 2010 гг.), содержащую различные документы: финансовые, юридические, товаросопроводительные и коммерческие, тексты рекламного характера. Были проанализированы также тексты английских и русских деловых писем, представленных в практических пособиях и учебниках [Васильева 2005; Деловая переписка ... 2000; Деловая переписка 1996; *Briger, Comfort* 1992].

Предметом нашего исследования вы-

бран текст делового письма-просьбы как одного из самых многофункциональных, широко распространенных и мало изученных видов деловой корреспонденции, фиксирующих разнообразные способы выражения просьбы авторов – деловых коммуникантов.

Письмо-просьба – это наиболее распространенная форма деловой переписки. Количество ситуаций, вызывающих необходимость обращения с просьбой от имени юридического либо физического лица, не поддается учету. Это получение информации, образцов продукции, согласование действий, побуждение к какому-либо действию и пр., поэтому они названы письмами побуждения [Стеблецова 2001]. К ним относятся следующие виды писем: письма-просьбы, письма-запросы, письма-заказы.

Анализ русских и англоязычных образцов электронных писем побуждения демонстрирует их явное отличие от традиционных бумажных аналогов. В первую очередь, речь идет о формальной и презентационной специфике, связанной с электронным каналом связи.

Деловое письмо, отправленное по e-mail, обладает рядом лингвостилистических (лаконичность и неформальность) и коммуникативных особенностей.

Среди коммуникативных особенностей электронного письма отметим скорость передачи и получения информации. Современные технические параметры и возможности делают процесс деловой коммуникации высоко интерактивным, позволяя принимать участие в коммуникации одновременно несколькими сторонами. Существенное расширение круга коммуникантов при общении по e-mail – одно из основных коммуникативных отличий электронного способа коммуникации от традиционной корреспонденции, где обмен письмами ограничен двусторонним контактом. Современная деловая коммуникация, выйдя за рамки диалога, приобрела черты полилога, активно используя техническую возможность общения в режиме адресат – адресат 1, адресат 2 ... адресат n.

Например, письмо, отправленное по

e-mail на несколько адресов, как правило, выглядит так:

From: Steven Franks <franks@indiana.edu>

To: grapp@mail.utexas.edu, editor@esj.ru, kb@arcetype.com

Copy: hanlisan@gmail.com, kurilovich@mail.ru, ds@russtyles.ru

BCC: Julia@graffa.com

Subject: New organization of Slavic linguists

К числу очевидных лингвостилистических особенностей электронного письма А.О. Стеблецова относят лаконичность и неформальность, проявляющиеся на всех языковых уровнях [Стеблецова 2010].

Сравним для примера тексты-образцы электронного (А) и традиционного (Б) писем.

Образцы электронного (А) и традиционного (Б) писем являются примерами письма-запроса (Enquiry Letter). У них сходная композиционно-тематическая структура, но разный объем текста: как правило, электронное письмо короче традиционного аналога. Оба запроса дополняются дискурсивными актами просьбы:

- в (А) – Please kindly answer my e-mail. (Пожалуйста, будь добра ответить на мое письмо.);

- в (Б) – we would very much appreciate if you will send us more detailed description of your production (мы были бы очень признательны, если Вы пришлете нам более подробное описание Вашей продукции).

Специфика электронного письма заключается в том, что стилистическая принадлежность к неформальному регистру проявляется в:

- разговорной форме обращения и комплиментарного окончания: Dear Anna, Hi, Hello ... (Дорогая Анна, Привет ...); Best wishes, Take care, See you soon (Всего доброго, Береги себя, Пока);

- широком использовании лексики разговорного регистра: I hope things are getting well with you (Надеюсь, у тебя все в порядке), thanks for (спасибо), I beg you (прошу тебя – используется фразовый глагол, что характерно для разговорного стиля);

- широком употреблении прямых во-

просов, императивных конструкций: Do you have any news? (Есть ли новости?), Are you free next Friday at 11 am? (Ты свободна в следующую пятницу в 11?) Please let me know. (Пожалуйста, сообщи мне.).

При переписке посредством компьютерных сетей устанавливаются новые формы и новый этикет общения, который принято называть «netiquette» – от английского «network etiquette» (сетевой этикет), что говорит в пользу мнения о дискурсивном и жанровом своеобразии электронных писем. Netiquette – своеобразный свод дискурсивных и языковых норм, включающий в себя следующие элементы:

- использование дескриптивного (описательного) заголовка (нельзя оставлять поле «Тема» пустой);

- проверка правописания (орфографические ошибки зачастую рассматриваются деловыми партнерами как знак неуважения к адресату);

- использование лаконичных предложений и коротких абзацев;

- не допускается промедление с ответом на письмо (в случае если выполнение просьбы или запроса требует времени, то необходимо в ответе указать срок);

- возможен неформальный стиль общения;

- признак хорошего тона – позитивная тональность письма;

- не нужно писать того, чего бы вы не сказали в устной беседе и т.п. [Jerz 2009].

В русскоязычной деловой коммуникации электронное письмо также заняло свою нишу, прочно утвердившись в различных сферах бизнеса. По мнению Стеблецовой, русские коммуниканты – авторы электронных писем – находятся в более сложной ситуации по сравнению с представителями англоязычной культуры: «... у последних есть устойчивые традиции деловой переписки, которые служат базой для формирования норм электронной переписки, тогда как современная российская деловая культура такой прочной основы не имеет в силу особенностей социально-исторического развития»

Таблица 1.

(А) Электронное письмо	(Б) «Традиционное» письмо
<p>Dear Anna, Please kindly answer my e-mail. Do you have any news? We require the goods be 1 July at least. The customer is very much worried about the situation.</p> <p>Perhaps we could meet to discuss this – are you free next Friday at 11 am? Please let me know.</p> <p>Best regards, John Smith Sales manager</p> <p><i>Дорогая Анна, Пожалуйста, будь добра ответить на мое письмо. Есть ли новости? Нам нужен товар не позднее к 1 июля. Покупатель очень обеспокоен ситуацией. Может быть, нам встретиться и обсудить это: ты свободна в следующую пятницу в 11.00? Пожалуйста, сообщи мне.</i></p> <p><i>С уважением, Джон Смит, Менеджер по продажам</i></p>	<p>Dear Sirs, We have known about Rotafarm at exhibition in Milan, and we would very much appreciate if you will send us more detailed description of your production. We would like to know the discounts that you provide.</p> <p>Our company specializes in distributing medicine in Moscow. For your information we may add that our company was established five years ago. If your goods meet our requirements, and we receive a favourable offer, we will be able to represent your production in Russia.</p> <p>We are looking forward to your reply. Yours faithfully,</p> <p><i>Уважаемые господа, Узнав о «Ротафарм» на выставке в Милане, мы были бы очень признательны, если Вы пришлете нам более подробное описание Вашей продукции. Мы также хотели бы узнать о скидках, которые вы предоставляете.</i></p> <p><i>Наша компания специализируется на распространении лекарственных препаратов в Москве. Для Вашей информации мы можем добавить, что наша компания была создана пять лет назад. Если ваши товары отвечают нашим требованиям, и мы получим выгодное предложение, мы сможем представить Вашу продукцию в России.</i></p> <p><i>Мы с нетерпением ждем Вашего ответа. С почтением,...</i></p>

[Стеблецова 2010: 101].

Технические характеристики и возможности почтовых программ Рунета (русскоязычная часть Интернета – .ru) мало чем отличаются от англоязычных ресурсов, поэтому электронная деловая корреспонденция на русском языке также может иметь форму полилога (для решения тех или иных бизнес-задач), что является общей коммуникативной особенностью с англоязычными письмами, например:

*Кому: ivanov@yandex.ru, petrov@mail.ru
Копия: silaev@rambler.ru, savina@srttoyservis.ru*

Скрытая: rapov@list.ru

*Тема: список участников выставки
VALENZA GIOIELLI*

Уважаемые делегаты!

Направляем Вам в приложении список итальянских участников выставки VALENZA GIOIELLI. Сообщите, пожалуйста, с кем из участников выставки Вы бы хотели встретиться в рамках проекта «Бизнес-партнерство: взгляд в будущее». Это необходимо для детального планирования встреч.

С уважением,

Татьяна Николева

*Отдел по развитию торгового обмена
Институт внешней торговли Италии
(И.Ч.Е.)*

Также как и деловая корреспонденция на английском языке, русскоязычные электронные письма имеют неформальный регистр коммуникативной стилистики. Это проявляется в:

- краткости и текстовой лаконичности композиционной структуры. Зачастую текст письма представлен одним или несколькими предложениями; абзацное структурирование письма либо отсутствует, либо проявляется нечетко;

- отсутствию обращения;
- в использовании лексики разговорного стиля неформального регистра;
- отсутствие единых пунктуационных норм оформления.

Современными пользователями Рунета также предпринимается попытка создания электронного этикета *Netiquette*, что, безусловно, важно для русскоязычной электронной коммуникации. Пока же «сетикет» представляет собой заимствования англоязычных рекомендаций и их адаптацию к русской коммуникативной культуре [Севрюкова 2009]. По нашему мнению, это неизбежный и закономерный процесс, так как электронная коммуникация является наиболее доступной и активно развивающейся частью межкультурного общения.

Деловая электронная корреспонденция, как часть мировой электронной бизнес-коммуникации, наиболее открыта процессу взаимодействия и взаимовлияния, тенденциям глобализации и унификации.

Традиционные «бумажные» письма побуждения на русском языке отличаются от электронных аналогов более развернутой композиционной структурой. Как правило, текст письма состоит из нескольких абзацев и не превышает лист формата А4. В традиционных письмах-просьбах на бумажном носителе идентифицирующую и контактоустанавливающую функции выполняет предтекстовый блок, в котором указана фамилия и должность адресата в дательном падеже,

например:

*Директору ООО «Медиа Логос»
Банникову Л.К.*

Заключительная часть письма состоит из блока, к котором слева располагаются фамилия и инициалы автора письма с указанием его должности, а справа роспись и, в случае необходимости, печать. Такое четкое структурирование отсутствует в электронном письме.

Таким образом, электронные письма англоязычной и русскоязычной деловых культур обнаружили сходные коммуникативные и лингвостилистические черты, а именно: интерактивность и полилогичность, лаконичность форм выражения и неформальность стиля, высокую степень авторской свободы, часто выражающуюся в пренебрежении правилами орфографии и пунктуации.

Электронное письмо, безусловно, является неотъемлемой частью письменной деловой коммуникации, делового дискурса и национальной деловой культуры. Его лингвостилистическая и дискурсивная неформальность является уникальной, за исключением тех случаев, когда авторы и электронных, и традиционных писем находятся в дружеских и равнопартнерских отношениях, и между ними короткая коммуникативная дистанция, позволяющая им использовать неформальный регистр общения.

Проведя сопоставление электронных и традиционных деловых писем неформального регистра, А.О. Стеблецова отмечает лингвостилистическую преимуществом электронных писем и их традиционных бумажных аналогов [Стеблецова 2010]. По ее мнению, «электронное письмо является вторичным по отношению к традиционной корреспонденции жанром делового дискурса, отличающимся несомненным своеобразием, но и тесно связанным и много заимствовавшим из традиционной письменной коммуникации» [Стеблецова 2010: 102].

Электронное деловое письмо в целом, и письма-побуждения в частности, являются частью национальной деловой культуры

с присущими ей специфическими чертами. Однако нельзя не отметить большое влияние англоязычной коммуникативной культуры на русскоязычную деловую корреспонденцию. В целом, электронная коммуникация все более активно завоевывает информационное пространство и является своеобразной формой делового дискурса, что требует дальнейшего исследования специалистами в области межкультурной коммуникации.

Список литературы

- Акишина А.А., Формановская Н.И.* Этикет русского письма. – М., 2007. – 208 с.
- Васильева Л.* Деловая переписка на английском языке (Business Correspondence in English). – 4-е изд. – М.: Айрис-Пресс, 2005. – 348 с.
- Деловая переписка на английском и русском языках. 1000 фраз / Сост. С.А. Шевелева, М.В. Скворцова. – М., 2000. – 128.
- Деловая переписка на английском и русском языках. 4000 стандартных фраз и выражений, 100 образцов деловой переписки по тематическим разделам. – М.: Паннонарт, 1996. – 389 с.
- Севрюкова О.В.* Десять способов составить эффективное электронное письмо / О.В. Севрюкова / Электронный ресурс. Режим доступа http://pedsovet.org/component/option,com_tree/task,viewlink/link_id,1433/Itemid,1181, дата доступа – март 2009.
- Стеблецова А.О.* Национально-культурная специфика делового текста: На материале английского и русского языков. Диссертация ... кандидата филологических наук. – Воронеж, 2001. – 212 с.
- Стеблецова А.О.* Электронное письмо в современной деловой культуре // Вестник ВГУ Серия: Филология. Журналистика. 2010, №1. С. 99 – 102
- Трофимова Г.Н.* К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете (норма и узус) (Электронный ресурс), www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_39.htm
- Шингарева М.Ю., Байгутова Г.Н.* Электронная почта как современная форма интернет-общения. // Руснаука, Филологические науки № 7. Язык, речь, речевая коммуникация. – София, 2011.
- Briger N., Comfort J.* Language Reference for Business English. Hemel Hempstead: Prentice Hall, 1992.
- Elliot A.* Universal Letter Writer: What to Say and How to Say It MCML and MCMLII, Clarion. – 256 p.
- Danet B.* Language, Play and Performance in computer-mediate communication [electronic resource] 1997, <http://atar.msc.huji.ac.il/>
- Jerz G. Dennis* Writing Effective E-Mail: Top 10 Tips / G. Jerz / Электронный ресурс. Режим доступа <http://jerz.setonhill.edu/writing/e-text/e-mail>.
- Leslie J.* Mail-Bounding: E-mail is creatind a new oral culture // Wires.- 1994, Н.3. pp. 42-48
- Steinfeld C.* Computer-mediated communication in the organization: Using electronic mail at xerox // Sypher B.D. (ed.): Case studies in organizational communication. – NY.: Guilford press, 1990, – pp. 282-294
- Lane D.R.* Function and Impact of Nonverbal Communication in a Computer-Mediated Communication Context: An Investigation of Defining Issues (electronic resource). 1997 ([www.uky.edu/...](http://www.uky.edu/))
- Taylor S.* Model Business Letters, E-mails and Other Business Documents / S. Taylor / London : Prentice Hall, 2004. – 497 p.
- Townshend K.* E-Mail: Using Electronic Communications in Foreign Language Teaching / K. Townshend/ – London : Centre for Information on Language Teaching and Research (CILT), 1997. – 232 p.

А.А. Романова

УДК 159.9.072.432

СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАССКАЗОВ ПО КАРТИНКАМ У ДЕТЕЙ С АУТИСТИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ ¹

В исследовании проводится нейролингвистический анализ составления рассказов по картинкам детьми с аутистическими расстройствами и детьми с трудностями обучения. Его цель - соотнесение нейропсихологической картины нарушений обеих групп с особенностями смысловой организации речи. Нейропсихологический анализ позволил выделить 3 варианта трудностей обучения и обнаружить многофакторную картину нарушений ВПФ у детей с аутистическими расстройствами. Исходя из этого, мы предположили, что у детей с аутистическими расстройствами будут наблюдаться комплексные нарушения смысловой стороны речи, включающие смысловые искажения и смысловую неполноту, при этом смысловые искажения у них будут выражены грубее. Результаты исследования показали, что у детей с аутистическими расстройствами преобладают смысловые ошибки по типу искажений, на их выраженность наибольшее влияние оказывает необходимость учета социальных и эмоциональных аспектов.

Ключевые слова: нейропсихология, смысл текста, прагматическая организация речи, аутистические расстройства, трудности обучения, дети.

Antonina A. Romanova

SEMANTIC ORGANIZATION OF STORIES MADE UP BY CHILDREN WITH AUTISTIC DISORDERS WITH THE HELP OF PICTURES

A neurolinguistic analysis of stories told with the help of pictures is made in the research. Its purpose is to compare neuropsychological disorders and specificity of semantic organization of speech of children with autistic disorders and learning disabilities. Neuropsychological analysis allowed to show 3 specific variants of learning disabilities and to find out multiple-factor disorders of the higher mental functions in autistic children. Proceeding from it we suggested that complex disorders of the semantic organization of speech including semantic distortions and semantic incompleteness would be observed in autistic children, besides semantic distortions would be expressed more roughly. The results of the research show that in autistic children speech semantic errors as distortions prevail, the necessity to account social and emotional aspects influences their severity.

Key words: neuropsychology, semantic organization of the text, pragmatic organization of speech, autistic disorders, learning disabilities, children

---

¹ Работа выполнена под руководством Т.В. Ахутиной.

Известно, что при аутистических расстройствах наблюдаются разнообразные нарушения речи. Они варьируют от полного или почти полного мутизма до опережающего, в сравнении нормой, развития [Башина, Красноперова 2004: 37; Лебединский 2003: 96; Манелис 1999: 11]. К особенностям их речи, прежде всего, относят недостаточное развитие коммуникативной функции, что может выражаться в трудностях ведения диалога, недостаточном понимании информации, содержащейся как в текстах, так и в жестах, мимике, интонациях говорящего [Аппе 2006: 26; Манелис 1999: 11]. Их собственная речь часто характеризуется особенностями интонационной стороны – вычурностью, затруднениями в контроле громкости, тембра и модуляции голоса, неадекватными контексту интонациями [Башина, Красноперова 2004: 37; Лебединский 2003: 98; Манелис 1999: 12]. В речи детей-аутистов долгое время сохраняются эхоталии, аутоэхоталии, фразы-штампы, неологизмы. Нередко отмечаются нарушения синтаксиса и построения связного текста [Никольская, Фомина, Цыпотан 2006: 23].

По данным литературы, смысловая организация речи детей с аутистическими расстройствами характеризуется трудностями в понимании намерений говорящего, его эмоционального состояния, смыслового подтекста, т.е. у них страдает прагматическая сторона высказывания [Аппе 2006: 27; Frith 1993: 51]. Это вызывает трудности в понимании переносного значения, метафор, идиом, иронии, юмора. Подобные трудности объясняются, по мнению многих авторов, нарушением «Модели психического» (или способности делать «социальные заключения» (to make social inferences) о том, что думают, чувствуют или знают другие) и недостаточной способностью связывать полученную информацию в единое целое (weak central coherence) [Аппе 2006: 79; Сергиенко, Лебедева, Прусакова 2009: 38; Baron-Cohen 2001: 177; Frith 1993: 59; Gepner, Féron 2009: 1230; Jarrold, Butler,

Cottington, Jiminez 2000: 647; McDonald 2000: 83; Ozonoff., Miller: 413]. В нейропсихологических и нейрофизиологических работах обсуждается вопрос о заинтересованности в патологическом процессе подкорковых структур – лимбической системы, миндалевидного комплекса с их влиянием на корковые отделы (лобная и височная доли). Эти структуры включаются в «социальный мозг» - сложную систему связей корковых и подкорковых областей мозга, способствующую узнаванию других людей, пониманию их психических состояний, адекватному переживанию и выражению чувств [Яхно, Полевая, Парин 2010: 275; Gepner, Féron 2009: 1229; Jarrold, Butler, Cottington, Jiminez 2000: 648]. В качестве механизмов когнитивных трудностей и, в частности, недостаточной способности связывать информацию в единое целое особо обсуждают роль дефицита холистической стратегии переработки информации, которая традиционно связывается с работой правополушарных структур [Ахутина, Засыпкина, Романова (в печати); Ахутина 2009: 10; Jarrold, Butler, Cottington, Jiminez 2000: 650; McDonald 2000: 84; Ozonoff., Miller: 411].

Таким образом, сложный симптомокомплекс особенностей понимания и порождения речи при аутистических расстройствах широко обсуждается в литературе. Однако вопрос о специфике нарушения смысловой организации дискурса у детей с аутистическими расстройствами, о его структурно-функциональных механизмах остается открытым.

Настоящее исследование посвящено сопоставительному нейролингвистическому анализу особенностей смысловой организации речи у детей с аутистическими расстройствами (далее – АР) и у детей с трудностями обучения (далее – ТО). Выделение среди детей с ТО групп с преимущественным дефицитом функций лобных отделов или височно-теменных отделов левого полушария или функций правого полушария и сопоставление их речевой

симптоматики с симптомами детей с АР стало методическим приемом вычленения компонентов нарушения речи у детей с АР.

Анализ литературы о нарушениях прагматической стороны речи у детей с АР и ТО позволил выдвинуть ряд гипотез:

1. Нарушения смысловой стороны речи у детей с АР имеют комплексный характер и включают нарушения по типу смысловых искажений, как и у детей с ТО со слабостью правополушарных функций и по типу смысловой неполноты, как и у детей с ТО со слабостью функций левого полушария.

2. Смысловые искажения связаны с трудностями восприятия и построения целостного образа ситуации, учета контекста изображения и вызываются слабостью холистической (правополушарной) стратегии переработки информации.

3. Выраженность смысловых искажений детей с АР усугубляется трудностями понимания социальных отношений, намерений и мотивов других людей, их эмоциональных состояний, что, по данным литературы, может объясняться дисфункцией структур «социального мозга».

4. Нарушения речи по типу смысловой неполноты у детей с АР связаны с трудностями построения внутреннеречевой программы и синтаксической структуры высказывания и трудностями лексического выбора, обусловленными слабостью функций соответственно передних и задних отделов левого полушария.

Испытуемые. В исследовании участвовали младшие школьники 8 - 10 лет, правши (N=131). В экспериментальную группу вошло 33 ребенка с аутистическими расстройствами (АР) с достаточно высоким уровнем развития речи (III уровень, по О.С. Никольской). Группа сравнения включала 98 детей с трудностями обучения (ТО). Средний возраст детей составил 9 лет 1 мес. (от 8 лет 1 мес. до 10 лет 4 мес.), различий по возрастному показателю (ANOVA) между группами не выявлено.

Методики. Исследование включало

два блока проб:

1. Общее нейропсихологическое обследование.

2. Составление рассказов по картинкам – по сериям картинок «Девочка и мальчик», «Пикник», «Птичьи мозги/Bird's brain», картинке «Разбитое окно» [Нейропсихологическая диагностика: в 2 ч. 1994].

Нейропсихологическое обследование: параметры и результаты.

Качественный и количественный анализ данных общего нейропсихологического обследования проводился согласно процедурам, описанным в ряде работ [Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников 2008: 34; Фотекова, Ахутина 2002: 8]. Этот анализ позволил выделить среди детей с ТО три группы испытуемых:

1 группа – дети со слабостью функций программирования и контроля (N=34);

2 группа – дети со слабостью функций переработки слухоречевой информации (N=33);

3 группа – дети со слабостью холистической (правополушарной) стратегии переработки информации (N=31).

У детей с АР нейропсихологическая симптоматика была более комплексной и мозаичной. Она включала дефицит развития правополушарных функций, функций программирования и контроля деятельности, слабость переработки слухоречевой информации (реже и в меньшей степени) и функций «энергетической» и эмоциональной регуляции (функций I блока мозга).

Речь: Параметры оценки.

Для анализа смысловой организации текстов были разработаны следующие параметры:

1. *искажение в толковании ситуации:*
1.1. непонимание интриги; 1.2. искаженное толкование предметной ситуации; 1.3. искаженная оценка социальной ситуации; 1.4. искаженное эмоциональное реагирование на картинку, ошибочное понимание эмоционального состояния и намерений персонажей; 1.5. вплетение нереалистиче-

ских деталей.

2. *неполнота развертывания текста:*

2.1. несамостоятельное развертывание сюжета текста; 2.2. пропуски смысловых звеньев.

Обработка результатов проводилась путем экспертной оценки, в которой участвовали 3 эксперта.

I. Результаты общего нейропсихологического обследования представлены в табл. 1.

Таблица 1. Суммарные значения индексов у всех групп испытуемых

	Дети с аутистич. расстройствами	Дети с трудностями обучения		
		1 группа	2 группа	3 группа
Индекс, отражающий состояние функций III блока мозга	75,9	85,8	50,6	50,3
Индекс, отражающий состояние функций II блока мозга по левополушарному типу	37,2	63,9	98,4	64,5
Индекс, отражающий состояние правополушарных функций	74,9	55,3	44,7	91
Индекс, отражающий состояние функций I блока мозга	76	66,7	57,5	63,7
Суммарная тяжесть	263,9	271,6	251,2	269,4

Чем выше значение, тем более выражены те или иные нарушения. Жирным шрифтом отмечены значимые отличия.

У детей с АР обнаруживается мозаичная картина нарушений. Характерным для них оказалась слабость правополушарных функций, сопоставимая с таковой у детей 3 группы с ТО ($p < 0,14$), а также снижение функций III блока мозга, сравнимое с показателями детей с ТО 1 группы ($p < 0,16$).

Слабость функций I блока мозга присуща всем исследуемым группам, однако у детей с АР подобные трудности оказываются более выраженными (значимые различия были получены в сравнении со 2 группой с ТО: $p < 0,03$).

II. Результаты выполнения речевых проб

Анализ смыслового уровня составления рассказов по серии сюжетных карти-

нок показал, что наиболее сложной для детей всех рассматриваемых групп оказалась проба «Девочка и мальчик». (Содержание серии: 1-2. Мальчик снимает с маленькой девочки шапку бросает на землю; 3. Она манит его, делая вид, что хочет что-то сказать ему на ушко; 4-5. Мальчик наклоняется к ней, а девочка, применив прием борьбы, бросает его на землю). Данная серия предполагает необходимость удерживать и сопоставлять достаточно длинный ряд картинок, опознавать сложное эмоциональное взаимодействие персонажей, на основе которого выстраивается интрига рассказа,

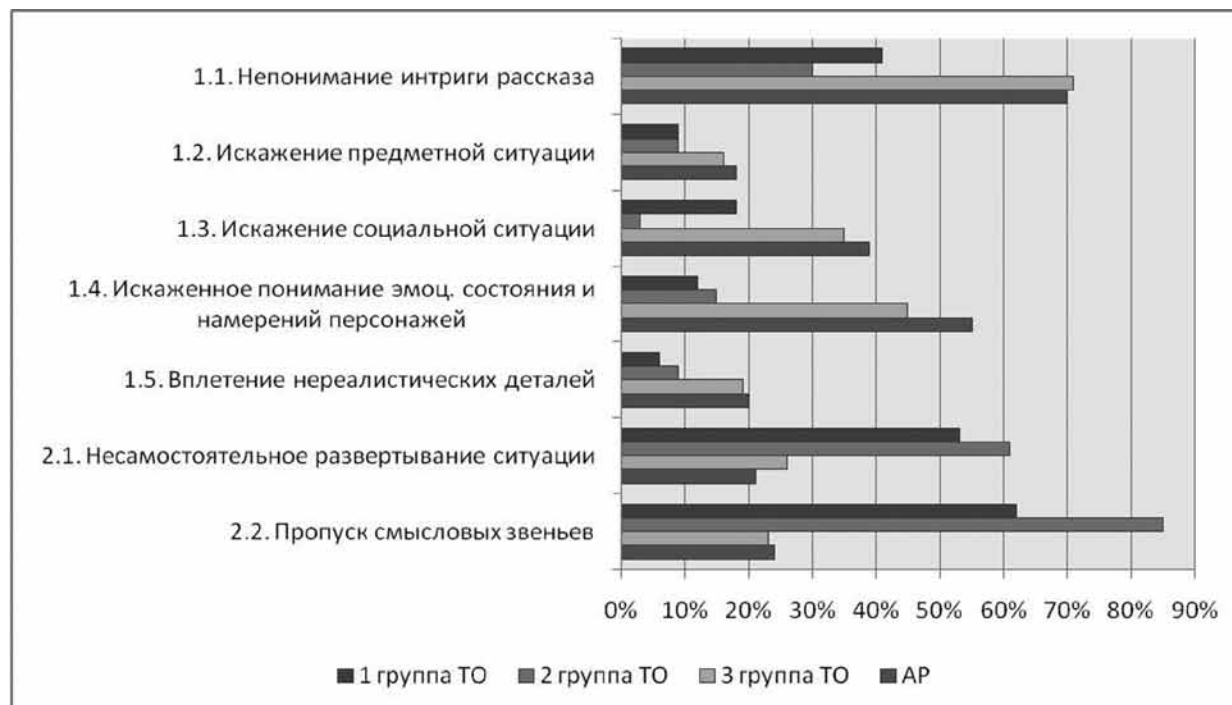
учитывать предметные отношения, которые также оказывают влияние на актуализацию верного сценарного фрейма и понимание целостного сюжета.

Результаты данной пробы позволяют выделить наиболее характерные ошибки в смысловой организации речи для детей с АР и ТО разных подгрупп (Рис. 1).

Рассмотрим сначала ошибки типу **искажения в толковании ситуации**.

Непонимание интриги событий больше присуще детям с АР и группы ТО 3, при этом дополнительные вопросы часто не помогают ребенку правильно понять суть происходящего. Для детей обеих групп в равной мере свойственны трудности в интерпретации **предметной ситуации**,

Рисунок 1. Выраженность смысловых ошибок у детей при составлении рассказа по серии картинок «Девочка и мальчик»

вследствие которых дети актуализировали неверный сценарный фрейм. Сложным для двух групп оказалось и понимание **социальных отношений** и ролей персонажей, большие трудности выявляются у детей с АР, такого рода ошибки они делают чаще, чем дети 1 группы ТО и особенно 2 группы ТО, но эти различия не достигают статистической значимости ($p=0.27$ для 1 группы и $p=0.11$ для 2 группы).

Ошибочное понимание интриги рассказа у детей с АР часто было связано с неверной трактовкой **эмоционального состояния и намерений главных персонажей** в контексте ситуации, несколько реже у детей 3 группы ТО ($p=0.78$). Таких ошибок у этих двух групп было значимо больше, чем у детей 1 и 2 групп с ТО ($p=0.01$). Качественный анализ показывает, что ошибки детей с АР оказываются грубее: часто они обращали внимание на наиболее эмоционально насыщенные элементы серии (например, «девочка ударила мальчика»), вследствие чего актуализировали сценарный фрейм, не соответствующий верной интерпрета-

ции изображенной ситуации. Их сюжеты часто разворачивались вокруг аффективно-заряженных эпизодов, которые в верной трактовке служили либо одним из этапов сюжета, либо результатом определенных действий персонажей, не являясь при этом ключевым моментом. Приведем пример:

Вот тут он ее . . . шапку украл. . . украл ... Кинул .. Кидает. А она его хрясь! И он упал.

Как так получилось, что он упал? – Ну, она разозлилась!

Разозлилась, и?.. – *И перекинула его.*

А что она тут делает? (см. картинку №4) – *Она ему что-то хотела сказать.*

Что она хотела ему сказать, как ты думаешь? – *Сказала, что он мерзкий... Чтоб не брал шапку. И хрясь!..*

Как же маленькой девочке удалось сделать так, чтобы большой мальчик упал? – *Не знаю... Из-за злости.*

В данном примере отчетливо видно, что даже направленные на выяснение интриги дополнительные вопросы не помогают ребенку верно интерпретировать си-

туацию. Ключевой для понимания интриги момент – тот факт, что девочка схитрила, подзывая мальчика к себе, – упускается ребенком; его внимание привлекают более аффективно насыщенные эпизоды («украл», «разозлилась», «он мерзкий»), которые и оказываются для него ведущими в построении рассказа. Трактовка эмоционального состояния героини оказывается упрощенной, но приемлемой в описываемой ситуации. Таким образом, ребенок актуализирует тот сценарный фрейм, который, по-видимому, является для него типичным в ситуации обиды или злости, что приводит к недостаточно реалистичному объяснению того, как *маленькая* девочка смогла перевернуть *большого* мальчика.

У детей 3 группы с ТО аффективно насыщенные эпизоды не выступали в качестве смыслообразующего компонента. В этой группе ошибочные трактовки сюжета были обусловлены одновременно неточностью перцептивных гипотез, трудностями понимания тонких социальных и эмоциональных отношений между персонажами, что нередко приводило к размытости модели ситуации. Приведем пример:

Мальчик взял девочкину шапку, взял и кинул ее. Девочка говорит, чтобы он подошел сюда, нагнулся... Он нагнулся, поскользнулся и упал.

Как же он поскользнулся? – *Тут лужа какая-то была*

А зачем девочка его попросила подойти? – *Что-то сказать хотела, наверное*

Что хотела сказать? – *Чтобы он так больше не делал.*

Как и в предыдущем примере, здесь интрига описываемой ситуации трактуется неверно. Ребенок самостоятельно указывает на ключевой момент (мальчик нагнулся), однако интерпретация последующих действий (упал, потому что лужа была – такая интерпретация отражает перцептивные трудности ребенка), будучи более реалистичной в описываемой ситуации, внутренне не связана с предыдущей цепочкой эмоционального взаимодействия персонажей.

Таким образом, в целом ошибки по типу *искажения в толковании ситуации* (1.1-1.5) были значительно больше представлены у детей с АР и ТО.

Ошибки по типу *неполноты развертывания текста* чаще встречались у детей с ТО 1 и 2 групп. Для них характерно *несамостоятельное развертывание ситуации*. Приведем рассказ ребенка 1 группы:

История здесь произошла. . . . На первой картинке снял шапку с девочки. . . . Бросил ее на асфальт. . . . .

А тут что произошло?(3 картинка – девочка манит мальчика) – *Не знаю*

А здесь? (4 картинка) – *Шепчутся здесь*

А тут? (5 картинка) – *Девочка перекинула мальчика через себя. . . . А! Мальчик снял шапку с девочки. Бросил ее на асфальт. Тут я не знаю. Девочка притворилась, что хочет что-то сказать, но перебросила его.*

Почему она его перебросила? – *Потому что он обидел ее.*

Ребенок, самостоятельно раскладывая картинки в правильном порядке, сначала затрудняется в составлении схемы рассказа. Дополнительные вопросы помогают ему вычленивать ключевые моменты и структурировать текст.

Пропуски смысловых звеньев также значимо чаще встречались в рассказах детей 1 и 2 групп ТО, в отличие от детей 3 группы и детей с АР ($p=0.005$).

Причины, лежащие в основе ошибок по типу неполноты развертывания текста у детей 1 и 2 групп различны. Для детей со слабостью программирования и контроля деятельности типичными оказывались трудности составления внутреннеречевой программы высказывания и грамматического структурирования предложений. Для них было характерно построение коротких предложений и синтагм, инертный повтор союзов и союзных слов. Приведем пример:

Мальчик снял шапку. . . Потом он кинул на пол. . . Потом она взяла, позвала . . . вот так и за спину. Потом он упал.

Почему мальчик упал? – *Что она вот так сделала*

Зачем девочка позвала мальчика? – *Чтобы его за спину взять*

А зачем девочка сделала так, чтобы мальчик упал? – *Что он ее шапку кинул.*

Большое количество пропусков смысловых звеньев у 2 группы было обусловлено, прежде всего, наличием первичных лексических трудностей. Эти дети часто испытывали сложности в подборе слов, заменяли слова близкими по значению. Приведем пример:

Когда девочка пошла . . . гулять . . . , мальчик схватил у нее . . . ша . . . шляпу. Девочка повернулась и . . . схватила . шляпу . . . А потом она . подозвала его к себе и . . . кинула.

Зачем девочка подозвала мальчика к себе? – *Чтобы обхитрить его*

А как ей удалось его обхитрить? – *Ну, . . . она его вот так . . . к себе . . . он спустился . . . И она его кинула*

Зачем девочка кидала мальчика? – *Потому что мальчик кинул ее . шляпу*

Ученик пропускает смысловые звенья («мальчик бросил шапку», «девочка позвала мальчика, чтобы он наклонился», «чтобы обмануть»). Это, судя по длительным паузам перед искомыми словами и наличием лексических замен (шапка – *шляпа*, подняла шапку – *схватила шляпу*, наклонился – *спустился*), обусловлено трудностями выбора слов. Ответы на вопросы позволяют думать, что ребенок актуализировал верный сценарный фрейм и полностью понимает интригу описываемых событий. Таким образом, дополнительные вопросы, подсказывая форму ответа, помогают ребенку построить текст.

Итак, анализ результатов, полученных в ходе выполнения пробы «Девочка и мальчик», позволил определить 2 группы смысловых ошибок, характерные для рассматриваемых групп: ошибки искажения смысла типичны для детей с АР и ТО 3, неполнота раскрытия смысла – для детей 1 и 2 групп.

Перейдем к анализу результатов, по-

лученных по другим картинкам. Включая их в исследование, мы предполагали, что варьирование параметров, оказывающих влияние на понимание и отражение смысла изображенной ситуации, позволит уточнить характер тех трудностей, которые испытывают дети с АР и ТО. Рассмотрим дополнительные пробы.

1. Серия картинок «Пикник». Содержание серии: 1. Двое мужчин развели костер для пикника; 2. Они стали жарить сосиски; 3. Сосиски загорелись; 4. Один мужчина тушил сосиски, другой по телефону заказывал пиццу; 5. Им привезли пиццу.

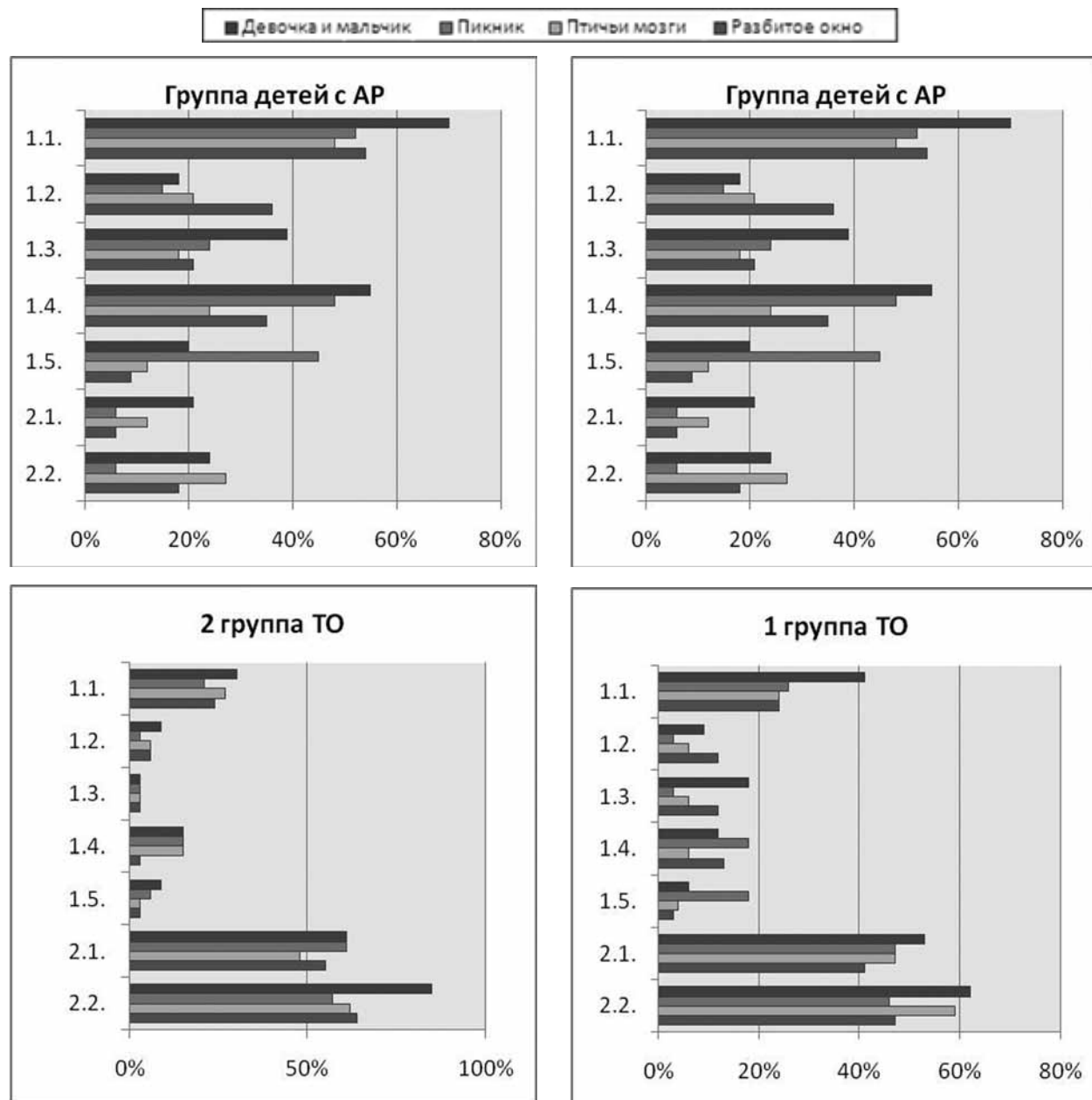
С помощью данной серии была предпринята попытка снижения влияния перцептивных трудностей на понимание интриги рассказа. Называние ключевых деталей (сосисок/еды) в основном не вызывало трудностей, а сложность опознания пиццы была снята с помощью надписи на машине и ее совместного прочтения.

2. Серия картинок «Птичьи мозги (Bird's brain)». Содержание серии: 1. Двое мужчин летели на воздушном шаре; 2. Они увидели, что к шару подлетел дятел, который мог проткнуть шар; 3. Один мужчина взял ружье, прицелился; 4. Выстрелил, но попал в воздушный шар и пробил его; 5. Шар стал сдуваться, и они упали на дерево.

В данной серии минимально требуется понимание социальных отношений между персонажами. Основной трудностью является понимание предметных отношений, намерений персонажей, причинно-следственных зависимостей планируемых и реализуемых ими действий. Отметим, что в рассказе по данной серии использовались слова средней и низкой частотности (воздушный шар, дятел, ружье), что могло вызвать трудности у детей с ТО 2 группы.

3. Составление рассказа по картинке «Разбитое окно». Содержание этой картинки из альбома А.Р. Лурии таково: Мальчик-шалун бросил снежок, но попал в окно и разбил его. Выскочивший из дома мужчина схватил проходившего мальчика, а шалун со снежком спрятался за дерево.

Рисунок 2. Сравнение результатов по четырем пробам у детей с АР и ТО (Обозначения параметров 1.1, 1.2 и след. такие же как на рис. 1)

Из разбитого окна выглядывает женщина.

Здесь детям предлагается составить рассказ по *одной* картинке, что исключает необходимость сопоставления содержания многих картинок, перехода от эпизода к эпизоду и связывания эпизодов в единое целое. Тем не менее, и здесь нужно выстроить последовательность событий и понять взаимодействие персонажей.

Рассмотрим результаты, полученные в ходе выполнения данных проб (см. Рис. 2).

Составление рассказа по серии картинок «Пикник»

Снижение уровня перцептивной сложности в этой серии привело к уменьшению всех видов ошибок по *типу искажения* кроме вплетения нереалистических деталей у детей АР и 1 и 3 групп ТО. В сопоставлении с результатами, полученными в пробе «Девочка и мальчик», ошибок по *типу непонимания* интриги у детей с АР было 52% для пробы «Пикник» и 70% для пробы «Девочка и мальчик» и у детей с ТО 3 группы – 48% и 71% (значимость разли-

чий по тесту Манна-Уитни соответственно $p=0.05$ и $p=0.02$).

Непонимание предметной ситуации в данной пробе встречалось реже у детей всех групп. При этом влияние этого фактора более отчетливо обнаруживается у детей со слабостью правополушарных функций (ТО 3), чем у детей с АР. Тем не менее, у детей с АР и с ТО 3 группы такие ошибки встречались чаще, чем у детей других групп. Во всех рассказах, где присутствовали трудности опознания предметной ситуации, дети актуализировали сценарный фрейм, который оказывался более знакомым ребенку по его собственному опыту: вместо «жарки сосисок /сарделек» дети упоминали «приготовление шашлыка» или «поджаривания хлеба». Приведем пример рассказа ребенка с АР:

Я с моим лучшим другом отправился в путешествие по кавказским лесам. В поход по кавказским лесам. Мы разожгли костер и стали жарить на нем хорошие порции азербайджанского шашлыка. И вдруг шашлык загорелся. Мы стали махать палками и стали дуть. А мой друг позвонил в милицию, чтобы там хорошенько ОБЪЯСНИЛИ.. чтобы там... ПОМОГЛИ нам... разжечь огонь. Милиция приехала и забрала нас на 15 суток. После чего оштрафовала нас на 20 тысяч рублей.

Почему милиция наказала вас? – Потому что нельзя в лесу разводиться костер (подчеркиванием выделены ошибки предметного опознания, заглавными буквами – наличие нереалистических деталей).

Рассмотрим связь непонимания предметной ситуации с другими смысловыми ошибками в этом примере. Несмотря на то, что на последней картинке изображена машина с надписью «Пицца», ребенок игнорирует эту деталь и говорит, что приехала милиция. Далее хотя ребенок знает, что милиция может забрать на 15 суток и оштрафовать за разведения костра в лесу, он своевременно не обращается к этому знанию и предполагает, что милиция может объяснить, как «разжечь огонь» или

помочь сделать это. Подобное нереалистическое толкование связано лишь косвенно с собственно перцептивной ошибкой, оно обусловлено трудностями связывания содержания в единое целое (weak central coherence), или, в других терминах, трудностями актуализации и отторгивания выводов (inferences) из имеющихся знаний, или же выбора и удержания адекватного сценарного фрейма. Социальные знания у ребенка имеются, но он не может ими воспользоваться, что ведет и к неверному пониманию намерений персонажа и к вплетению нереалистических деталей. Отметим, что «передний» индекс, по данным нейропсихологического обследования этого ребенка с АР, свидетельствует о слабости у него функций III блока мозга.

Искажение социальной ситуации и особенно **неверное понимание намерений главных персонажей**, как и в предыдущей пробе, были более характерными для детей с АР и ТО 3 группы, в то время как у детей с ТО 1 и 2 групп таких ошибок было значительно меньше. В данной пробе эти ошибки выражались, прежде всего, в затруднениях при ответе на вопрос, зачем персонаж звонил и кого-то вызывал. Часто дети интерпретировали события как возникновение пожара, поэтому персонажу приписывался мотив вызова пожарных. Приведем примеры (см. также выше).

Пример рассказа ребенка с АР:

Мальчик с этим... А этот зажег костер... И вот они стали жарить сосиски. А потом сосиски у них загорелись. И приехала машина... Наверное, пожарная машина.

Зачем приехала пожарная машина? – Чтобы тушить сосиски.

Пример рассказа ребенка 1 группы с ТО:

Они нашли дрова. Вот так поставили, держали. И там пожар был. И они вызвали пожарных.

Зачем они вызывали пожарных? – Чтобы потушить...

Потушить что? – Со... Ой, нет... пожар

Почему возник пожар? – *Они костер развели*

И в том, и в другом примере выявляется актуализация неверного, но типичного сценарного фрейма (пожара), вследствие чего персонажу приписывается неверный мотив. Однако ребенок с ТО 1 группы самостоятельно корректирует свое неверное объяснение, в то время как ребенок с АР не критично вплетает нереалистическую деталь - пожарных вызывают, чтобы тушить сосиски. По всей видимости, ребенок с АР не может скорректировать ошибку еще и потому, что актуализированный сценарный фрейм (пожар) является для него аффективно заряженным.

Вплетение нереалистических деталей у детей с АР в данной пробе было значительно больше, чем в предыдущей ($p=0.03$), больше было таких ошибок и у детей с ТО 3 группы. Несмотря на уменьшение уровня перцептивной сложности изображения в этой серии, увеличение числа ошибок по типу вплетения нереалистических деталей у детей названных групп показывает, что в основе таких ошибок лежит не столько трудности восприятия, сколько построение целостного непротиворечивого образа ситуации, объединяющего текущее восприятие и знания о мире. Эти трудности связывания содержания (*weak central coherence*) вызываются слабостью холистической (правополушарной) стратегии переработки информации. Подтверждает это толкование тот факт, что у детей со слабостью аналитической (левополушарной) стратегии переработки информации (группа ТО) таких ошибок очень мало (см. рис.2).

Однако увеличение числа вплетений нереалистических деталей обнаружено и у группы ПО 1 – это означает, что слабость функций программирования и контроля тоже может вести к таким ошибкам.

Составление рассказа по серии «Птичьих мозги (Bird's brain)»

С рассказом по данной серии картинок, где было минимизировано влияние со-

циального контекста, дети с АР и группы ТО 3 справлялись лучше, чем с другими пробами, у них было меньше ошибок по **пониманию интриги рассказа** (см. рис. 2). Так в сравнении с пробой «Девочка и мальчик», у детей с АР таких ошибок было значительно меньше ($p=0.05$). Тем не менее, как и в предыдущих пробах, у детей с АР отмечался характерный профиль смысловых ошибок, сходный с таковым у детей 3 группы с ТО.

Рассмотрим типичный для детей с АР рассказ, который поможет выяснить причину непонимания интриги рассказа

Они... это дяди... охотники, то есть, поднялись на парашюте. И там они увидели птицу. Они взяли пистолет и стрельнули в птицу. И обратно спустились.

Почему они спустились? – *Не знаю... Потому что они... они устали.*

А зачем они стреляли в птицу? – *Потому что они охотники.*

Ребенок не заметил дыру в шаре и не понял, что воздушный шар был пробит выстрелом в птицу. Можно думать, что ребенок не понял интригу ситуации вследствие возникновения перцептивной трудности опознания пробитого шара. Но, с другой стороны, возникновение перцептивной трудности можно объяснить недостаточным учетом контекста, перцептивная гипотеза не была уточнена исходя из целостного образа ситуации. Если понимать восприятие как рекурсивный процесс выдвигания и проверки гипотез, то оба предположения верны. У детей с АР страдает восприятие, но оно страдает, прежде всего, тогда, когда требует учета контекста, т.е. построения целостного непротиворечивого образа ситуации, объединяющего текущее восприятие и знания о мире, о чем мы уже говорили выше.

Аналогичные трудности были характерны и для детей с ТО 3 группы. Качественных различий между ошибочными гипотезами, предлагаемыми детьми с АР и 3 группы, не выявляется: и здесь наблюдается взаимодействие перцептивных труд-

ностей и трудностей построения целостного образа ситуации.

Профиль смысловых ошибок у детей 1 и 2 группы с ТО не изменился: они вновь лидируют по количеству ошибок **неполноты развертывания содержания**. Большое количество **пропусков смысловых звеньев** у этих групп, как мы уже отмечали выше, объясняется разными причинами. В этой пробе у детей 2 группы встречалось большее, в сравнении с другими пробами, количество лексических замен, поисков слов, в своей речи они чаще использовали обобщенные слова. У детей 1 группы с ТО показатели лексического оформления, в сравнении с предыдущими пробами, остаются неизменными, что свидетельствует о том, что ошибки по типу пропусков смысловых звеньев и несамостоятельного развертывания ситуации, прежде всего, обусловлены первичными трудностями составления программы высказывания, а трудности лексического оформления являются вторичными.

Составление рассказа по картинке «Разбитое окно»

Несмотря на то, что в данной пробе исключался анализ нескольких картинок, количество ошибок по типу **искажения ситуации** не уменьшилось. Приведем пример рассказа ребенка с АР:

Тут тетенька держит клубок. За дерево спряталась. А папа мальчика отправляет делать уроки. Ругает его.

За что ругает? – *Потому что он не сделал уроки.*

А это кто? – *Бабушка... А бабушка из окна смотрит и ждет его. Чтобы он уроки сделал.*

Почему эта тетенька спряталась за дерево? – *Не знаю.*

В примере отчетливо видны перцептивные трудности («тетенька» вместо «мальчик», «клубок» вместо «снежок», отсутствие указания на разбитое окно). Из-за этого адекватный сценарный фрейм заме-

няется другим, более близким и аффективно окрашенным для ребенка (ругают и отправляют делать уроки). На фоне аффективно заряженной ситуации ребенок не замечает абсурдности его предположения о том, что тетенька с клубком спряталась за дерево, и не объединяет в единое целое две части своего описания – про «тетеньку» и ученика. Такое влияние аффективно заряженной ситуации и отсутствие связи между двумя сценарными фреймами было выявлено только у детей с АР.

При аналогичной трактовке сюжета детьми 3 группы ТО прослеживаются взаимосвязи между спрятавшимся за деревом человеком и другими персонажами, обозначаются мотивы поведения первого. Приведем пример:

Тут мальчика ругают...

За что ругают мальчика? – *За то, . . . что он неправильно . ну, не пошел в школу. . Папа его ругает, а бабушка подглядывает («бабушка» – человек, который спрятался за деревом).*

Почему бабушка подглядывает? – *Ну. . . Ей интересно, как ругают мальчика*

Несмотря на актуализацию неверного сценарного фрейма, здесь делается попытка такого объяснения мотивации действий персонажа, которое можно считать более реалистичным в описываемой ребенком ситуации.

Неточное приписывание определенных социальных ролей («ученика», «учителя» и т.д.) в отдельных случаях встречалось и у детей 1 группы, но в этих случаях детям 1 группы удавалось соединить все содержание в единую целостную картину. Приведем пример:

Я думаю, что учитель выгоняет ученика из школы. . .

За что учитель его выгоняет? – *За то, что он кого-то там обидел и не выполнил задание . . . А за деревом стояла его подружка . . . Которая ждала, когда он придет . . . И хотела в него бросить снежком . . . Она бросила, но не попала . . .*

А куда она попала? – *А попала в окно .*

И?... – И тогда учитель подумал, что это он . . . И сказал, чтобы он вообще не приходил в школу.

Очевидно, что дополнительные вопросы необходимы ребенку: они помогают достроить основную интригу рассказа, что не наблюдалось в предыдущих примерах текстов детей с АР и 3 группы с ТО.

Для детей с АР характерным оказываются *трудности опознания социальной ситуации* и отношений между персонажами, а также *ошибочное толкование намерений персонажей*, что связано, прежде всего, с недостаточным пониманием интриги событий. Аналогичные ошибки в большей степени характерны и для детей 3 группы. Ошибки такого типа у двух групп встречались значимо реже, чем в пробе «Девочка и мальчик» ($p=0.04$ для детей с АР и $p=0.03$ для детей 3 группы). Эти результаты позволяют предположить, что составление рассказа по одной картинке, при всех сложностях зрительного восприятия, представляет меньшую трудность для детей со слабостью холистической стратегии переработки информации, наблюдаемой и у детей с АР, и у детей 3 группы с ТО.

У детей 1 и 2 групп с ТО в большей мере встречались ошибки по типу **пропусков смысловых звеньев и несамостоятельного развертывания ситуации**. В описании результатов пробы «Девочка и мальчик» мы акцентировали внимание на том, что детям 1 группы необходимой оказывалась помощь в составлении программы текста. В данной пробе такая стимулирующая помощь оказывалась в двух случаях, в то время как дети 2 группы в помощи такого рода не нуждались.

Вопрос о том, является ли исключение параметра составления рассказа по серии картинок (вместо составления рассказа по одной картинке) и перехода от описания одного эпизода к другому фасилитирующим для детей со слабостью программирования и контроля, остается открытым. В настоящем исследовании показано наличие тенденции к лучшим результатам состав-

ления рассказа по одной картинке, однако статистически значимых различий обнаружено не было. Этот результат не удивителен, поскольку у больных с динамической афазией трудности развертывания сюжета сокращаются при предъявлении последовательности картинок, которая до некоторой степени задает план рассказа [Ахутина 1975: 49].

Заключение

Проведенное исследование позволило частично подтвердить выдвинутые гипотезы. Было обнаружено, что в нарушениях смысловой стороны речи у детей с АР преобладают ошибки по типу *смысловых искажений*, как и у детей с ТО со слабостью правополушарных функций. Что касается ошибок по типу *смысловой неполноты*, то их преобладание характерно только для детей с ТО со слабостью функций левого полушария. У детей с АР и 3 группы ТО эти ошибки представлены одинаково меньше.

Анализ результатов показал, что смысловые искажения у детей с АР и 3 группы ТО связаны с взаимодействием перцептивных трудностей и трудностей построения целостного образа ситуации, объединяющего текущее восприятие и знания о мире. На их выраженность у детей АР влияют трудности понимания социальных отношений, намерений и мотивов других людей, их эмоциональных состояний, а также эмоциональная «заряженность» ситуации. Такая трактовка совпадает с предложенной в литературе концепцией трудностей связывания содержания (*weak central coherence*) и не противоречит гипотезе о нарушении у детей с АР «Модели психического» [Аппе 2006: 26; Сергиенко, Лебедева, Прусакова 2009: 38; Baron-Cohen 2001: 177; Frith 1993: 59; Gepner, Féron 2009: 1230; Jarrold, Butler, Cottington, Jiminez 2000: 647; McDonald 2000: 83; Ozonoff, Miller: 413].

Данные исследования свидетельствуют, что нарушения речи по типу *смысловой неполноты* могут быть вызваны разными

причинами. У детей 1 и 2 групп ТО они связаны с трудностями построения внутрениречевой программы и синтаксической структуры высказывания и трудностями лексического выбора, обусловленными слабостью функций соответственно передних и задних отделов левого полушария. У детей с АО и ТО 3 к этим причинам присоединяется и трудность анализа и синтеза воспринимаемого.

Структурно-функциональный нейрорпсихологический анализ нарушений смысловой организации речи у детей с АР показывает, что их механизм включает комплекс корковых и подкорковых структур, как у детей с ТО (особенно 3 группы), так и структур «социального мозга», что подтверждается данными литературы и мозаичностью картины нарушений речи и других ВПФ у детей с АР.

Список литературы

- Аппе Ф.* Введение в психологическую теорию аутизма. – М., 2006.
- Ахутина Т.В.* Нейролингвистический анализ динамической афазии. – М., 1975.
- Ахутина Т.В.* Роль правого полушария в построении текста // Психоллингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психоллингвистике и теории коммуникации. – М., 2009.
- Ахутина Т.В., Засыпкина К.В., Романова А.А.* Текст и контекст: роль левого и правого полушарий мозга в построении высказывания // Когнитивные исследования. Вып. 5 (в печати).
- Башина В.М., Красноперова М.Г.* Детский аутизм процессуального генеза: вопросы патогенеза, клиника и дифференциальная диагностика // Психиатрия и психофармакотерапия. 2004. Том 6. №1.
- Лебединский В. В.* Нарушения психического развития у детей. – М., 1985.
- Манелис Н. Г.* Ранний детский аутизм. Психологические и нейрорпсихологические механизмы // Школа здоровья. 1999. № 2.
- Нейрорпсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / Под ред. Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой. Раздел «Нейрорпсихологическая диагностика». – М., 2008.
- Нейрорпсихологическая диагностика: в 2 ч. / Под ред. Е.Д. Хомской. – М., 1994.
- Никольская О.С., Фомина Т.Ю., Цыпотан С.* Ребенок с аутизмом в обычной школе. – М., 2006.
- Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А.* Модель психического в онтогенезе человека. – М., 2009.
- Фотекова Т.А., Ахутина Т.В.* Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейрорпсихологических методов: пособие для логопедов. – М., 2002
- Яхно В.Г., Полевая С.А., Парин С.Б.* Базовая архитектура системы, описывающей нейробиологические механизмы осознания сенсорных сигналов // В кн. Когнитивные исследования / Вып. 4, под ред. Ю.И. Александрова, В. Д. Соловьева. – М., 2009.
- Baron-Cohen S.* Theory of Mind in Normal Development and Autism. // *Prisme*. 2001. №4.
- Frith U.* Autism: explaining the enigma. – Oxford - Cambridge, 1993.

Gepner B., Féron F. Autism: a world changing too fast for a mis-wired brain? // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2009. Vol. 33(8).

Jarrold C., Butler D., Cottington E., Jiminez F. Linking theory of mind and central coherence bias in autism and general population. Developmental Psychology, 36(1), 2000.

McDonald S. Exploring the Cognitive Basis of Right-Hemisphere Pragmatic Language Disorders // Brain and Language, v. 75, 2000.

Ozonoff S., Miller J.N. An exploration of right-hemisphere contribution to the pragmatic impairments in autism // Brain and Language, v. 52 (3), 1996.

Псих

В.В. Пушкарева

УДК 81'23

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА О ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

В статье делается обзор основных подходов к изучению представлений человека о времени и пространстве. Рассматриваются цели и задачи каждого из подходов, дается описание методов достижения поставленных в их рамках целей, а также делается попытка наметить области объединения рассматриваемых подходов для изучения представлений о времени и пространстве.

Ключевые слова: пространство, время, хронотоп, функционально-семантическое поле, темпоральность, локативность, темпоральная лексика, модель времени, модель пространства.

Victoria V. Puskaryova

MAJOR APPROACHES TO THE STUDY OF NOTIONS OF TIME AND SPACE IN MODERN SCIENCE

The article focuses on major approaches to the study of notions of time and space. Aims, tasks and methods of the approaches discussed are reviewed with specific emphasis on the problem of combining two or more of the described approaches, e.g., those of psycholinguistics and functional grammar, to make an in-depth analysis of the two notions.

Key words: time, space, chronotopos, functional-semantic field, temporal lexis, cognitive time model, cognitive space model

Изучение представлений человека о времени и пространстве на данный момент продолжает оставаться весьма актуальным, о чем свидетельствует то большое количество исследований и теоретических построений, которые посвящены этой теме в рамках различных наук с их различными подходами, от психологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики до лексикологии, грамматики и литературоведения. Обилие подходов и исследований, посвященных представлению о времени и пространстве, можно объяснить тем, что явления эти сущностные и базовые в жизни человека.

Один из подходов к изучению времени и пространства как неразрывном единстве, создающем основу и смысл человеческого существования, представлен в литературоведении. Еще в начале прошлого века в философии, науке об интерпретации текстов герменевтике и литературоведении появилось понятие хронотопа. Введено оно было А.А. Ухтомским в контексте его физиологических исследований, и позднее было переведено в гуманитарную сферу. По мысли А.А. Ухтомского гетерохрония, то есть объединение времени и пространства в единую систему координат, - есть условие возможной гармонии: увязка во времени, в скоростях, в ритмах действия, а значит и в сроках выполнения отдельных элементов, образует из пространственно разделенных групп функционально определенный «центр». В литературоведении же в исследованиях М.М. Бахтина понятие хронотопа получило несколько иное осмысление.

Хронотопом М.М. Бахтин называет существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. Для него не столь важен тот специальный смысл, который этот термин имеет в теории относительности, ученый переносит его в литературоведение почти как метафору, делая упор на выраженность в этом понятии неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства). Хронотоп понимается как формально-содержательная ка-

тегория литературы и имеет существенное жанровое значение. М.М. Бахтин утверждает, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время. При этом хронотоп как формально-содержательная категория определяет в значительной мере и образ человека в литературе. Тем не менее, важнейшей чертой хронотопа является то, что он определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. Поэтому в произведении он всегда включает в себя ценностный момент, который может быть выделен из целого художественного хронотопа только в абстрактном анализе. «Искусство и литература пронизаны хронотопическими ценностями разных степеней и объемов. Каждый мотив, каждый выделяемый момент художественного произведения является такой ценностью» [Бахтин, 1975: 391-392]. В этом, пожалуй, центральное значение хронотопа, связанное с осмыслением всего романа, поскольку всякое «явление, которое мы как-то осмысливаем, мы включаем не только в сферу временно-пространственного существования, но и в смысловую сферу» [Бахтин, 1975: 392].

В трудах М.М. Бахтина выявлено множество хронотопов: хронотоп дороги, характерный для жанра рыцарского романа, хронотоп замка, характерный для готического романа, хронотоп гостиной-салона и порога, заложенные традицией Бальзака, и проч. Современное литературоведение, продолжая исследование пространственно-временных параметров произведения, рассматривает реализацию хронотопов на конкретных примерах художественной литературы, углубляя и уточняя это понятие. Так, например, в булгаковедении подробно рассматривается принцип взаимодействия трех пространственно-временных планов, реализованных в романе «Мастер и Маргарита, которые по сути объединяются в единый хронотоп.

Так С.О. Драчева в своем диссертационном исследовании указывает в каче-

стве одного из первостепенных источников «Мастера и Маргариты», под значительным воздействием которого происходило формирование хронотопа романа, работу П.А. Флоренского «Мнимости в геометрии». В ее основе лежит концепция триединства Вселенной, раскрывающаяся в математическом обосновании существования трех уровней Бытия – области земных движений и земных явлений, границы Земли и Неба, области небесных движений и небесных явлений, ? обладающих индивидуальными физическими параметрами. В романе М.А. Булгакова на уровне сюжетно-композиционной организации они находят свое художественное воплощение в виде трех повествовательных планов – реалистического, мистического и библейского. В работе исследователя подробно описывается каждый из пространственно-временных пластов романа и делается вывод о том, что каждый из трех планов репрезентирует свой собственный образ времени. Формирование единого художественного континуума осуществляется за счет моделирования циклического времени посредством пересечения в одной темпоральной данности всех трех повествовательных планов. Проблема их органичного соединения (у каждого плана своё временное расстояние – три дня, сутки и один миг) преодолевается в романе «Мастер и Маргарита» за счет разности в характере их времятечения, выраженного конкретными комплексами темпоральных лексико-фразеологических средств. При этом «эталон» времени в романе «Мастер и Маргарита» принимается размеренный библейский план, относительно которого определяется время двух других: мистическое время его ждёт, а реалистическое стремится нагнать [Драчева, 2007: 15-17].

В современных подходах изучения хронотопов появляется тенденция к рассмотрению конкретных языковых средств, используемых авторами романов для создания пространственно-временного единства произведения, как например, в работах С.А. Жуковой [Жукова, 2009], которая изучала роль презенса в языковом структурировании

пространственно-временного континуума художественного текста, работе С.Н. Лашовой [Лашова, 2010], рассмотревшей языковые средства создания хронотопа в прозе М. Шишкина, работе А.А. Федотовой [Федотова, 2009] о языковых средствах выражения пространственно-временного континуума художественного текста, работах В.А. Андреевой [Андреева, 2008], которая изучала особенности художественного хронотопа в современном литературном нарративе.

Если литературоведение подходит к изучению пространства и времени с точки зрения того, как они представлены в контексте художественного произведения, то лингвистические науки рассматривают их представленность в системе языка в виде лексических, грамматических и лексико-грамматических единиц. Лексико-грамматические единицы можно рассматривать как минимум с двух точек зрения: системной и процессуальной. Процессуальные речевые аспекты функционирования языковых единиц (например, процесс выбора говорящим одного из возможных грамматических средств в ходе формирования будущего высказывания) относятся к области психолингвистики. Лингвистические науки фактически изучают и описывают не актуальное протекание этих процессов, а те обобщенные системно-языковые правила и закономерности, которые лежат в их основе и относятся к языковой системе.

Рассмотрим подход к изучению представления о времени и пространстве как системы языковых единиц и принципов их работы с точки зрения грамматических наук. Так, функциональная грамматика трактуется как грамматика, направленная на описание закономерностей и правил функционирования грамматических единиц, участвующих в передаче содержания высказывания, с одной стороны, и с другой стороны, включающая описание функций языковых средств [Бондарко, 1984: 3] Специфика данного направления исследования языковых единиц проявляется прежде всего в реализации принципа «от функции к средствам», который в грам-

матике этого типа может быть основным. Однако и при общем для всех типов грамматик направлении описания от средств к функциям (от формы к значению) у функциональной грамматики есть свой предмет – функционирование грамматических единиц (форм и конструкций) и взаимодействующих с ними языковых средств в высказывании. Основным принципом построения функциональной грамматики является описание системы функционально-семантических полей, таких как аспектуальность, темпоральность, персональность и др [Бондарко, 1984: 3-5].

Важно отметить, что грамматический строй, изучаемый функциональной грамматикой, представлен разными типами системно-структурной организации категориальных явлений – не только системами в рамках отдельных языковых уровней, но и межуровневыми, разноуровневыми языковыми системами, основанными на объединении и взаимодействии морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексико-грамматических и лексических элементов. Иными словами, подобная система представляет собой двустороннее содержательно-формальное единство, формируемое грамматическими единицами, классами и категориями вместе с взаимодействующими с ними на семантической основе средствами разного языкового уровня. В функциональной грамматике такая система получила название функционально-семантического поля (ФСП) [Бондарко, 1984: 4].

ФСП будучи объектом исследования в рамках функциональной грамматики, изучается с разнопланово: с точки зрения группировки полей, их пересечения и взаимосвязи, с точки зрения существующих типов (моноцентрические, полицентрические, слабоцентрированные), рассматриваются соотношения конкретно-языкового и универсально-понятийного аспектов поля (функционально-семантическое и понятийное поле), изучаются сопоставительные и диахронические аспекты теории поля, а также ФСП в проекции на языковую систему и

на высказывание.

С позиций такого подхода время изучается как функционально-семантическое поле: рассматривается семантический аспект представления о времени и проводится анализ грамматических способов его реализации в языке. Так, изучается ФСП темпоральности, одновременности действий, категории предшествования, таксиса, координации, каузальности и многие другие. Предметом исследования служат, как правило, грамматические средства выражения данных семантических компонентов конкретного языка. Также существует ряд работ, целью которых является сопоставление таких средств, существующих как в близких, так и в отличных по своему грамматическому строю языках.

Например, Е.Н. Торопова изучала ФПС темпоральности во французском языке. Под темпоральностью автор понимает функционально-семантическое поле, в основе которого лежит грамматическая категория времени, а также лексико-грамматические и грамматико-контекстуальные средства французского языка, используемые для выражения ее контекстуальных вариантов. В результате проведенного анализа автор делает вывод о том, что во французском языке поле темпоральности моноцентрично, при этом, ядро функционально-семантического поля темпоральности представлено грамматической категорией времени. Ядерная категория времени характеризуется большим количеством парадигм временных глагольных форм. «Эта многочисленность французской временной системы делает очевидным тот факт, что категория времени является главенствующей категорией глагола во французском языке. Каждая из временных глагольных форм несет в своем значении и формальном выражении отношение к единой исходной точке – грамматической точке отсчета, представленной моментом речи или другим моментом, относительно которого располагается действие» [Торопова, 2006: 169]. Автор исследует и выделяет оппозиции, которые составляют категорию темпоральности, то есть

ядро данного ФСП, а также те языковые единицы, которые образуют его периферию (в частности, лексические единицы, выражающие одновременность, предшествование и следование, временные союзы и предлоги, глагольные перифразы, а также некоторые синтаксические конструкции).

В рамках функциональной грамматики изучаются также отношения между функционально-семантическими полями, которые возникают как в системе языка, так и контекстуально в речи. Существуют исследования семантического конфликта видо-временных значений в сложноподчиненных предложениях (Д.В. Эрдынеева) [Эрдынеева, 2004], выражение хронологических отношений между действиями в сложноподчиненном предложении с придаточным времени (Р. Гусман) [Гусман, 1993], а также темпоральная реперзентация английского дискурса (М.А. Салькова) [Салькова, 1999], таксисные отношения в сложноподчиненном предложении с придаточными времени в современном французском языке (Н.В. Савельева) [Савельева, 1990], категория темпоральности в неродственных языках (М.Н. Закамулина) [Закамулина, 2001] и многие другие.

Существует и другой грамматический подход, который фокусируется скорее на внутренней структуре процессов, протекающих во времени и пространстве – аспектология, которая может быть определена как отрасль науки о грамматическом строе и грамматической семантике языка, изучающая категорию глагольного вида, или «аспекта» в международной терминологии. Область интересов современной аспектологии, по Ю.С. Маслову [Маслов, 1984: 5], можно трактовать еще шире – как всю сферу «аспектуальности» – обширную область языка, включающую помимо вида многие другие языковые явления, сходные или смежные с видом в содержательном и формально-семантическом отношении. В рамках аспектологии глагольный вид трактуется как «грамматическая категория, указывающая на то, как протекает во времени или как распределяется во времени

обозначенное глаголом действие» [Маслов, 1984: 5]. Таким образом, вид связан с понятием времени, но в отличие от категории глагольного времени, он имеет дело не с дейктической темпоральной локализацией обозначаемого действия, а с его внутренней темпоральной структурой как она понимается говорящим [Маслов, 1984: 7]. Иными словами, виды – это способы рассмотрения внутреннего темпорального строения происходящего. Поэтому важно отметить, что аспектология трактует вид как субъективно-объективную категорию, интерпретационную, устанавливающую тот угол зрения, под которым будет рассматриваться в формах языка объективная внеязыковая действительность.

В аспектологическом описании вид отделяют не только от глагольного времени, но и от так называемой функционально-семантической категории таксиса. В рамках высказывания речь чаще всего идет не об одном отдельно взятом действии или состоянии, а о нескольких или многих, связанных между собой определенным способом, то есть хронологическими, причинно-следственными отношениями, проч. В речи аспектуальные темпоральные и таксисные значения тесно связаны друг с другом и в высказывании образуют единое целое. Тем не менее, в комплексном семантическом целом высказывания можно выделить данные компоненты, и аспектом будет являться завершенность – незавершенность действий, темпоральностью – их настоящая, прошедшая или будущая отнесенность с точки зрения момента высказывания, а таксисом – упорядоченность действий относительно друг друга, связанных логически или хронологически [Маслов, 1984: 7-8].

В рамках аспектуальности выделяется вид как чисто грамматическая категория, а также некоторые смешанные, лексико-грамматические явления, так называемые явления «скрытой» грамматики, которые подразделяются на аспектологические классы, как, например, глаголы действия и не-действия, категория предельности/не-

предельности и другие. Аспектуальность изучают в системе одного языка: вид, его функциональная полнота и морфологическая регулярность, возникновение категории совершенного\несовершенного вида в славянских языках, специфику их видо-временной системы, а также сопоставляют в системах нескольких языков: разрабатываются проблемы неславянской и сопоставительной аспектологии.

Так, например, в работе М.Ю. Никитиной и С.А. Моисеевой рассматриваются акциональные глаголы движения как основное средство передачи пространственных отношений во французском языке. Ученые, следуя аспектологической традиции изучения внутренней структуры глаголов, рассматривают категорию движения и основной способ ее выражения во французском языке – акциональные глаголы, их динамический подтип. В работе был проведен анализ семантики, закономерностей употребления и синтаксических парадигм данной глагольной группы, в результате которого авторы выявили, что семантические категории «направленность / ненаправленность движения», «способ движения», «зависимость / независимость движения» отражают определенные аспекты реальных ситуаций перемещения и выступают в качестве основных признаков в структуре лексико-семантической группы исследуемых глаголов. Кроме общих параметров движения выделяются также дополнительные характеристики, в которые включаются частные семантические компоненты.

В рамках аспектологии также делаются попытки систематизации видо-временных глагольных групп на обширном материале редких языков. Так, М.А. Овсянникова, рассмотрев принципы взаимодействия аспектуальности глаголов и семантики некоторых видо-временных показателей, выявила акциональные классы калмыцкого языка. К примеру, были выявлены сильные и слабые предельные, неопредельные, стативные, мультиприкативные, двупредельные и другие классы акциональных глаголов.

К проблематике аспектологии относят-

ся также исследования по таким темам, как временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями в исследовании Н.А. Козинцевой [Козинцева, 1991], семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе, точка отсчета в семантике времени и вида в исследовании Е.В. Падучевой [Падучева, 1998], динамический аспект сложных предложений с придаточным времени в современном французском языке в исследовании Н.М. Шкурат [Шкурат, 1984] и другие.

Что касается изучения лексических единиц, выражающих пространственно-временные явления, то было предпринято множество попыток как частного, так и комплексного их изучения. Важно отметить, что изучение темпоральной лексики не может проводиться изолированно от изучения грамматической категории времени, так как лексические и грамматические средства при выражении понятия времени взаимодействуют. Так, выделение функционально-семантической категории темпоральности, которая представляет собой систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций, является следствием взаимодействия лексических и грамматических средств. При этом необходимо учитывать, что темпоральная лексика выражает во многих языках ряд дополнительных, помимо локализации действия во времени, характеристик, таких как кратковременность – протяженность во времени, прерывность – непрерывность, временные пределы действия и др.

Рассмотрим некоторые современные подходы к изучению темпоральной лексики. Весьма разработанным является этимологическое направление изучения темпоральной лексики на материале различных языков. В этой сфере исследуются отдельные слова в истории одного языка. Такие исследования рассматривают историю отдельных темпоральных слов на фоне нескольких языков, а также темпоральную лексику отдельного

исторического среза языка. Следует отметить, что с ростом числа отдельных исследований по отдельным словам и языкам появилась тенденция к проведению работ более общего характера, ставящих целью установление объективных закономерностей, действующих в одном языке и группе языков. Так, накопленный материал по этимологии отдельных слов славянских языков дал возможность реконструировать первичное состояние праславянской системы временных обозначений: была выделена микросистема обозначений времени с четырьмя семантическими подгруппами: 1) времен года, 2) частей суток, 3) неопределенных отрезков времени, 4) разных по продолжительности промежутков времени [Потаенко, 1979: 243-244].

Еще один подход к изучению темпоральной лексики основан на представлении лексики как системы [Потаенко, 1979: 245-246]. В работах этого направления принимается положение о системности понятий, которые выработаны человечеством и которые представлены в различных областях знания. Была осуществлена попытка представления универсальной системы общечеловеческих понятий. Поскольку система понятий выражается определенной лексикой, то предполагается, что лексика, выражающая этот понятийный континуум, тоже представляет собой систему. Будучи классифицированными по понятийной отнесенности, слова языка организуются также по их функциональной роли в речи (в лексико-грамматические классы). При таком подходе лексика описывается поэтапно: во-первых, производится выборка лексических единиц, связанных с выражением понятия времени, во-вторых, проводится анализ содержательной стороны выявленных единиц и определяются их функциональные характеристики; в-третьих, выявляются действующие в этой группе лексики принципы ее организации. [Потаенко, 1979: 246].

Следуя такому подходу Н.А. Потаенко в монографии «Языковая темпоральность: содержательные аспекты» приводит подробное описание темпоральной лексики

французского и русского языков и предлагает следующую ее классификацию: группа субстантиваторов (где время выступает как объект и всеобъемлющая среда, поддающаяся измерению), группа корреляторов (лексика, передающая реляционные характеристики времени, значение которой включает место, занимающее действие во временном континууме), группа параметризаторов (в семантике которых время представлено как свойство процессов, заключающееся в их временной протяженности) и группа имплицаторов (представляющая собой различные способы интегрирования пространства и времени, времени и движения, времени и порядка и т.д.) [Потаенко, 2007: 122-123].

Подход когнитивной лингвистики к изучению темпоральной лексики представляет собой построение моделей, описывающих человеческие представления о данном явлении. Так, Н.Д. Арутюнова в работе «Логический анализ языка» рассматривает исторические модели времени и указывает на перелом, произошедший в сознании человечества в связи с появлением христианства, который привел к кардинальным изменениям в представлении человека о времени. «Христианство сделало человека свободным в выборе пути. Путь изменил направление. Человек теперь идет в невидимое будущее и обращен спиной к прошлому. Ветер времени ему дует в лицо. В модель жизни вошло целенаправление, которое может быть локализовано только в будущем. Модель Пути Нового человека изменил понятие следования. Когда говорят о следующем дне, ассоциируют понятие следования не столько с тем, что ему предшествовало, сколько с проекцией в будущее» [Арутюнова, 1999: 693].

Что касается представлений человека о пространстве, то в рамках когнитивных исследований было определено влияние христианства и на них. Е.Г. Кошкина, изучавшая структуру образа пространства методом бинарных оппозиций, выявила наличие вертикальной и горизонтальной оси, каждая из которых в зависимости от удаленности от субъекта делится на три части. В

работе утверждается, что для языческого восприятия характерно особое отношение к «своему», близкому пространству и «чужому», далекому. В дохристианском сознании далекое пространство соотносилось с небытием, с не-пространством, и только «свое» пространство имело право на существование. Христианское сознание было не столь категоричным: далекое, лежащее за границей своего, было «своим», но для других (свое/не-свое). Оно не приравнивалось к небытию, и ему не была свойственна та степень иррациональности, которую сознание человека приписывало далекому пространству в дохристианскую эпоху, в этой связи логичным кажется пример обретения границей нового правового статуса – пограничной черты, линии, которая делила государства, но не разделяла свое упорядоченное пространство и чужое хаотичное не-пространство [Кошкина, 2008: 225-228].

Сравнив эти две работы, можно заметить, что один и тот же фактор социально-культурного бытия человечества – зарождение и распространение христианства – оказало влияние одновременно как минимум на два образа сознания, на представления о времени и пространстве. Это позволяет сделать предположение о том, что данные образы сознания связаны тем или иным способом в структуре психики человека.

Синхронный подход в изучении концептов пространства и времени в когнитивной лингвистике осуществляется, исходя из представлений о полевой структуре концептов и категорий языка. Так, В.Г. Гак составил модель описания концепта «время», имеющего внешнюю и внутреннюю структуру. Внешняя структура поля времени как раз и определяется его связями с другими понятиями и явлениями. Внешние связи реализуются в трех явлениях: в переходе от иных понятий к понятию времени, в переходе от понятия времени к иным понятиям, и в синкретизме понятия времени и другого понятия, когда в определенном контексте время и другое понятие выражаются неразрывно. По мнению исследователя, общее разви-

тие смысла идет от более конкретного, чувственно воспринимаемого к более отвлеченному. Выражение субъективного отношения, оценки является конечным этапом семантического развития многих слов и форм: все способы выражения субъективных значений в языке вторичны. Однако связь между понятиями проявляется и в обратимости этих отношений: значение языковых форм может развиваться не только в направлении место – время, но и время – место. В.Г. Гак рассматривает такие отношения через совокупность полей, среди которых можно выделить «движение – время», «пространство – время», «занятие – время», «человек – время», а также «время – действие, деятельность», «время – эпоха», «время – ритм», «время – логические отношения» и др. [Гак, 1997: 124-129].

При выявлении темпоральной лексики и изучении принципов ее организации, возможен также психолингвистический подход. На основе результатов анкетирования, выделяется группа темпоральной лексики, представляющая семантическую микросистему времени, выявляющую семантические связи внутри этой микросистемы, а также ее связи с другими микросистемами языка. В результате составляется иерархическая парадигма темпоральной лексики, а также синтагматические связи отдельных членов этой парадигмы с членами других парадигм и связи парадигм друг с другом. Такие результаты, как и при чисто семантическом подходе позволяют предположить что ассоциативное поле является моделью фрагмента семантической системы языка [Потаенко, 1979: 247].

Дополнительный материал для установления путей формирования категории времени дает изучение темпоральной лексики в речи детей. При изучении развития понятия «времени» в онтогенезе фиксации подлежат все языковые элементы темпорального плана, начиная с того момента, когда ребенок в них выражает свое понимание временной структуры действительности. Языковой материал, полученный в результате наблюдений за речью детей, говорящих

на разных языках, показывает, что понятие времени у детей, говорящих на русском языке, начинает формироваться на базе временных форм глагола, то есть на базе усвоения грамматической категории времени, также отмечается, что одновременно с этим в речи появляются временные наречия [Потаенко, 1979: 247-248]. Как утверждает Н.А. Потаенко, времена усваиваются в следующем порядке: усваивается настоящее почти одновременно с прошедшим, а затем будущее. В сравнении с другими языками отмечается, что у русских детей наблюдается почти полное господство в речи форм глаголов совершенного вида прошедшего времени, а у английских и французских детей отмечается употребление форм прошедшего времени с регулярным пропуском вспомогательного глагола [Потаенко, 1979: 248].

Подводя итог всему вышесказанному, стоит еще раз отметить разнообразие подходов к изучению понимания человеком фундаментальных явлений пространства и времени. Современные исследования, продолжая традицию классических направлений лингвистического характера, продолжают изучать как внутреннюю структуру этих понятий, отражающихся в языке и речи, так и внешнюю систему взаимодействия выражающих их языковых элементов в системе языка и в речи. На данный момент лингвистические науки четко выделили, описали и систематизировали те языковые явления,

как грамматические, так и лексические, которые участвуют в выражении понятий времени и пространства. Описаны не только функционально-семантические поля и лексические ряды времени и пространства, но и уровни взаимодействия между ними. Заслугой когнитивной лингвистики в исследовании концептов времени и пространства является, безусловно, описание внутренней и внешней структуры самих представлений, моделирование их актуального состояния и изменений под воздействием культурно-исторических факторов. Учитывая сложность и комплексность данных явлений, стоит отметить, что дальнейшее их исследование необходимо проводить с учетом последних результатов всех упомянутых подходов. В частности, в психолингвистической традиции изучение образов пространства и времени, а также путей и особенностей их формирования невозможно без учета внешней и внутренней структуры данных образов; не только когнитологические, грамматические, лексические, но и психологические и естественнонаучные данные могут послужить ключом для раскрытия многих вопросов, как, например, истории и механизма соединения двух упомянутых образов в онтогенезе. С другой стороны, учет достижений каждого из подходов к изучению пространства и времени способствует комплексному и целостному пониманию этих базовых феноменов в жизни человека.

Список литературы

Андреева В.А. Особенности художественного хронотопа в современном литературном нарративе. Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 2 (13). – С. 143-155.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XV, 896 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 500 с.

Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 260 с.

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.

Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н.Д.

Арутюнова, Т.Е. Янко.– М.: Индрик, 1997. –С. 122-130.

Гусман Р. Выражение хронологических отношений между действиями в сложноподчиненном предложении с придаточным времени / Р. Гусман. – М.: Просвещение. – 1993. – 128 с.

Драчева С.О. Темпоральная организация романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита": лингвистический аспект : автореферат дис. – Тюмень, 2007. – 27 с.

Жукова С.А. Роль презенса в языковом структурировании пространственно-временного континуума художественного текста. Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 2. – С. 49-54.

Закамулина Н.М. Категория темпоральности в неродственных языках (сопоставительное исследование временных форм во французском и татарском языках): Дис....докт. филол. наук: 10.02.20 / КГПУ – Казань, 2001. – 408 с.

Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями / Н.А. Козинцева. – Л.: Наука, 1991.– 137 с.

Кошкина Е.Г. Особенности репрезентации концепта «пространство» в древне- и средневерхненемецком. Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2008. №2. – С. 223-230.

Лашова С.Н. Принцип пазла: язык и хронотоп в прозе М.Шишкина. Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6. – С. 186-190.

Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с

Никитина М.Ю. Акциональные глаголы движения как основное средство передачи пространственных отношений во французском языке. Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 47. – С. 83-86.

Овсянникова М.А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2009. Т. 5. № -2. – С. 94-123.

Падучева Е.В. Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе / Е.В. Падучева // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. М.Ю. Черткова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 332-341.

Потаенко Н.А. Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения / Н.А. Потаенко // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1979. Т. 38. № 3. – С. 242-248.

Потаенко Н.А. Языковая темпоральность: содержательные аспекты. Научная монография. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – 310 с.

Савельева Н.В. Таксисные отношения в сложноподчиненном предложении с придаточными времени в современном французском языке (на материале форм futur simple, futur anterieur, futur immediat): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 I МОПИ им. Н.К. Крупской. - М., 1990. - 17 с.

Салькова М.А. Темпоральная репрезентация английского дискурса (на материале структур с придаточным времени): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГЛУ. - М., 1999. - 253 с.

Топорова Е.Н. Функционально-семантическое поле темпоральности во французском языке. Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 5. С. 168-172.

Ухтомский А.А. Избранные труды. Л., 1978.

Федотова А.А. О языковых средствах выражения пространственно-временного континуума художественного текста. Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 302-307.

Шкурят Н.М. Динамический аспект сложных предложений с придаточным времени в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / МГПИИЯ им. М. Тореза- М., 1984. - 22 с.

Эрдынеева Д.В. Семантический конфликт видо-временных значений в сложноподчиненном предложении с придаточным времени в современном французском языке : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05: – Иркутск, 2004.– 155 с.

ПУБЛИЦИСТИКА

В этом номере журнала мы поздравляем с замечательным юбилеем Владимира Ильича Жельвиса. Сегодня нам кажется важным представить читателям известного ученого в непривычном амплуа – страстного, эмоционального публициста, горячо отзывающегося на трагическую современность, в которой живем и к которой, к сожалению, привыкаем. Владимир Ильич – никогда не привыкнет и нам не позволит...

Опубликованная в этом номере статья посвящена событиям недавнего прошлого – грузино-абхазскому конфликту и написана по горячим следам, в чем, несомненно, убедятся читатели.

В.И. Жельвис

ТЕРРИТОРИЯ ПРИЗРАКОВ

Телеведущие на всех каналах напомнили, что когда-то во время Олимпиад оставались любые военные конфликты, это было важнейшей составной частью Игр, когда следовало хотя бы на время забыть взаимные неспортивные претензии и обиды. Но вот на наших глазах вспыхнули практически одновременно: олимпийский огонь в Пекине и больницы, детские сады и университет Цхинвала. Установки «Град» накрывают вражескую территорию сплошным ковром, кто тут будет разбирать, поразила ракета танк, девушку, вышедшую из подвала за водой для своей семьи, или древний памятник архитектуры, которых в Закавказье – множество. Точнее, было множество, до обстрела по площадям.

Война мгновенно выплеснулась за пределы Южной Осетии, подобно нефти из горящего танкера.

И началось это где? В Осетии, в историю которой уже вписал свою кровавую строчку Беслан. И вот уже, как недавно Грозный, разрушен Цхинвал, вот на улицах осетинских сёл среди обломков зданий и сгоревших танков валяются осетинские,

грузинские и русские трупы, а в подвалах прячутся перепуганные женщины и дети. По дорогам, прячась от обстрелов, бредут в одну сторону – беженцы, в другую – вооружённые охотничьими ружьями и автоматами ополченцы. Из Кодорского ущелья, слава богу, успели уйти все мирные грузины, прежде чем туда вошли абхазские войска.

Тридцать тысяч беженцев теперь – по всему Кавказу, южные осетины не только в домах северных единоплеменников, но и в Кабардино-Балкарии, в Адыгее, на Ставрополье. Что они говорят тем, кто их приютил, какие семена ненависти посеяны теперь по всему югу России и в Грузии?

Кстати: все ли осознают, что русские, грузины, осетины и в своём большинстве абхазы – православные христиане? Нас не так уж и много, православных. Теперь будет меньше, с нашей же помощью.

Начинаешь ненавидеть телеэкран: не надо это всё показывать, уже нету сил видеть столько горя. И всё равно смотришь, невозможно оторваться от страшных сцен пылающих зданий и смерти, смерти, смерти.

Через все границы сыплются прокля-

тия и снаряды. Война вроде бы остановлена, но бомбы злобы и ракеты ненависти летать будут еще долго. Кажется, что с ума сошёл весь мир, ненависть застилает глаза всем: и уничтожаемым осетинам, и осаждаемым абхазам, и грузинам, беженцам из самопровозглашённых республик и жителям Тбилиси, Зугдиди, Гори. «И смерть, и ад со всех сторон». Грузинскую мать, рыдающую на пепелище, жаль ничуть не меньше, чем осетинскую. Когда теперь иссякнет ненависть грузин к их русским соседям, с которыми им, хотят они или нет, всегда жить рядом? А ведь так недавно отношение русских к грузинам было, пожалуй, теплее, чем к любым другим кавказцам. Мы и сейчас любим Вахтанга Кикабидзе, а он на этой неделе демонстративно отказался от недавно вручённого ему российского ордена Дружбы и от гастрольной поездки в Россию.

И через сколько поколений перестанут сжимать кулаки осетины при виде грузин? Вы про кавказскую кровную месть ничего не слышали? Что нам теперь, Кавказские горы Китайской стеной перегораживать?

И среди всего этого срама на экранах мелькают напыщенные лица политиков и дипломатов, возводящих руки горе и изрекающих банальности. Ах, как они переживают! Ах, как им жаль, что всё получилось вот так, как получилось. Ведь ещё несколько дней назад мир верил, что войны не будет: ну, покричат, покричат, а потом всё устаканится.

Не устаканилось. И виноваты не народы, а неумелые, злые и неумные политики, которые обязаны были смотреть на полшага вперёд. Мало нам Чечни? Её мы пока еще не восстановили, а тут уже надо отслупить миллиарды на Южную Осетию, которая, простите, пока ещё грузинская территория.

Ну, разумеется, поспешно стал стричь свои купоны Запад. Особенно наши бывшие друзья, Польша и Прибалтика. Идет война священная, дипломатическая война. Кондолиза Райс угрожает нам международной изоляцией, отовсюду несутся угрозы санкций, и слушать это довольно противно всем, кто не понаслышке знает, что такое двойные

стандарты. Кажется, во всём мире политики, выражаясь народным языком, держат нас за лохов.

Да, с политической элитой соседних государств нам здорово не везёт. Вот был амбициозный и наглый Дудаев, а теперь перед микрофонами тарачит безумные глаза и брызжет слюной явно неадекватный Саакашвили, о прочих не хочется сегодня и вспоминать. Но ведь со всеми надо как-то договариваться, набраться терпения и искать компромиссы. На то и дипломаты, им, как говорится, за это деньги платят. Не хочется! Как мы любим простые решения: вдарить им по башке, чтобы знали, кто тут хозяин. Вдарили... Теперь каждая из трёх сторон празднует победу, срывает аплодисменты и вручает ордена. А потерпели-то поражение все без исключения.

По телевизору мы видим героическую работу хирургов, пытающихся спасти раненых. Их не интересует национальность человека с простреленной грудью или обожженной кожей, им главное, что порой из-за обстрела не удаётся его вывезти в безопасное место. В конце концов враждующие стороны, так и быть, договорились о гуманитарном коридоре. Но поздно: такой больной уже не транспортабелен и гибнет на глазах у врачей.

А еще умиляет отношение ко всему этому многих наших: людей там убивают, территории выжигаются, но море-то по-прежнему тёплое, а песочек впитал кровь и вроде бы снова чистый. Туроператоры довольны: поток туристов не иссякает. С другими – да, но с нами ведь, разумеется, никогда ничего не случится. Вспоминается сцена, когда в болоте мычит тонущая корова, а прочие её товарки спокойно пощипывают травку на самом берегу.

Мне никогда не хватало терпения посмотреть до конца всю эту бодягу, что на ДТВ нам впаривают под названием «Территория призраков». Но на этой неделе меня заняла передача про вервольфов, людей-оборотней, превращающихся в волков. Каким-то образом передача перекликнулась с новой кав-

казской бойней. Оборотни, люди-звери, бешеные древнегерманские берсерки – Елена Чернова, специалист по славянской культуре и не думала связывать их с современностью, но как-то оно всё сходилось.

Есть, говорили нам, такая болезнь, ликантропия, когда человек воображает себя волком и накидывается на первую попавшуюся жертву: на овцу, собаку, а может и на человека, может загрызть своих родных и близких. И движет такими людьми не столько стремление к могуществу и власти, сколько к безнаказанности: раз я волк, я могу делать, что мне заблагорассудится, человеческие законы не про меня. По древнегреческой легенде, однажды царь Ликаон угостил Зевса блюдом из человечины, за что разгневанный бог превратил его в волка. И наследники Ликаона, кажется, никуда не делись. Множество наших соотечественников, сидя у телевизора, подобно римлянам в Коллизее, яростно требуют смерти супостатам. Как выразилась одна участница передачи, неадекватная ситуация провоцирует неадекватное поведение. Земля наша превращается в настоящую территорию призраков бывших и грядущих войн.

И как же жалко смотрится с экрана кетчуп, которым щедро мажут гримёры физиономии очередным «жертвам» очередных сериалов. А уж эти убогие японские мультики! Наверно, есть смысл хоть на время войн прекращать демонстрировать всю эту туфту. Потому что ты знаешь, что, окончив съёмку, «убитый» встанет и пойдёт пить пиво в буфет при студии. А мальчишка, лежащий в луже крови на улице Цхинвала, уже не встанет никогда.

Специалисты говорят с телеэкрана, что нынче клиническая ликантропия художественно лечится. Но тут же предостерегают: разбудить в человеке зверя не так трудно, как загнать его обратно. Став зверем, человек уже не в силах контролировать своё сознание. Наши предки верили, что оборотня можно убить только «змеиным топором», то есть которым ранее была убита змея; ещё оборотни-де боятся серебра, оно оставляет на их теле глубокие ожоги. Современным людям-зверям руки серебро не жжёт, и, надо думать, кое-кому из них в результате войн серебра достанется немало.

А большинству из нас – разве что слёзы, серебрящиеся на щеках.

*Интервью Александра Петровича Василевича «Российской газете»,
опубликованное 30.09.2005.*

ЛЕНИВЕЦ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЛЕНИВЫМ

В словарь современного русского языка ученые вместили 150 тысяч слов

Готовятся к выходу первые три тома нового Большого академического словаря русского языка. Это издание подготовлено Институтом лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге и будет самым обширным из ныне существующих: словник насчитывает около ста пятидесяти тысяч слов. Впрочем, «великий и могучий», конечно, не ограничивается этими тысячами. «Общий» лексический запас наших современников гораздо шире, а, главное, разнообразнее академического списка, считает доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН **Александр Василевич**.

Метод Даля

Российская газета: Есть старый анекдот о том, как Даль искал новые слова. Он разбивал две бутылки водки на глазах у деревенских мужиков, а потом стоял и записывал, все, что они говорили по этому поводу... Что-то изменилось в способах сбора информации?

Александр Василевич: Арсенал средств, конечно, сильно обогатился. На протяжении своей научной карьеры я занимался изучением самых различных лексических групп. Собирал названия цветов, слов, описывающих фигуру человека, даже делал сравнительный анализ речи алкоголиков и малопьющих людей. Если пользоваться только словарями, то можно и впросак попасть. Так, пролистав весь академический словарь, я нашел всего 120 слов, обозначающих цвет. Например, слова болотный там не было вовсе.

РГ: И чем же оно провинилось перед составителями?

Василевич: Дело в том, что прежде чем слово оказывается в словаре, собирается картотека, которая находится в словарном отделе Института лингвистических исследований в Петербурге. Это происходит так. По всей стране работают корреспонденты,

которые, читая художественные произведения, выискивают наиболее характерные употребления слов. На каждое постепенно накапливается какое-то количество карточек с примерами из литературы. И если их маловато, слово в словарь «не допускается». А «болотный» чаще встречается в устной речи. Хотя для российского менталитета оно очень важное. Знаете, как на английский переводится? Russian green ‘русский зеленый’. Наша природа для иностранцев – это, прежде всего, топкие серо-зеленые болота.

Мой список названий цвета увеличился в несколько раз, когда я оторвался от книг и стал опрашивать «народ». Естественно при этом попадались слова, которым с точки зрения ревнителей языка в словаре не место.

РГ: Если сравнивать между собой издания даже одного и того же словаря, легко заметить, что толкование некоторых слов меняется. Почему это происходит?

Василевич: Наивный вопрос. Трагедия старых слов переименовывается. К примеру, в старые времена слово «единоличник» вовсе не было ругательным. Так называли людей, которые вели свое крестьянское хозяйство отдельно от общины. Это уж после революции их к ногтю прижали. Кстати, освежением словарей в Институте русского языка занимается целый отдел. Советская лексикология

руководствовалась идеей Ленина о том, что язык – это социальное явление. Следовательно, объясняя слова, нельзя отвлекаться от политической ситуации в стране.

Как появляется новое толкование, можно отследить на классических словарях. Даль дает изначальное значение слов. Картотека словаря Ушакова была создана фактически до революции. Ну а «Ожегов» – чисто советское порождение. Приведу просто анекдотический пример связи идеологии и лингвистики. Так как академический словарь не резиновый, решили не включать в него названий жителей городов. Ведь населенных пунктов у нас сотни тысяч. Одно название все-таки затесалось. Это «ленинградец». Как думаете, почему именно оно?

РГ: Дань уважения вождю?

Василевич: Почему тогда не вставили «ленинобадца» или «ульяновца»? Все гораздо прозаичнее. На соответствующей странице словаря слово «ленинец» шло бы сразу за «ленивый». А этого быть по определению не могло быть. Решили разбить два эти несовместимые слова «ленинградцем». Попытки по-своему толковать языковую реальность очень часто приводят к курьезам. Пятьдесят лет назад было решено доказать, что все старое умерло, и появился новый советский язык. Взяли несколько десятков старых слов и попросили второклашек их объяснить. Одни путали «барышника» с боярышником, другие (ошибочно ставя ударение на первом слоге) толковали его как «бабник» или «дом для дам». Из этого сделали вывод, что советское общество той эпохи отряхнуло с ног прах старого мира. Однако выяснилось, что советские слова, среди которых много искусственных, умерают гораздо быстрее дореволюционных. Среди современных школьников и даже студентов никто не догадался, что «избач» – это заведующий избой-читальней; «разложенец» – морально разложившийся (слово трактуется сейчас как «труп, который разложился в гробу»), а «фабзавуч» – «фабрично-заводское обучение» (его трактуют как «заведующий фабрикой»).

Хромой и губастый

РГ: Как вы относитесь к делению ученых на «физиков» (тех кто, приносит практическую пользу) и «лириков»?

Василевич: Как я понял, на филологов намекаете? Вступать в дискуссию не буду. Во всяком случае, в этом интервью. Но филологи тоже бывают востребованы. Чего стоят нынешние многочисленные экспертизы исков о защите чести и достоинства. Приведу пример более отдаленный по времени. Пришел к нам в институт врач-нарколог. Он считал, что одним из показателей склонности человек к алкоголизму является его речь. Перед нами встала задача составить сравнительный словарь пьющих и, скажем мягче, малопьющих. Мы опрашивали его пациентов и, надо сказать, разговорить алкоголиков оказалось непросто. Пришлось выдумать легенду о том, что один из популярных режиссеров готовится к съемкам нового фильма. И чтобы кино получилось жизненным, нужна их помощь. Собирали все слова, каким-либо образом связанные с «выпивкой»: с процессом покупки спиртного, с названием спиртных напитков, самим процессом «принятия на грудь», закуской и последствиями. Только синонимов слова «выпить» набралось 80. Посчитали процентное соотношение слов разных категорий. Оказалось, что закуска как таковая в словарном запасе потенциального алкоголика практически не присутствует, а для малопьющих, наоборот, главное – именно застолье: тосты и «поговорить за жизнь». С другой стороны, у алкашей большой вес имеют атрибуты «хмурого утра».

РГ: Вас лично чем-то обогатил собранный материал?

Василевич: Еще бы. Вы не представляете, какую лингвистическую изобретательность проявляют пьющие, чтобы закодировать названия своих любимых напитков. «Белый друг» – водка. «Борис Федорович» – клей БФ, «Вера Михайловна» – вермут, «Верочка» – вино «Иверия», «Зося» – «Золотая осень». «Губастый» – граненый стакан, «слезы комсомолки» – смесь одеколна и газированной воды, «Хромой» – две

бутылки, из которых одна – пол-литра, а другая – четвертинка. Или, скажем, эвфемизм «риголетто» как название посталкогольного синдрома (его вариант «пугать унитаза» пришел из анекдота: «Мама, что это с нашим папой? Он стоит на коленях и пугает унитаза.»

Реклама – двигатель лингвистики

РГ: Вы занимались цветовыми изысканиями. Какой язык мира «самый цветной»?

Василевич: Это сложный вопрос. Скажем, в моем четырехязычном словаре названий цвета английская часть содержит около тысячи слов, а русская – только 450. Но вот слова «голубой» нет практически ни в одном языке. Мы пытаемся разобраться, почему для русских столь важно отделять «синий» от «голубого». В истории русской культуры синий – это цвет омота, глубокой воды, он связан со всякой «чертовщиной». А праздничное, светлое – это голубое небо. Может, отсюда и необходимость разделять эти понятия, назвав их разными словами. На западе понятие «синий» (англ. blue, нем. blau и т.д.) не порождает мрачных ассоциаций.

РГ: В советские времена иностранцы часто говорили, что их впечатление от России серо-коричневое. Это идеология или истинное положение дел? Мне вспоминается, что в 70-е годы на улицах Москвы было гораздо больше разноцветных пальто, чем сейчас, когда черная и коричневая турецкая кожа все заполонила...

Василевич: Может быть в столице действительно было разнообразие, но по стране – совсем другая картина. Один мой коллега много лет работает на пуговичной фабрике. Кстати, подобных было две или три во всем Советском Союзе. Он начальник лаборатории, которая занимается дизайном пуговиц. Так вот в большинстве своем наши модельеры предпочитали пуговицы в тон одежде. С советских времен коллега собирает коллекцию пуговиц, по которой можно создать впечатление о предпочитаемых в СССР цветах. Это, как ни грустно, действительно, коричневый и серый. А вот эпоху,

когда открылся железный занавес, происходит своего рода взрыв цвета. Правда, постепенно мы наелись «разноцветья». И последние два-три года возвращаемся к своей любимой серо-коричневой гамме. И дело, конечно, не в идеологии. Таковы этнопсихологические закономерности, от которых просто так не уйдешь.

РГ: Каталог цвета, который вы составили, включает около двух с половиной тысяч названий оттенков. Откуда нашлось столько слов?

Василевич: Американцы исследовали около сотни языков туземных и малоразвитых народов и открыли универсальный закон дифференциации цвета. Оказалось, что в младенческом состоянии языка сначала существует только два слова: «темный» и «светлый». Потом появляется «красный». Затем – «синий» и «зеленый». И все развитые европейские языки прошли этим же путем.

Понятно, современному языку одних наименований цвета явно не хватает. Название цвета стало товаром в коллекциях губной помады или автомобилей. Вот тут-то, наряду с привычными бордовый, болотный, янтарный и появились термины цвета типа «космический разум», «задумчивый жираф» и «влюбленная лягушка».

Рекламный бизнес – настоящий лингвистический двигатель. Я уже упомянул о своем четырехязычном словаре терминов цвета, в котором было всего 400 русских слов. Но словарь вышел в 1986 г. Помню, я тогда очень горевал. Однако наша тогдашняя «бесцветность» была мнимой и объяснялась просто: за границей раньше начали продавать товар по каталогам. Ну, а сейчас, мы уже не только «догнали», но и явно «перегнали».

Цветной писатель Бунин

РГ: Наверное, есть какая-то языковая традиция при придумывании терминов для назывании тех или иных оттенков?

Василевич: Чаще всего, никакой. Какой оттенок цвета имеют в виду, называя

цвет тех или иных изделий «английский клуб», «бархатный сезон», «бледная немощь», «прозрачная невинность»? Если связи с цветом нет, то, скорее всего, название умрет вместе с коллекцией. Впрочем, иногда такие выдумки приживаются. В позапрошлом веке было очень сильно влияние французской моды. Оттуда к нам пришел цвет «лягушка в обмороке». Русские подхватили и название «пюсовый» (от французского «блоха»). Это модный желто-серый оттенок, который затем стал называться «блошиным» или «блоха в обмороке». По той же модели создан цвет «испуганной нимфы», который Ильф и Петров переделали в «бедра испуганной нимфы». К слову, с этим названием произошел языковой казус. В народе его переделали на свой лад: цвета «ляжки испуганной Машки».

РГ: Кто из русских писателей наиболее «цветолюбив»?

Василевич: Работ, которые изучают использование цветов нашими писателями, масса. Но большинство исследователей по-

ступают так: читают произведения и подсчитывают цветовые пристрастия автора. Если, скажем, слова белый и черный у Бунина встречаются чаще других названий цвета, то делают вывод о его приверженности к черно-белой гамме. Но дело в том, что черный и белый будут самыми частыми у любого писателя и в любом языке. Такова выявленная нами универсалия. Потом следует красный. А вот реже всего будут встречаться фиолетовый и оранжевый. Ведь в списке основных цветоименований они хронологически появились в языке самыми последними. К примеру, у Лермонтова этих двух слов вообще нет (он их не то, чтобы не любил – вообще не знал). При научном подходе к исследованию этого аспекта языка писателя, самым «цветным» оказывается Бунин: у него в среднем встречается более 100 названий цвета на каждые 10 тыс. слов текста. Очень «цветной» Олеша. Среди поэтов лидирует Блок. А вот Окуджава – по «цветности» в последних рядах (менее 20 цветоименований на каждые 10 тыс. слов).

Беседовала *Елена Новоселова*.

РЕЦЕПЦИЯ КЛАССИКИ В ЛИНГВИСТИКЕ ¹

Критика оснований в лингвистике и вокруг

Лингвистика причисляется к гуманитарным наукам; в западной терминологии ее относят к *social sciences*. Тем самым лингвистика оказывается рядом с историей, социологией, психологией, культурной антропологией, филологией и философией.

Этот комплекс дисциплин нередко рассматривают как единое целое, о чем говорит множество его самоназваний: в разные времена *social sciences* именовались «моральными науками», «науками о духе», о культуре, науками о человеке, социальными науками. Как и комплексы прочих наук, социальные науки периодически переживают периоды активной ревизии своих построений, то есть подвергаются процедурам, которые в кант-анской традиции назывались критикой, или анализом оснований. Критика оснований становится особо актуальной в периоды смены парадигм – не обязательно в узкой области знаний, но непременно в области, важной для культуры в целом.

Современниками ситуация смены парадигмы переживается как «сотрясение основ». В гуманитарных науках «сотрясение основ» происходило за последние 100 лет дважды: в те времена, когда появилось противопоставление наук *объясняющих* и наук *понимающих* (т. е. в конце XIX в.), и в середине прошлого века, когда появилась кибернетика, а вместе с ней попытки «устроить» лингвистику как математику, а психологию – как естественную науку (условно говоря, как «физику»).

К третьему по счету «сотрясению основ» надо было бы отнести начавшиеся несколько раньше изменения в историче-

ской науке, связанные ярче всего со школой «Анналов», и, разумеется, новый взгляд на историю науки как социального института, ассоциированный с именем Томаса Куна и понятием «парадигмы».

Каждое «сотрясение основ» для активно работающих исследователей сопровождается попытками представить историю своей науки в новой *перспективе*. Сознательно или не очень, но мы так или иначе осуществляем реконтекстуализацию и реинтерпретацию наличного корпуса знаний – и носителей их классического извода. В случае удачи возникает живой диалог с новообретенными или реконтекстуализированными классиками. Примером может служить массовый интерес к трудам русских формалистов, впервые воплощенный в том, широко известном среди филологов под аббревиатурой ПИЛК [Тынянов 1977]. Как писал Р. Мёртон:

«Лишь немногим отличаются от таких ссылок на классические труды те заметки, которые делает читатель, переполненный своими собственными идеями, когда обнаруживает в ранней книге именно то, к чему пришел сам. Идею, пока незаметную другим читателям, отмечают именно потому, что она близка разработавшему ее самостоятельно» [Мёртон 2006а].

В иных случаях взаимодействие с классиками происходит по типу «музей» vs. «чулан», описанного мною в другом месте. [Фрумкина 2000]. В «музей» попадают классики, применительно к которым *почитание* затмило необходимость их *реинтерпретации* – например, Выготский, Фрейденберг,

---

¹ Впервые опубликовано в кн.: *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании*. – М., НЛО, 2009. – С.381-401.

Бахтин, Лотман. В пределах музея знание имен лишается всякого контекста – как внутринаучного, так и жизненного. Кстати, не зная жизненный контекст, вообще нельзя по-настоящему оценить ни Выготского, ни Лотмана, ни даже недавно ушедшего от нас Аверинцева, не говоря уже о Фрейденберг: ее мемуары, до сих пор у нас неизданные, по моему глубокому убеждению, несравненно значительнее, чем ее научные работы.

Но раз уж в музейной витрине лежат именно научные труды Фрейденберг, то на эти тексты и положено ссылаться, не утруждая себя размышлениями об их сути и понимая их чисто аподиктически.

В чулане тоже не пусто. Там пребывают такие незаурядные мыслители, как лингвист С.О. Карцевский, психолог С.Л. Рубинштейн (предложивший, среди прочего, замечательную концепцию речи ребенка), писатель и философ Ф.А. Степун, разносторонний гуманитарий и мыслитель С.Н. Дурылин, а также философы – марксисты разного толка – например, М.С. Каган и М.А. Лифшиц. И если вместо аналитических процедур реинтерпретации и реконтекстуализации мы наблюдаем всего лишь перемещение героев из чулана в музей, то есть только классикализацию, не сопровождаемую необходимыми аналитическими процедурами, то наука из живой деятельности превращается не просто в музей – как мы знаем, в современном музее совершается весьма почтенная работа, а скорее уж в музей восковых фигур.

Рассказ о том, как в тот или иной период функционирования науки предметом интереса и научного спора были речь ребенка, структура слова или модель глагольного управления, довольно трудно представить в виде линейной последовательности событий. История любого исследования – это «драма идей», т.е. что-то наподобие пьесы со многими героями, их столкновениями, репликами «в сторону», монологами и диалогами.

Участники этого многоактного действия с открытым финалом и без очевидного пролога могут и вовсе не слышать друг друга, не говоря уже о взаимопонимании. Но когда

мы пытаемся *рассказать* об истории изучения какого-либо феномена, то вне зависимости от сложности и запутанности подлинной драматургии событий прошлого, вне зависимости от темы и числа действующих лиц, наш рассказ мы стремимся выстроить как некую непрерывную линию, – в крайнем случае линию с зигзагами. Ибо таково свойство повествования, «истории»: жанр повествования *навязывает нам свою логику*.

Но ведь эта логика практически никогда не отражает подлинного положения дел, потому что в науке, а в науках о человеке – в особенности, процесс постижения не представляет собой непрерывной линии. Более того, этот процесс даже не стоило бы пытаться изобразить в виде ветвящегося дерева – все-таки дерево имеет один корень. В науке же никто не начинает с чистого листа. Так что корней, как правило, несколько, а то и много и, большей частью, мы знаем лишь о некоторых из них.

Впрочем, любые подобные аналогии – сильные упрощения, которые осмысленны скорее в дидактических целях. Но они позволяют поставить некоторые проблемы более заостренно. А именно:

Что позволяет нам считать науку о языке, речи, тексте – *науками*, а не «свободными искусствами»?

Насколько в пределах отдельных наук о духе / о человеке разработана эпистемология, то есть зафиксированы допустимые способы конструирования предмета исследования и общепринятые методы работы с ним (наблюдение, эксперимент, убеждение, доказательство)?

Социальные науки, в том числе и современная лингвистика, образуют разнородный ансамбль в том смысле, что каждая из этих наук имеет свою «теорию среднего уровня» (в смысле Мёртона) [Мёртон 2006б]. Более того – в пределах одной науки можно увидеть комплексы разработок, подчиняющиеся (явно или неявно) разным теориям среднего уровня [Фрумкина 1996].

Например, историческая наука, как ее понимал Л. фон Ранке, и историческая наука

школы «Анналов» безусловно имеют разные «теории среднего уровня». То же можно сказать о социологическом «театре жизни» И. Гофмана [Гофман 2003], который в пределах единой «теории среднего уровня» не сопрягается с веберизмом. Подобным же образом стиховедение, где «теснота стихового ряда» считается *термином*, а не метафорой, не удастся сочетать со стиховедением М.Л. Гаспарова – у них, несомненно, хоть и не выраженные в явной форме, но безусловно разные «теории среднего уровня». Семиотика Соссюра и семиотика Лотмана располагаются в слабо пересекающихся мирах.

Лингвистика, как ее понимал И.А. Мельчук в рамках модели «Смысл–Текст» [Мельчук 1974], и современные социолингвистические разыскания также не складываются в эпистемологическое единство. Именно в силу того, что ситуации, подобные описанным выше, перестали быть уникальными, особый методологический интерес представляют разработки и исследования, возникшие как попытки преодоления привычных границ между филологией и другими гуманитарными дисциплинами и критику (в кантианском смысле) возможных перспектив дальнейших взаимодействий.

Вблизи классиков

Излагаемые ниже позиции отражают личный опыт автора, который за время своей работы в науке был свидетелем существенных изменений в репертуаре классических трудов в тех научных областях, которыми сам с большей или меньшей долей успешности занимался.

Пребывая на университетской скамье, я застала низвержение Марра и марризма и возвращение в список классиков Соссюра. В качестве начинающей собственную научную работу (это 1956 г.), я впервые услышала имена Гуссерля и Бюлера – мой учитель А.А. Реформатский считал их классиками гуманитарной методологии. Соответственно,

его ученики не могли обойтись без «Logische Untersuchungen» и «Sprachtheorie». Замечу, что классиком был сам А.А. Реформатский – именно он вместе с другим моим учителем, В.Н. Сидоровым, принадлежит к числу основателей Московской фонологической школы. До того А.А. Реформатский был членом Московского лингвистического кружка – вместе с еще с одним классиком – Р.О. Якобсоном.

Гуссерля я прочитала, но лишь через двадцать лет, а «доросла» до понимания того, что именно, по мнению Реформатского, должна была бы оттуда извлечь, еще лет через десять. Труд Бюлера «Sprachtheorie» я открыла лишь после выхода «Теории языка» по-русски, то есть после 1993 г. – и он оказался мне совершенно не нужен.

И.А. Мельчук (самый яркий из учеников А.А. Реформатского), чьи идеи оказали сильнейшее влияние на весь круг наших ровесников и на следующее за нами поколение лингвистов, «обошелся» и без Гуссерля и без феноменологии: никто из нас не был еще приучен к рефлексии по поводу познавательных процедур, а Мельчук и по натуре был не склонен к рефлексии как таковой. Зато Мельчук испытал на редкость плодотворное влияние крупнейшего французского лингвиста Л. Теньера, которого тогда у нас никто не знал. Чтобы оценить потенциал его теории, Мельчуку хватило брошюры в 30 страниц, изданной в 1953 г. [Tesnière 1953], т.е. за год до смерти ее автора (основной труд Теньера, вышедший в 1959 г., у нас издали лишь в 1988 г.) [Теньер 1988]².

Мне представляется удачной формулировка А.В. Полетаева, в соответствии с которой к «классическим» предлагается относить

«работы, которые *одновременно* удовлетворяют трем условиям: 1) считаются/называются классическими в научном сообществе; 2) изучаются в процессе обучения, т. е. в классах; 3) в явном виде использу-

²Теньер считается классиком *французского* языкознания; но как основатель *грамматики зависимостей* и родоначальник *операционального использования понятия валентности* он, по моему убеждению, мог бы считаться классиком лингвистики в целом.

ются в исследованиях современных авторов» [Поletaев 2007].

Я бы лишь уточнила, что подлинная классика нередко используется именно в *неявном* виде – механизм ее апроприации, похож, упрощенно говоря, на превращение частных высказываний в «крылатые слова». Вначале некие тезисы или понятия используются со ссылками на их авторство как *новаторские* или, по крайней мере, как особо удачные. Затем они же воспринимаются с почтением – как *фундаментальные*, далее – принимаются как обладающие *уникальной* объяснительной силой и в этом смысле – *классические*, а потом становятся «общим местом».

Так, постепенно забылось, что именно Теньер ввел в свой синтаксис понятия первого, второго и т.д. *актантов* и термин *валентность*. Поэтому встречая в лингвистическом тексте эти термины, современный читатель, узнавший про *актанты*, *валентность* и т.п. из работ Московской семантической школы [см., например, Апресян 1974], не интересуется, кто их впервые ввел и в рамках какой более общей теории.

Вместе с тем общеизвестно, что многие работы, некогда бывшие *классическими* в смысле приведенной выше формулировки, со временем утрачивают этот статус: иногда для большинства исследователей, иногда для принадлежащих к наиболее «современной», новаторской школе. Применительно к многим работам/ тезисам/ понятиям принято считать, что они устарели, поскольку наука пошла дальше заведомо другим путем. При этом не отрицается важность соответствующих построений для науки своего времени – ведь мы не исключаем Л. фон Ранке из числа классиков исторической науки, хотя современные историки ссылаются на него скорее в контексте преодоления его наивной веры в возможность описывать прошлое по принципу «как это было на самом деле».

Аналогично, если сегодняшний исследовательский аппарат лингвистики и тем более – сегодняшнюю актуальную для нее проблематику можно без особых усилий

возвести «к истокам», то корпус работ, используемых в качестве «истоков», естественно считать классикой. Таков, с моей точки зрения, статус работ нашей современницы Анны Вежбицкой, воплощающих ее главные идеи (русский перевод важнейших ее работ см.: [Вежбицкая 1999]), хотя еще тридцать лет назад подобные позиции воспринимались как новаторские.

С другой стороны, *со временем* в качестве классического стал осознаваться именно *весь корпус* трудов В.В. Виноградова, – ученого, методы которого в 1960–1970-е годы представлялись моему поколению слишком традиционными (честнее было бы сказать – устаревшими).

Признание тех или иных исследователей классиками не стоило бы сводить только к признанию выдающегося вклада в науку тезисов их *сочинений*. Я склонна считать, что в гуманитарной науке классик – это *социальная функция* ученого, а не имманентная оценка его трудов как таковых. Ведь нередко особенно продуктивным оказывается сомнение в тезисах, которые до поры представлялись неколебимыми – таковы споры *классиков между собой* и позднейшие споры *с классиками*.

Поэтому обращение к пантеону классиков лингвистики и соотнесенных с лингвистикой гуманитарных исследований, считающихся классическими, может оказаться весьма поучительным.

«Волошинов, Бахтин и лингвистика»

Продуктивное отношение к классике и кандидатам в классики не должно быть, выражаясь словами Л.Я. Гинзбург, ни оплевыванием, ни облизыванием. Достойной альтернативой, видимо, является реконтекстуализация и реинтерпретация текстов, претендовавших на то, чтобы считаться классическими – нередко независимо от позиции их авторов, но благодаря их адептам.

В качестве примера далее приводится реинтерпретация ситуации в советском языкознании 1920–1930-х годов, предложенная В.М. Алпатовым в работе «Волошинов, Бахтин и лингвистика» [Алпатов 2005 г.]. Почему

выбран именно этот эпизод? Ответу словами замечательного историка идей А. Лавджоя:

«...Число действительно оригинальных философских идей или диалектических ходов – как и число действительно оригинальных шуток – вне всякого сомнения ограничено, хотя понятно, что число оригинальных идей значительно больше числа оригинальных шуток. Кажущаяся новизна многих систем достигается исключительно за счет новых сфер их приложения и новой аранжировки составляющих их элементов. Если это уяснено, история в целом приобретет гораздо более удобный для изучения вид. Конечно, я вовсе не имею в виду, что по настоящему новых концепций, новых проблем и новых способов их решения никогда не возникало в истории мысли. Но такая новизна, на мой взгляд, вещь гораздо более редкая, чем это принято обычно считать» [Лавджой 2001].

Труд В.М. Алпатова посвящен анализу книги В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» [Волошинов 1929] и ее последующей рецепции – по преимуществу, в качестве принадлежащей М. М. Бахтину или, по крайней мере, выражающей его идеи. Алпатовым также весьма подробно рассматриваются те более поздние работы и высказывания Бахтина, которые автор считает важными именно для лингвистики.

Судьба книги В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» (далее – МФЯ) своеобразна. В течение многих лет она была совершенно забыта. Могу, в частности, засвидетельствовать, что такие «хранители огня», как А.А. Реформатский, П.С. Кузнецов и В.Н. Сидоров, никогда МФЯ не упоминали. Условием взаимопонимания между нами и нашими учителями было знакомство с Соссюром, с классическими работами Бодуэна де Куртене, Фортунатова, Трубецкого (позднее изданного с комментариями А.А. Реформатского), марксизм же существовал разве что *ad usu externo*. «Воскресла» книга Волошинова во многом благодаря Р. О. Якобсону, который высоко оценил книгу Волошинова и

способствовал ее переводам на английский и французский языки в 1970-е годы.

Особое внимание к МФЯ в 1970-е годы на Западе, как сегодня представляется, было обусловлено несколькими причинами. Это, во-первых, обостренный интерес западных исследователей к Бахтину. Ведь МФЯ и другие работы, вышедшие под «масками» Бахтина – т. е. под именами В.Н. Волошинова и П.Н. Медведева, наряду с книгами Бахтина о Достоевском и Рабле воспринимались как труды ученого, возвращенного из социального небытия. Во-вторых, еще не вполне угас интерес западных левых интеллектуалов к *марксистским* подходам или ко всему тому, что они таковыми считали. Уже в силу этого в «поле» гуманитарных наук книга, озаглавленная «Марксизм и философия языка», должна была быть особо отмечена. В-третьих – и, быть может, это главное – на Западе в 1960–1970-е годы интеллектуальная продукция советских ученых 1920-х – начала 1930-х годов *в целом* оставалась предметом пристального внимания.

Так, «Русский формализм» В. Эрлиха, известный еще по изданию 1955 г., был переиздан в 1965 г.; тогда же были переведены и изданы сборники классических работ русских формалистов. К моменту выхода английского перевода МФЭ уже были переведены и книга Бахтина о Рабле, и его книга о Достоевском. Любопытно, что для самого Эрлиха Бахтин был *продолжателем классиков формализма*, крупнейшей фигурой «в рамках структурно-семиотического направления», а вовсе не *антиподом* формального метода, соссюрианства и структурализма, каковым он на самом деле являлся (см. авторское предисловие Эрлиха к англоязычному переизданию его книги в 1981 г. [Эрлих 1996], где он сожалел, что уже не мог переработать свою книгу так, чтобы воздать Бахтину должное).

Бахтин не избежал упомянутого выше «облизывания», которое превратило часть обширнейшей бахтинистики – во всяком случае, советской и российской – в обоснование канонизации крупного ученого, который меж

тем был все-таки человеком своего времени, даже обгоняя его. Бахтин был причислен к классикам и продолжает им оставаться, несмотря на принципиальные возражения такого авторитета, как А.Я. Гуревич, касающихся не *отдельных бахтинских тезисов*, а важнейших для его концепции конструкций – «народной культуры», «карнавала», «смехового тела» [Гуревич 2004].

Тем больше заслуга В.М. Алпатов, который в вопросах, касающихся Бахтина и его круга, всегда придерживался позиции *audiat et altera pars*. В частности, эта позиция позволила Алпатову отнести вопрос об авторстве МФЯ к числу *неразрешимых* на основе наличествующей документальной базы. В силу этого МФЯ он считает книгой, созданной *двумя* авторами – Бахтиным и Волошиновым.

Труды В.М. Алпатов выделяются своим вниманием к вкладу Бахтина именно в лингвистику, а не в философию, историю культуры или историю литературы. Отметим, что уже в первом издании своего известного учебника для вузов [Алпатов 1998] В.М. Алпатов уделил МФЯ существенно больше места, чем всей Московской фонологической школе и детально описал антисоссюровский пафос этой книги.

Внимательный анализ текста МФЯ [Волошинов 1995] убеждает в том, что большинство текстов, отстоящих от нас на 50–70 лет, для адекватного понимания требуют «перевода» на язык современной гуманитарной науки – что как раз и предполагает необходимость постоянной *критики оснований*. Исключения редки и, как правило, касаются трудов, принадлежащие не просто классикам, но ученым экстраординарного масштаба – таковы, например, «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905 гг.) М. Вебера [Вебер 1990] или «Общая психопатология» (1913 г.) К. Ясперса [Ясперс 1995]. Значительно чаще действительно классические, а не просто авторитетные труды без подобного «перевода» в указанном выше смысле и подробнейшего комментария могут быть вовсе непонятны или поняты превратно. В. М.

Алпатов как раз и предложил убедительный «перевод», в силу чего его книга содержит *критику оснований* не только применительно к МФЯ, но и к позднейшим высказываниям Бахтина на близкие темы.

Для нашей темы особенно важно, что объектом анализа у Алпатова являются не только тексты Волошинова и Бахтина, но научные направления, биографии и стили жизни их современников, также анализируемые (как было принято выражаться во времена Ю.М. Лотмана) *как тексты*.

Поэтому, будучи в первую очередь трудом по истории лингвистики, книга «Волошинов, Бахтин и лингвистика» важна для гуманитариев с самыми разными интересами. Например, свойственный кругу Бахтина специфический вариант рецепции Соссюра заставляет еще раз задуматься о том, что неизбежная участь классических концепций – многократные их трансформации *временем и во времени*. Ведь реальное бытие соссюровской лингвистики – не внутри переплета известного всем нашим лингвистам «красного Соссюра» с комментариями А.А. Холодовича [Соссюр Ф. де 1977], а в менталитете его читателей.

Теории живут и обновляются, выражаясь словами Лавджоя, исключительно за счет новых сфер их приложения и новой аранжировки составляющих их элементов. И потому иногда даже не так важно, как в точности в тот или иной момент интерпретировали ту или иную теорию. Более важно, что концепция была «на слуху», что о ней спорили и что делались попытки расширения или ограничения ее приложений, а уж относились к ней скептически или апологетически – конкретная задача для историков науки.

«Марксистская лингвистика в 1930–1970-е годы» (так назван один из разделов книги Алпатов) являла собой достаточно запутанную констелляцию идей, лиц и социальных обстоятельств, причем именно социальные обстоятельства нередко превращали сколь угодно спорные тезисы, которые, тем не менее, можно было числить «по ведомству» науки, в совершенно бессмысленные

камлания, а нередко – в открытые политические обвинения.

Тривиальный тезис – что наука всегда существует в историческом времени и в исторических обстоятельствах – перестает быть тривиальным тогда, когда удается посмотреть на эти обстоятельства, что называется, «в лупу». Исследование Алпатова отнюдь не сводимо ни к анализу МФЯ, ни к анализу других лингвистических работ, входящих в так называемый «волошиновский цикл», ни к разновременным и довольно-таки эскизным высказываниям Бахтина на лингвистические темы, ни даже к анализу широко понимаемой рецепции идей, впервые высказанных в МФЯ.

Разумеется, все это у Алпатова присутствует. Но сверх того – и мне это представляется самым значительным – автором развернута картина существования лингвистики в СССР и современной России «в лицах» и концепциях, начиная с 1920-х годов прошлого века и до наших дней (последние по времени работы, рассматриваемые Алпатовым, датируются началом нашего века.) Соответственно, экскурсы, где автор сравнивает типы самореализации, воплощенные в личностях М.М. Бахтина и В.В. Виноградова, вовсе не являются «виньетками» по отношению к основному содержанию книги.

При изложении любой научной концепции Алпатов исходит из представлений о кумулятивном характере науки как об основном ее тренде, хотя, как мы знаем, этот тренд выявляется лишь при охвате больших временных интервалов. Поэтому Алпатов всегда ищет то направление, в котором анализируемый исследователь продвинулся дальше своих предшественников или современников или, напротив того, вольно или невольно воспроизвел уже сказанное другими. При этом существенный аспект его критики – это искусное и убедительное разделение марксистской «упаковки» от вовсе не соотносимой с марксизмом сути. Сказанное справедливо не только для МФЯ, но и для текстов других ученых, для которых «марксистская» терминология была в 1920–1930-е годы не более,

чем общепринятым способом изъясняться.

Научные идеи выдвигаются, оспариваются, поддерживаются и опровергаются в некотором общем для данной эпохи социальном и интеллектуальном пространстве. Язык, на котором эти идеи формулируются, неизбежно отражает наличные мыслительные горизонты и общий для эпохи интеллектуальный климат – как характерные увлечения, так и отталкивания. Интересным материалом для характеристики этого интеллектуального пространства служит анализ употребления слова *идеология* в МФЯ и более поздних работах самого Бахтина. Идеологией нередко именовался любой общий взгляд на предмет анализа; совокупность воззрений и позиций, позволяющих личности осмыслить мир и свое место в нем. В сегодняшних терминах можно было бы сказать, что здесь, пожалуй, больше от Клиффорда Гирца, чем от привычного советского штампа, согласно которому существовала одна «правильная идеология» – марксистская.

О том, что «основоположники» – классики марксизма – некогда называли *идеологией* не вообще некую систему убеждений или представлений, а именно *ложное сознание*, в советские времена почему-то не вспоминали.

Реконструкция истории идей невозможна вне понимания взаимодействия научных школ и кружков, где эти идеи выдвигались, обсуждались и «обкатывались». В терминах Бурдьё, это и есть «поле науки» – во всяком случае, его важнейший сектор. В качестве одного из поучительных примеров взаимодействия единомышленников Алпатов рассказывает об отношениях между членами кружка, который вошел в историю языкознания как Московская фонологическая школа: это А.М. Сухотин, Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов, В.Н. Сидоров и А.А. Реформатский. И здесь Алпатов, несомненно, прав, говоря о том, что идейный вклад В.Н. Сидорова в теорию Московской фонологической школы был решающим, хотя принадлежащие ему *тексты* напрямую об этом не свидетельствуют³. Можно спорить о том, следует ли считать В.Н. Сидорова класси-

ком, но несомненно, что он оставил нам несколько классических текстов.

Поучительно предложенное Алпатовым сопоставление личностей М.М. Бахтина и В.В. Виноградова как *типов* ученых-гуманитариев. То, что Бахтин жил гонимым и умер неочененным, входит в «бахтинскую легенду». В.В. Виноградов еще в 1946 г. получил Сталинскую премию за книгу «Русский язык» и, несмотря на проработочную кампанию 1949 г., когда он «угодил» в *космополиты*, занимал самые высокие ступени в советской академической иерархии.

Казалось бы, жизнь больного и одинокого саранского затворника складывалась совсем иначе. Но при всем том многие годы жизни (а не только самые последние!) Михаил Михайлович был окружен такой теплотой более молодых друзей и почитателей, которая и не снилась академику В.В. Виноградову. Благодаря их хлопотам (упомяну хотя бы В.В. Кожина) книга о Достоевском была переиздана, а «Рабле» был доведен до уровня монографии. Бахтин всегда был ориентирован на *процесс* познания, но не на оформление своих мыслей в виде, доступном широкой аудитории.

Виноградов работал везде и всегда, неизменно доводя *каждый* труд до книги, статьи или раздела в монографии: даже находясь в ссылке, он упорно хлопотал об издании своих трудов [Ср., например: Чудаков А.П. Учусь у Виноградова. Рукопись.]. Большая часть им изданного – несомненная классика русистики; и именно благодаря *классичности* его работы будут питать не одно поколение ученых.

Отмечу, что стили жизни и особенности научных биографий Виноградова и Бахтина вовсе не являются чем-то посторонним по отношению к рецепции их творчества. Более того: если подходить к науке как к *культурной практике*, то именно понимание описан-

ных различий делает понятным, почему многое у Бахтина принимается апологетически и используется гуманитариями самых разных специальностей, в то время как бесценные для русской культуры труды Виноградова в качестве *классики* остаются преимущественно в поле зрения славистов.

При этом Бахтин, для которого *реплика* имеет больше оснований рассматриваться как единица языка, нежели *слово*, для которого модусом бытия языка являются прежде всего его выразительные возможности и диалогичность как таковая – этот исследователь вообще занимался *другой* лингвистикой, нежели Московская фонологическая школа или, казалось бы, столь далекий от нее ранний Хомский. И если Бахтин – классик, то *классик другой науки*, чем та наука о языке и о литературе, на ниве которой работали формалисты 1920-х и структуралисты 1950–1960-х.

Более близкие Бахтину идеалы воплощала лингвистика раннего В.В. Виноградова и Г.О. Винокура, а также позиции большинства представителей Пражского кружка. И только Р.О. Якобсону удалось в своей длительной и разнообразной работе в науке гармонично совместить русский формализм, структурализм Московской фонологической школы и даже американский структурализм, расцветавший в стенах Массачусетского технологического института (MIT). Предложенная В.М. Алпатовым *историческая критика* оснований столь разных лингвистик убедительно подводит нас к подобному умозаключению.

Канонизация «чужой» классики: Хомский и Хомский

Необходимым условием для канонизации некоторой гуманитарной теории является наличие в структуре этой теории определенного и легко обнаруживаемого потенциала – это удобные концептуальные модели, яр-

³ С грустью отмечу, что в еще меньшей степени достоянием бумаги стали его идеи в области лексикологии, стилистики и истории русского литературного языка, возникавшие в период его работы над Словарем языка Пушкина – а ведь они в значительной мере опережали свое время и отличались поистине классической отточенностью мысли и прозрачностью формы.

кие метафоры, удачные своей очевидностью классификации (пусть даже впоследствии эта очевидность окажется мнимой). Именно это позволяет последователям воспроизводить именно данную теорию, применяя ее к все большему числу объектов и конструируя ее расширения.

В частности, хотя культурная практика «вокруг Бахтина» – это, увы, прежде всего канонизация, но без *диалога, смеховой культуры и карнавала* не было бы и многих плодотворных споров в разных областях гуманитарных исследований.

Как удачно заметил М. Гронас, без «грубых мазков» и эссеистичности гуманитарная теория вообще не достигает «власти над умами» [Гронас 2002]. Если «грубых мазков» не доставало в оригинале – их привнесут туда последователи и эпигоны.

В этой связи заслуживает внимания наследие Н. Хомского. Поскольку неизбежная участь «больших концепций» – канонизация их создателей, сопровождаемая многократными трансформациями во времени самих концепций, именно такие концепции и заслуживают *критики оснований*. В частности, необходимо осмыслить то обстоятельство, что книга Н. Хомского «Язык и мышление» [Хомский 1968] написана совсем «не тем» человеком, труды которого некогда положили начало «хомскианской революции» и который продолжает изменять и усложнять свои построения (быть может, совершенствовать их).

По существу, в гуманитарных науках есть «два Хомских».

Один – это классик лингвистики, основоположник генеративной грамматики – быть может, самой влиятельной лингвистической теории второй половины XX в. Его работы «Синтаксические структуры» [Хомский 1957] и «Аспекты теории синтаксиса» [Хомский 1965] оказали сильнейшее влияние на мировую науку. Именно там были впервые эксплицитно предложены новые для того времени формальные методы описания языка, понимаемого как «порождающее устройство». Практически вся американская линг-

вистика с конца 1950-х годов и по сей день *состоялась как наука* именно «под знаком» Хомского [Кибрик и др. 1997].

Замысел Хомского заключался в том, чтобы создать *исчисление*, которое позволяло бы создавать (to generate) любые правильные и только правильные предложения английского языка. Всякое исчисление задается алфавитом символов, начальными «словами» и правилами, позволяющими выводить новые «слова» из уже имеющихся «слов». Проверка истинности утверждений, сделанных в теории, построенной как исчисление, осуществляется в соответствии с правилами логического вывода. Никакие иные инструменты проверки здесь просто не нужны.

Теория, построенная как исчисление, *может* иметь содержательную интерпретацию: «словам» исчисления могут быть сопоставлены объекты из мира, «внешнего» по отношению к данной теории, а логическим операциям с символами могут быть сопоставлены операции с объектами. Это, однако, не обязательно: наличие или отсутствие содержательной интерпретации не соотносится с проверкой истинности исчисления как формальной теории: формальная теория может быть истинной или ложной независимо от существования содержательных интерпретаций.

Таким образом, отношение <«формальная теория» – ее содержательная интерпретация > имеет другой смысл, нежели отношение между теорией, сформулированной как набор проверяемых (testable) гипотез и процедурами проверки этих гипотез в эксперименте.

Хомский никогда не претендовал на то, что его теория предполагает экспериментальную проверку; соответствующие примеры – преимущественно из английского языка, но не только – всегда были именно *иллюстрациями*, и не более того. Внимательное чтение работ Хомского показывает, что в трудах по генеративной грамматике он не отводил слову *порождающая* даже роль метафоры. Термин этот у Хомского всего лишь подчеркивает динамический (а не статиче-

ский) способ задания исходных объектов, с которыми работает его теория. Поэтому попытки проверки валидности разных аспектов генеративной грамматики в психолингвистических экспериментах – это попытки с заведомо негодными средствами. Ни один из многочисленных вариантов основной теории, которую Хомский не переставал совершенствовать в продолжение десятков лет, не мыслился им как подлежащий экспериментальной проверке.

Но есть и «другой» Хомский – гуманитарный философ, автор книги «Язык и мышление», где он поставил задачи, *принципиально не решаемые той лингвистикой, основателем и лидером которой сам он был* – и во многом остался! Именно *этого* Хомского обильно цитируют представители смежных профессий – филологи, психологи.

В «Языке и мышлении» пафос Хомского ближе всего к Гумбольдту и Бенвенисту, если вспомнить девиз последнего – изучать «человека в языке». Как замечательно выразился Р. Арон, «за неимением такой исторической науки, существование которой было бы неоспоримо, мы исследование основ заменили исследованием границ» [Арон 2000].

В не меньшей мере сказанное справедливо и для лингвистики. В самом деле. Можно описывать *langue*, т.е. *систему* языка, следуя Хомскому – с учетом того, что в его терминах следует говорить о *языковой компетенции (competence)*. Можно ставить ту же цель, следуя структурным разработкам Теньера. Самая влиятельная советская и российская лингвистическая школа – Московская семантическая – пошла по пути Теньера, но отнюдь не без учета подхода Хомского. Все влиятельные западные лингвисты (за исключением Анны Вежбицкой) пошли по пути генеративной грамматики Хомского. Можно в пределах примерно той же парадигмы ставить и другие цели: например, изучать речь – сосюрговскую *parole*, что в терминологии Хомского приблизительно эквивалентно понятию *performance*, что лучше всего перевести как *речевая деятельность*, подчеркнув тем самым *процессуальность* говорения как

объекта исследования.

Так или иначе, спустя почти полвека после выхода прославившего Хомского труда «Синтаксические структуры» генеративная грамматика – во всяком случае, в США, все еще выглядела, по выражению А.А. Кибрика и В.А. Плунгяна, *небоскребом* рядом с малоэтажными зданиями, репрезентирующими другие, вполне продуктивные теоретические разработки и школы современной американской лингвистики [Кибрик и др. 1997].

Впрочем, в контексте нашего изложения более важно иное. Действительно *классическая* книга Хомского «Язык и мышление» так и осталась лишь *манифестом*. Сформулировав проблемы, важнейшие для познания *функционирования* языка как средства общения и средства познания мира, Хомский оставил в сфере *desiderata* методы и методики, допускающие, выражаясь юридическим языком, «прямое применение» *к сформулированным им самим задачам*.

Здесь я усматриваю своего рода загадку. Как известно, немало научных манифестов сигнализируют о возникновении определенной культурной практики или легитимируют ее (такова, например, была роль статьи Лотмана «Литературоведение должно стать наукой» [Лотман 1967]). Книга Хомского «Язык и мышление» такой роли не сыграла – в большой мере потому, что в гуманитарных науках связь между «нижними» этажами (т.е. позволяющими эксперименты и формализацию) и высшими («чистой» теорией) как была, так и осталась очень слабой.

Осознание этого обстоятельства и продуктивные выводы из него стоит рассматривать как вызов историкам науки.

«Лингвистический поворот» как сюжет

Между популярностью некоторой научной теории, реноме ее апологетов или противников и шансами ее автора на дальнейшее полузабвение или, напротив того, вхождение в «пантеон», существуют сложные отношения. Разумеется, это утверждение было бы тривиально, если бы мы взяли писать не о науке, а о музыке или живописи. Однако

именно применительно к науке здесь возможны самые разнообразные варианты, в том числе – довольно-таки экзотические.

Лингвистический поворот» – это именно сюжет, а не школа и не какое-либо определенное научное направление; сюжет хоть и экзотический, но весьма типичный. У сюжета есть главный герой – автор книги «Метаистория» [Уайт 2002] историк Хейден Уайт, должность которого некогда называлась «профессор истории сознания». Выход этой работы (1973 г.) со временем породил обширную (хотя довольно неопределенную по своим границам) совокупность исследований, притом не столько в сфере самой исторической науки⁴, сколько в области филологии, теории и истории литературы и смежных дисциплин. Идеи Уайта получили легитимацию не только *после*, но в немалой мере *вследствие* того тупика, в который зашел западный постструктурализм, который следует понимать как интеллектуальное движение (я бы предпочла говорить об интеллектуальной моде), захватившее *разные* гуманитарные науки. Именно поэтому рассмотрение «лингвистического поворота», интерпретируемого как альтернатива «прочим» теориям (без четкого определения, каким именно) остается поучительным для истории/социологии гуманитарных наук – полагаю, что в большей степени, чем для историков *sensu stricto*, которые в теориях Уайта не очень нуждались.

Подчеркнем, что для многих авторов «лингвистический поворот» – это герменевтика особого рода. Гуманитарии увидели здесь возможность сочетать исследования языка как феномена культуры и одновременно языка как инструмента познания себя; языка как средства описания мира и языка как средства *воздействия* на мир.

Результат нам видится как слабоструктурированная область разнохарактерных идей и построений, лишь *ассоциативно* со-

отнесенных с упомянутым трудом Уайта. «Лингвистический поворот» не стал ядром, вокруг которого могла бы сложиться самостоятельная парадигма. Но он не остался и увлечением отдельных авторов или групп авторов, так что термин *парадигма* используется нами в расширенном смысле (в близком значении иногда используется слово *дискурс*).

Язык в этой парадигме – это прежде всего *орудие*, инструмент мысли. Одним из путей осуществления этой «орудийности» является не только возможность отсылки к уже известному, но прежде всего категоризация неизвестного, нового. В этой своей функции язык выступает:

(а) как главный инструмент «упорядочения» мира путем использования *имен категорий*, без которых мир предстает как неструктурированный хаос [Копосов 2001; Уваров 2004; Фрумкина 2005];

(б) как инструмент выделения, освоения и присвоения нового, поскольку язык является неограниченным источником *тропов* [Лакофф 2004; Гирц 2004].

Одновременно язык – это высказывания и воздействия, «зеркало» человека, его внешнего и внутреннего мира, психологический феномен, часть сферы сознания, но также и отражение подсознания. И, разумеется, язык – инструмент самовыражения, самореализации и борьбы. В таком случае, как ответить на вопрос о том, какое видение сущности языка *отрицается* этой парадигмой? И отрицается ли?

Все-таки *отрицается* – в той мере, в какой отвергается подход к языку как к сосюрговскому *langue* – структуре, изучение которой замкнуто на нее саму как на отдельность и самоценность.

В самом общем виде «лингвистический поворот» как сюжет манифестирует глубокий кризис гуманитарных наук. Стремления к инновациям, обусловленные необходимо-

⁴ Недаром работа историка Х. Уайта обсуждается в содержательном обзоре филолога С. Зенкина и в рецензии культуролога О. Гавришиной [см.: Зенкин С. Н. Критика нарративного разума // «Новое литературное обозрение», 2003, № 59, с. 524–534; Гавришина О. В. История как текст // Указ. изд., с. 535–539].

стью по-новому взглянуть на известные объекты, проявились в данном случае в попытках объединить изучение языка и литературы с изучением истории идей, а также истории социальных и ментальных структур. Вместе с тем, будучи осознан именно как проявление кризиса, «лингвистический поворот» – если его рассматривать герменевтически, а не ученически-буквально, позволяет лучше понять, в чем именно проявляется современная «проблемность» гуманитарных наук.

Эклектичность подходов и методов, которая выражается в размывании границ между исследовательскими «жанрами» не только в пределах изучения, например, языка и литературы, но также «языка литературы» и литературного языка, порождает запрос на нечто всеохватное и не слишком «техническое». Уже у таких идейно противоположных и даже несовместимых, казалось бы, авторов, как Вежбицкая и Лакофф, мы найдем способы *говорения о языке*, находящиеся между наукой и эссеистикой, между метанучной рефлексией и жанром философского фрагмента [Wierzbicka 1996; Лакофф 2004]. Даже те исследователи, которые отправной точкой имели в свое время формальные модели наподобие модели «Смысл–Текст» Мельчука–Жолковского, переформулируют свои умозаключения в направлении их меньшей формализации, обнаруживая неполноту подобных моделей [Урысон 2003].

Таким образом, нашего внимания заслуживает не столько сам факт популярности идей (а нередко – лишь имени Уайта!) среди широких кругов гуманитариев, сколько анализ причин влиятельности этого подхода (см. выше пп. (а) и (б)) – прежде всего, в контексте бытования лингвистики и комплекса наук о литературе. Очевидно, что остались в прошлом иллюзии о возможностях «переустройства» лингвистики по аналогии с математикой и совершенствовании наук о человеке в духе построений Куайна, фон Вригта и то ли раннего, то ли позднего Витгенштейна. Но все же в науке принято придерживаться традиции «доказательной интерпретации», где при всей сложности предмета исследования утверждается необходимость – и возмож-

ность – отличать *мнение* (вне зависимости от того, кто его высказал) *от знания*. Однако как раз на примере *сюжеттики* «лингвистического поворота» хорошо видно, что, помимо определенного стимулирующего эффекта, массовая апелляция к терминологии Уайта привела к тривиализации его позиций и способствовала размыванию границ между *мнениями и знаниями*.

И все-таки: насколько уместно в словосочетании «лингвистический поворот» слово «лингвистический»?

Думаю, не слишком, потому что *поворот* (которого, в сущности, не было) касался не науки *лингвистики*, а *отношения к использованию языка и его инструментов*. Во введении, неслучайно названному Уайтом «Поэтика истории», автор сформулировал, как он видит свои задачи *историографа* и подробно объяснил, чьи теории были для него особенно значимы: это Якобсон, Эйхенбаум, Томашевский и Шкловский – еще одно свидетельство упомянутой выше расширенной рецепции русского формализма на Западе. Однако главные *герои* Уайта – четыре историка XIX в. – Мишле, Ранке, Токвиль и Буркхард, и четыре философа – Гегель, Маркс, Ницше и Кроче – различаются вовсе не тем, что в своей метафорике и сюжетике следовали канонам разных литературных стилей и направлений, а тем, что по-разному понимали «смысл и назначение истории».

Так состоялся ли вообще «лингвистический поворот»? Представляется, что да – в качестве поучительного *эпизода* в истории гуманитарных наук. Но не более того.

Закончу словами А. Лавджоя:

«И более значима в данном отношении не та догма, которая провозглашается – как бы ни было однозначно или же богато ее содержание – а те мотивы или зоны, которые привели к ее утверждению. Но ведь сходные мотивы и основания могут приводить к очень разным выводам, а одни и те же выводы, в разные эпохи или в разных головах, возникают вследствие совершенно различных логических и не только логических посылок» .

Список литературы

- Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. – М., 2005.
- Алпатов В.М.* История лингвистических учений. – М., 1998.
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. – М., 1974.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма [1904–1905] // Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. – М., 1990, С. 61–208.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.
- Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. – М., 1929.
- Волошинов В.* Философия и социология гуманитарных наук. – СПб., 1995.
- Гавришина О.В.* История как текст/«Новое литературное обозрение», 2003, №59, С.535-539.
- Гирц К.* Идеология как культурная система [1964] / Гирц К. Интерпретация культур. Пер. с англ. – М., 2004, – С. 225–267.
- Гофман И.* Анализ фреймов. Пер. с англ. – М., 2003 [1974].
- Гронас М.* Актуальность Лотмана // «Новая русская книга», 2002, № 1.
- Гуревич А.Я.* История историка. – М., 2004, – С. 189–194.
- Зенкин С.Н.* Критика нарративного разума // «Новое литературное обозрение», 2003, №59, – С. 524–534.
- Кибрик А.А., Плунгян В.А.* Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. – М., 1997, – С. 276–339.
- Копосов Н.Е.* Как думают историки. – М., 2001.
- Лавджой А.* Великая цепь бытия. Пер. с англ. – М., 2001 [1936], – С. 10.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. – М., 2004 [1980]
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Пер. с англ. – М., 2004 [1987].
- Лотман Ю. М.* Литературоведение должно быть наукой // «Вопросы литературы», 1967, № 1, – С. 90–100.
- Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл–Текст». – М., 1974.
- Мёртон Р.К.* Об истории и систематике социологической теории [1968] // Мёртон Р. К. Социальная теория и социальная структура. Пер. с англ. – М.: АСТ, 2006а, – С. 60–61.
- Полетаев А.В.* Должны ли ученые общаться с призраками? Тезисы к докладу на семинаре ИГИТИ 20 февраля 2007 г., С. 3.
- Соссюр Ф., де.* Курс общей лингвистики. Пер. с франц. – М., 1977 [1906–1911].
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. Пер. с франц. – М., 1988 [1959 посм.].
- Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.
- Уайт Х.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Пер. с англ. – Екатеринбург, 2002 [1973].
- Уваров П.Ю.* Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. – М., 2004
- Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира : Аналогия в семантике. – М., 2003.
- Фрумкина Р. М.* Теории среднего уровня в современной лингвистике // «Вопросы языкознания», 1996, № 2, – С. 55–67.
- Фрумкина Р. М.* Размышления о самосознании лингвистов и филологов (этические аспекты) // «Интеллектуальный форум», 2000, № 3, – С. 152–171.
- Фрумкина Р. М.* Категоризация как познавательная процедура: сословия и социальные группы / «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории». – М., 2005, – С.132-149.
- Хомский Н.* Язык и мышление. Пер. с англ. – М., 1972 [1968].
- Хомский Н.* Синтаксические структуры [1957] // Новое в лингвистике. Вып. 2. – М., 1962, – С. 412–527.
- Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. Пер. с англ. – М., 1972. [1965].
- Эрлих В.* Русский формализм: история и теория. Пер. с англ. – СПб., 1996 [1955/1981].
- Ясперс К.* Общая психопатология. Пер. с нем. – М., 1995 [1913/1959].
- Tesnière L.* Esquisse d'une syntaxe structurale. P., 1953.
- Wierzbicka A.* Semantics. Primes and universals. Oxford; – N.Y., 1996.

ВОПРОСЫ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ
И ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1967

Т.В. Рябова (Ахутина)

МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ
ПО ДАННЫМ АФАЗИОЛОГИИ

Для научного обоснования методики обучения иностранному языку необходимо знать не только закономерности процесса приобретения речевых умений и навыков, но и четко представлять механизм говорения как на иностранном, так и на родном языке. Чем точнее будут наши знания по этим вопросам, тем шире будут наши возможности к созданию совершенной методики, тем эффективнее в конечном счете будет процесс обучения.

Однако современная психолингвистика – наука, которая занимается вопросами протекания речевой деятельности, – не выработала еще единой целостной системы взглядов на механизм порождения и восприятия речи. В её арсенале имеется пока лишь несколько гипотез, экспериментальная проверка которых еще не привела к определенным однозначным выводам, поскольку не найден такой критический эксперимент, который дал бы возможность подтвердить одну гипотезу и отвергнуть другие¹.

В то же время существует «природный эксперимент», который позволяет приблизиться к решению этой задачи. Таким экспериментом являются случаи особого речевого расстройства – афазии. При афазии в результате поражения определенных зон коры головного мозга нарушаются определенные звенья речевого механизма. Проанализировав, какие звенья страдают при различных формах афазии, мы можем сделать некоторое заключение о составе звеньев речевого процесса. Разумеется, в таком случае

точность наших выводов о механизме речи будет зависеть от точности анализа афазических расстройств.

Современная нейропсихология рассматривает речевую способность как одну из сложных функциональных систем, включающую в свой состав много звеньев и опирающуюся на совместную работу многих участков коры головного мозга, каждый из которых выполняет свою особую роль². При поражении любого из участков страдает вся речь в целом, но каждый раз это нарушение специфично: оно зависит от того, какую «собственную функцию» выполнял данный участок, какие вторичные системные нарушения он вызвал, какие функциональные перестройки возникли в результате этого. Таким образом, внешняя картина афазического расстройства складывается из первичных, вторичных и третичных факторов и для выделения первичного дефекта необходим специальный т.н. «факторный» анализ. Только такой качественный структурный анализ позволяет проникнуть как в механизм нарушения, так и в механизм нормальной деятельности функции. Не снимая трудностей переноса данных патологии на норму, факторный анализ делает его принципиально возможным. Заслуга обоснования и разработки такого анализа принадлежит в первую очередь проф. А.Р. Лурия. Его исследования нарушений высших корковых функций и, в частности, речи позволяют сделать определенные заключения о механизме речевого процесса в норме.

В этой статье мы попытаемся подыто-

жить те выводы о механизме порождения речи, которые вытекают из концепции А.Р. Лурия о структуре афазических нарушений. Для этого мы последовательно рассмотрим все виды афазий, выделяемые А.Р. Лурия, и проследим, какое ведущее языковое нарушение вызывается первичным дефектом деятельности мозга и как оно влияет на экспрессивную речь³. Таким образом мы попытаемся выяснить, какие элементы необходимы для нормального процесса порождения речи.

Рассмотрение видов афазий мы начнем с той группы, которая характеризуется нарушениями преимущественно экспрессивной речи.

Динамическая афазия

Синдром динамической афазии возникает при поражении областей лобной доли левого полушария, расположенных впереди от «зоны Брока». Проявления этой формы афазии весьма разнообразны: от очень легких, почти незаметных для постороннего наблюдателя нарушений до грубого распада экспрессивной речи. Общим для всех форм динамической афазии является то, что у больных при отсутствии развернутой фразовой речи нет трудностей в повторении, в назывании, в понимании речи, то есть у них нет ни сенсорных, ни акустико-мнестических нарушений и нет или почти нет моторных нарушений. Такие больные легко перечисляют дни недели, месяцы, им доступно воспроизведение упроченных штампов (речевые стереотипы, поговорки, стихотворные строчки), они без труда отвечают на те вопросы, которые не требуют распространенного ответа. Речевые трудности у этих больных появляются лишь при необходимости построить активное развернутое высказывание. Такие больные не могут подробно рассказать о себе, пересказать увиденное или услышанное, написать письмо.

В целях анализа из разнообразных проявлений динамической афазии можно выделить два различных варианта. Один из них

ближе к явлениям общей аспонтанности, возникающей при более передней локализации, второй – ближе к эфферентной моторной афазии, вызываемой более задними нарушениями. В клинической практике оба варианта встречаются чаще всего вместе. Но обычно один из вариантов преобладает. Описывая их отдельно, мы несколько схематизируем материал, но это неизбежно при любом анализе⁴.

Первый вариант динамической афазии. Как пишет А.Р. Лурия: «В группу лобных “динамических афазий” входят и такие варианты, при которых ... вся картина начинает сводиться к глубокому нарушению активного, плавно разворачивающегося речевого процесса. Обычно за этим нарушением стоит распад единства мышления и речи, проявляющийся в резком затруднении создания речевого “замысла”»⁵.

Нарушения замысла могут быть разными по степени выраженности: в тяжелых случаях больной вообще молчит и не пытается начинать говорить; в более легких случаях нарушение может быть почти незаметным для постороннего наблюдателя, проявляясь лишь при необходимости планировать достаточно развернутые высказывания. (Такие больные не могут составить сочинения, связно рассказать сюжетную картинку, но относительно легко составляют рассказ по серии картинок, где последовательность картинок создает план рассказа).

По словам А.Р. Лурия, «... эти больные жалуются на какую-то пустоту в голове», отмечают, что их мысль «стоит, не двигается», что они испытывают большое затруднение, когда им нужно начать что-нибудь активно рассказывать. Они указывают на то, что у них отсутствует ясное внутреннее представление о том, что им предстоит сказать. (“Раньше я ясно знал, что мне нужно сказать вот так и вот так, а теперь хочу начать, а впереди – ничего, пустота”)⁶.

А.Р. Лурия высказывает предположение, что у больных с этой формой афазии страдает внутренняя динамическая схема высказывания, в результате чего «общая

мысль, не воплощающаяся в известную внутреннюю речевую схему, не выходит за пределы общей, неоформленной интенции»⁷ и не может служить поэтому основной для построения высказывания. По мнению А.Р. Лурия, это нарушение вызывается распадом внутренней речи, которую он вслед за Л.С. Выготским рассматривает как производное от внешней речи образование, отличающееся от нее своей структурой и функциями. Согласно этой точке зрения, внутренняя речь непосредственно связана с сокращением развернутого предложения до общей смысловой схемы и развертыванием общей смысловой схемы до целого высказывания⁸.

Таким образом, у больных, страдающих лобной динамической афазией, грубые дефекты активного построения развернутой экспрессивной речи вызываются распадом тех сокращенных внутренних речевых схем, которые служат основой для развертывания высказывания. Из этого следует, что **внутреннеречевая схема высказывания** является необходимым звеном порождения речи.

Второй вариант динамической афазии, как мы уже указывали выше, близок эфферентной моторной афазии. Общим для обоих видов афазии является патологическая инертность, которая в синдроме эфферентной моторной афазии проявляется ярко во всех пробах, а при динамической афазии – лишь в усложненных.

Отличие этого варианта динамической афазии от первого заключается в том, что у больных с вторым вариантом динамической афазии меньше выражены дефекты речевой инициативы, но зато резко проявляются трудности в грамматическом построении фразы. Хотя речь больных первой группы грамматически упрощена и в ней нет сложных «дистантных» и «инвертированных» конструкций, но аграмматизмов в ней нет или почти нет. В то же время в речи больных второй группы нередко появляются ошибки в согласовании, управлении, в порядке слов, в употреблении видо-временных форм глагола. Больные затрудняются и в выполнении изолированных грамматических операций:

образовании родственных слов, склонении существительных, спряжении глаголов. Все эти данные свидетельствуют о глубоком распаде грамматического строя речи у этих больных.

Подытоживая вышеизложенное, мы можем заключить, что для обоих вариантов динамической афазии характерно нарушение активной развернутой речи при сохранении речевых стереотипов и «рядовой речи» (перечисление дней недели и т.п.). Но если в первом варианте это объясняется нарушением внутреннеречевой схемы высказывания, то во втором – нарушением грамматического структурирования. Этот вывод заставляет предположить, что в механизме порождения речи есть звено грамматического структурирования, грамматической схемы предложения.

Эфферентная моторная афазия

Этот вид афазии возникает при поражении нижних отделов премоторной зоны левого полушария, куда входит и классическая зона Брока. Первичный дефект, вызывающий эту афазию, заключается в нарушении кинетической организации тонких двигательных актов вообще и речевых актов в особенности. Этот дефект ведет к нарушению схемы предложения, что объединяет этот вид афазии с предыдущим. При эфферентной моторной афазии распад грамматической структуры предложений протекает очень грубо и принимает форму «телеграфного стиля». Один из больных А.Р. Лурия с этой формой афазии так передавал историю своего ранения: «Вот... фронт... и вот... наступление ... вот... взрыв... и вот... ничего... вот... операция ... осколок... речь, речь... речь»⁹. Если использовать терминологию Хомского, то можно сказать, что у больных распадаются даже ядерные предложения и утрачиваются обязательные трансформации.

Но трудности больных не ограничиваются этим. Вторым следствием первичного дефекта является распад схемы слова. При выраженных формах эфферентной мотор-

поражения передних отделов – задних отделов) существует еще и другая классификация: нарушения экспрессивной речи – нарушения импрессивной речи. Это разделение традиционное, хотя и довольно условное, поскольку, например, при афазиях, которые принято считать импрессивными расстройствами, экспрессивные трудности так же ярко выражены (см. ниже семантическую и акустико-мнестическую афазии). Все перечисленные выше виды афазий составляют группу экспрессивных расстройств, все нижеследующие относятся к импрессивным.

Мы начнем рассмотрение этой группы афазий с семантической афазии, где происходят нарушения одних из наиболее сложных видов речевой деятельности.

Семантическая афазия

Эта форма афазии возникает при поражении теменно-затылочной (точнее, теменно-височно-затылочной) области левого полушария. Нарушение речи при семантической афазии проявляется в трудностях нахождения слов и в дефектах понимания логико-грамматических отношений. Исследователи, и в частности А.Р. Лурия, предполагают, что механизмом этого вида афазии являются дефекты симультанного синтеза. Больной понимает детали сообщаемого, но не может совместить их в единую цельную картину. Так, например, больной понимает значение слов «отец» и «брат», но значения выражения «брат отца» он понять не может. В то же время нарушение симультанного синтеза, видимо, ведет к нарушениям «смыслового строения» слова. Как пишет А.Р. Лурия, «это нарушение заключается в том, что непосредственный образ, скрывающийся за словом, или его непосредственная предметная отнесенность остается сохранным, вся же кроющаяся за словом система связей и отношений оказывается глубоко нарушенной»¹³. Этот распад комплекса системных связей слова приводит к тому, что автоматизированный в норме поиск слова нарушается, и больные начинают испытывать затруднения

в нахождении слова, подолгу отыскивая слово или заменяя его вербальными парафазиями. (Особенно отчетливо эти затруднения проявляются при необходимости вспомнить название предъявленного предмета). Наличие поисков слова и вербальных парафазий заставляет предполагать, что у описываемой группы больных затруднена конкретизация широких субъективных смыслов внутреннеречевого замысла в определенные точные слова, то есть нарушена операция выбора слов из семантических парадигм. Но, следовательно, в механизме порождения речи должно существовать звено **выбора слов по их значению**.

Акустико-мнестическая афазия

Этот вид афазии возникает при поражении средних отделов конвекситальной поверхности левой височной доли и характеризуется слабостью слухо-речевых следов. Больные этой группы не в состоянии удержать в памяти длинную фразу или ряд слов, грубые затруднения они испытывают и в нахождении нужных слов, особенно при назывании предметов и явлений. Внешне нарушения экспрессивной речи у больных с акустико-мнестической афазией похожи на трудности семантических афазиков, но внимательное рассмотрение обнаруживает различие как в проявлении, так и в механизме этих трудностей. Так, больные с семантической афазией легко подхватывают подсказку, в то время как больным с поражением височных отделов коры нередко не помогает даже достаточно развернутая подсказка. Этот факт говорит о том, что в основе мнестических затруднений лежат ослабленные акустико-гностические расстройства. Это предположение подтверждается и изредка наблюдаемыми явлениями «отчуждения» смысла слов, показывающими близость этой формы афазии с сенсорными расстройствами.

Сопоставив этот вид нарушения экспрессивной речи с предыдущим, мы должны предположить, что существуют или два уровня «хранения» слова или два пути поис-

ка нужных слов. И если при семантической афазии нарушается выбор слова по его значению, то при акустико-мнестической афазии нарушается **выбор слова на основе звуковых следов**. (Обсуждение этого см. ниже).

Сензорная афазия

Синдром сенсорной афазии возникает при поражении задней трети верхней височной извилины. Механизм этого вида афазии в некоторых отношениях близок механизму акустико-мнестической афазии. (Ср. с динамической (синтаксической) афазией, которая близка эфферентной моторной афазии). Тонкие нарушения акустического гнозиса, наблюдающиеся у акустико-мнестических афазиков, только в усложненных условиях, при сенсорной афазии проявляются весьма отчетливо, выражаясь в распаде фонематического слуха.

Нарушение фонематического слуха в первую очередь сказывается в импрессивной речи, вызывая нарушения понимания и явления «отчуждения» смысла слов, когда больной может повторить (имитировать) произнесенное кем-нибудь слово, но не может понять его значения¹³. В тяжелых случаях больные с сенсорной афазией воспринимают чужую речь как нечленораздельную шум, в легких случаях их затрудняет только распознавание «оппозиционных» фонем (б-п, м-м' и т.п.).

Экспрессивная речь больных страдает сравнительно меньше. В легких случаях у больного имеются лишь затруднения в нахождении слов и отдельные ошибки в их произношении (литеральные парафазии). В более грубых случаях речь больных становится неразборчивой и превращается в «словесный салат». Но даже при такой выраженности афазических расстройств некоторые привычные слова, произнесение которых не требует специального звукового анализа и которые давно стали упроченными речедвигательными стереотипами, проговариваются больными безошибочно. Примером таких штампов могут служить следующие слова:

«ну вот...», «как бы сказать...»¹⁵.

Следовательно, в механизме порождения речи звуковой анализ также принимает участие, его нарушения могут влиять как и на выбор слов («поиски» слова, вербальные парафазии), так и на выбор звуков (литеральные парафазии). Это говорит о том, что в процессе порождения речи имеется звено, осуществляющее **слуховой контроль за выбором слов и звуков**.

Включив его в набор звеньев порождения речи, мы можем подвести итог, поскольку нами рассмотрены все виды афазий, выделяемые А.Р. Лурия. Для наглядности приведем таблицу, показывающую соотношение видов афазий и звеньев порождения речи (см. таблицу 1).

Итак, в результате рассмотрения нарушений речи при различных формах афазии мы выделили семь звеньев порождения речи. Попробуем теперь установить, какое место занимает каждое звено в процессе порождения речи.

Очевидно, порождение речи начинается с **внутренней динамической схемы высказывания** или, иными словами, с замысла высказывания во внутренней речи. Этот замысел является сокращенным внутреннеречевым эквивалентом будущей внешней речи. От внешней речи он отличается грамматической неформленностью, особым семантическим строем и редуцированием звуковой формы. Эти особенности внутренней речи были выделены Л.С. Выготским¹⁶, но они вытекают и из нашего материала. Здесь можно использовать следующее рассуждение: если внутренняя речь грамматически не оформлена, то, следовательно, для ее превращения в речь внешнюю необходимо грамматическое структурирование. И, наоборот, если существует механизм грамматического структурирования, то значит, внутренняя речь грамматически не оформлена. Анализируя формы афазии, мы выделили, кроме грамматического структурирования, еще механизм выбора слов по их значению и сложный многоступенчатый процесс нахождения полной звуковой формы слова. Следовательно,

Таблица 1.

Нарушение звеньев порождения речи при различных формах афазии

Виды афазий Звенья порождения речи	Нарушения преимущественно экспрессивной речи				Нарушения преимущественно импрессивной речи		
	1 динамическая	2 динамическая	эфф-рентная	афф-рентная	семанти-ческая	акустико-мнестич.	сензорная
Внутренне-речевая схема высказывания							
Грамматическое структурирование предложения							
Послоговая схема высказывания							
Выбор звука по кинестическим признакам							
Выбор слова по значению							
Выбор слова на основе слуховых следов							
Слуховой контроль							

действительно внутреннеречевому замыслу присущ особый семантический строй, грамматическая неоформленность и сокращенность звуковой стороны¹⁷.

Каким образом происходит развертывание внутреннего замысла высказывания? Мы можем предположить, что за созданием внутреннеречевой схемы высказывания идет **выбор слов**.

Но прежде чем говорить о том, каким образом происходит отбор семантических единиц, мы должны попытаться ответить на вопрос, что является носителем значения будущего высказывания до момента нахождения слов. Разумеется, мы не можем предположить, что возможно существование «чистых» значений, не имеющих материальной опоры, материального выражения. Точно так же мы

должны отвергнуть точку зрения отдельных исследователей и интерпретаторов афазии, которые предполагают, что значение (или понятие) имеет свой собственный анатомо-физиологический субстрат и лишь ассоциативно связано со словом. Сторонники этой точки зрения непосредственно привязывают понятие, то есть идеальное явление, к определенным структурам мозга (см., например, «ганглиозный эквивалент понятия» у Робертса и Пенфильда¹⁸). Таким образом, актуализация понятия считается такой же функцией определенных элементов головного мозга, как выделение инсулина поджелудочной железой. Совершенно понятно, что такое вульгарно-материалистическое толкование неприемлемо. Значение слова (так же, как и понятие в узком, терминологическом смысле)

возникает и функционирует в «общественно-определенной деятельности»¹⁹ человека и существует как способность воссоздать соответствующий объект, опираясь на слово, которое является «жилплощадью» инобытия этого объекта, телом идеального образа. Без материального знака не может существовать значение. Но только ли слово может быть «телом» значения? Вслед за Л.С. Выготским и Н.И. Жинкиным мы предполагаем, что внутреннюю речь обслуживает особый код. Вероятно, код этот смешанный, его единицами являются не только слова, имеющие во внутренней речи не объективное значение, а субъективный смысл (идея Л.С. Выготского); но и схематичные представления (идея Н.И. Жинкина)²⁰.

Приняв гипотезу о специальном коде внутренней речи в качестве предположения, не противоречащего данным афазии²¹, мы можем перейти к вопросу о том, как осуществляется перевод этого кода на семантические единицы внешнего языка, то есть к вопросу о том, как происходит выбор слова. Данные афазиологии позволяют выделить два этапа нахождения слов: выбор слов по значению и отыскание полной формы слова.

Наличие этих двух операций вновь вызывает сомнение: перед нами вроде бы снова факт разобщения значения и слова. Чтобы объяснить наличие двух этапов в нахождении слова, необходимо допустить, что знаком – носителем словесных значений в человеческом мозге являются свернутые формы слов, полные формы которых еще необходимо найти. Согласно этому предположению на первом этапе происходит перевод субъективных смыслов замысла высказывания, выраженных внутреннеречевым кодом, в семантические единицы определенного языка, для чего отыскивается слово с нужным значением в соответствующей лексической группе (парадигме), точнее, не слово, а его свернутая форма; на втором этапе находится полная звуковая форма слова.

С точки зрения этой гипотезы становится понятным тот общеизвестный факт, что подсказка хорошо помогает семантическому

афазнику и плохо акустико-мнестическому. У больного с семантической афазией нарушен первый этап выбора слов: поиск опорных звуков. Нахождение опорных звуков с помощью подсказки ведет к мгновенной экфории слова, поскольку переход от опорных звуков к полной форме не нарушен. У акустико-мнестического афазика, видимо, наоборот, страдает второе звено, поэтому подсказка, дающая лишь опорные звуки, не помогает.

Косвенным доказательством данного предположения могут служить и наблюдения за способами поиска слов. Существуют два пути такого поиска. Первому этапу соответствует поиск слов на основе определенного образа (ср. припоминание «лошадиной» фамилии в рассказе А.П. Чехова), второму – поиск слов на основе опорных звуков (свернутой звуковой формы), когда перебираются слова, близкие по звучанию²².

Два этапа выбора слов соотносятся с двумя видами парадигматических связей слова: по значению и по звучанию. Многочисленные ассоциативные эксперименты отчетливо показывают наличие обоих видов связи при большей активности связей по значению²³.

Кроме того, высказанная нами гипотеза хорошо объясняет относительную свободу слова и значения или, иными словами, «лексемы» и «понятия», о которой пишет в этом сборнике Е. Верещагин.

Мы не знаем, следует ли оба этапа нахождения слов непосредственно друг за другом или они разделяются грамматическим структурированием предложений. Если принять второй вариант, тогда за созданием замысла высказывания, выраженного особым кодом внутренней речи, идет **выбор слов**, то есть осуществляется перевод кода внутренней речи на единицы определенного языка, представленные свернутыми (опорными) формами слов. Затем следует **грамматическое структурирование** предложения, после чего становится возможным **нахождение полных грамматически оформленных форм слов**.

За нахождением полной звуковой фор-

мы слова, видимо, идет создание или поиск **кинестической программы высказывания**. Как показывают данные афазии и исследования фонетистов-физиологов, эта программа является слоговой²⁴. В процессе её реализации первостепенное значение имеет кинестетический анализ, при помощи которого осуществляется **точное нахождение артикулем**. В контроле за произнесением звуков принимает участие не только кинестетический, но и **слуховой анализатор**. (См. таблицу 2).

В процессе порождения речи выделяются два вида операций. К первому виду относится составление схем предложения разной степени конкретности: создание внутреннеречевого замысла, грамматическое структурирование и составление послоговой кинестической схемы высказывания (левый столбец табл. 2). Эти операции создают остов, костяк, программу последующей деятельности и представляют собой комбинацию элементов, связанных отношением **смежности**, в последовательный (*сукцессивный*) комплекс.

Операции второго вида обогащают, конкретизируют схему. Сюда относится нахождение слов и звуков (правый столбец таблицы 2). Эти операции представляют собой выбор элементов, связанных отношением **сходства** и составляющих *симультанное* целое.

Таким образом, комбинирование

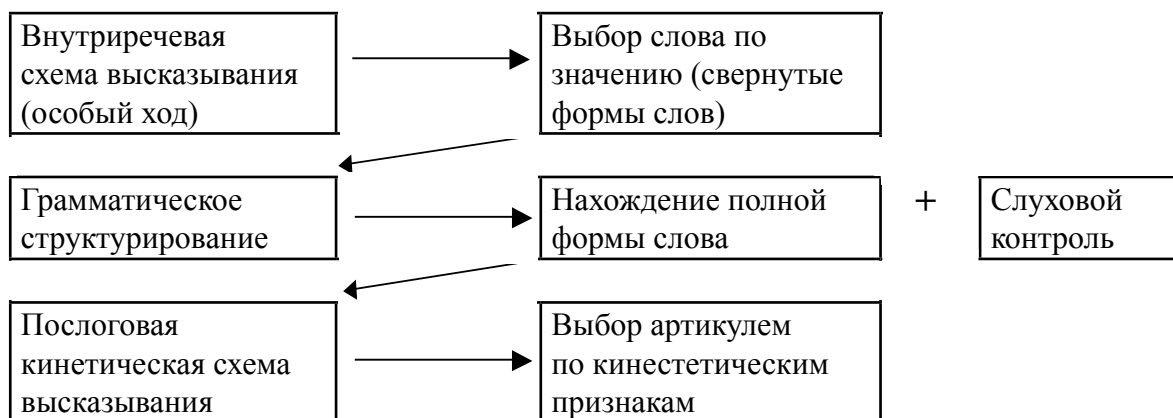
смежных элементов производится на основе сукцессивного синтеза, а выбор сходных элементов – на основе симультанного синтеза. Тем самым, два выделенных лингвистами вида связи языковых элементов²⁵ соотносятся с двумя видами синтетической деятельности коры человеческого мозга²⁶ и, следовательно, дихотомии комбинирования – выбора, смежности-сходства, сукцессивности-симультанности совпадают.

Нарушения операций первого вида вызывают нарушения преимущественно экспрессивной речи, нарушения операций второго вида вызывают и импрессивные и экспрессивные нарушения. Так, например, афферентная моторная афазия, являясь нарушением экспрессивной речи, вызывается дефектом выбора артикулем. Таким образом, перечисленные выше дихотомии не совпадают с дихотомией экспрессивных-импрессивных нарушений речи.

Этот вывод противоречит точке зрения Р. Якобсона²⁷, согласно которой дихотомии комбинирования-выбора, смежности-сходства совпадают с дихотомией кодирования-декодирования (экспрессивных-импрессивных нарушений речи) и отличаются от дихотомии сукцессивности-симультанности. Не останавливаясь на этом подробнее, дадим лишь сравнительную таблицу распределения афазий согласно обеим точкам зрения.

Таблица 2.

Механизм порождения речи

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какие же выводы и предположения относительно механизма порождения речи можно сделать на основе современных представлений об афазии? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, вновь вернемся к таблице 2. Эта схема показывает состав звеньев речевого механизма и предполагаемое ведущее направление, основную последовательность операций порождения речи. Порождение речи начинается с внутреннеречевого замысла высказывания. Вслед за ним идет выбор слов. Он происходит в два этапа. Сначала осуществляется перевод широких субъективных смыслов внутренней речи, выраженных особым кодом, в единицы значения определенного внешнего языка. Поскольку эти значения опираются на свернутые формы слов, говорящий должен далее найти соответствующую полную форму слова. Однако делает он это, вероятно, после создания грамматической схемы предложения, позволяющей отыскивать уже грамматически оформленные полные формы слов. За этими операциями следует нахождение послоговой двигательной программы высказывания и ее реализация, которая идет под контролем кинестетического

и слухового анализаторов.

Данные афазии позволяют предположить, что описанный нами процесс представляет собой наиболее развернутый вариант порождения речи, который может сокращаться в зависимости от вида речи, от степени автоматизированности речевого материала. Так, односложные ответы в диалоге не требуют активного построения грамматической схемы, а используют схему, данную в вопросе. Стереотипные выражения не требуют различных видов контроля и грамматического структурирования.

Предложенная модель механизма порождения речи, построенная по данным анализа афазии, конечно, нуждается в проверке, уточнении, в дальнейшей разработке. С одной стороны, эта разработка может идти по пути изучения афазии. (Например, детальное психолингвистическое исследование динамической афазии может дать более подробные сведения о внутреннеречевой схеме высказывания и грамматическом структурировании).

С другой стороны, данные исследования афазии должны проверяться и подкрепляться другими данными, поскольку изучение афазии, помогая довольно точно уяснить состав звеньев речевого механиз-

Таблица 3

Наша точка зрения

Комбинирование Смежность Сукцессивность			Выбор Сходство Симультанность			
1-динамическая	2-динамическая	Эфферент. моторная	Афферент. моторная	Семантическая	Акустико-мнестич.	Сензорная
Преимущ. экспрессивные нарушения (кодирование)			Преимущ. импрессивные нарушения (декодирование)			

Точка зрения Р. Якобсона

Кодирование Комбинирование Смежность			Декодирование Выбор Сходство			
Динамическая	Эфферент. моторная	Афферент. моторная	Семантическая	Акустико-мнестич.	Сензорная	
Сукцессивность		Симультанность		Сукцессивность	Симультанность	

ма, не говорит о динамике, о последовательности этих звеньев в процессах порождения и восприятия речи.

Несмотря на ограниченные возможности примененного метода, он оказался полезным. Сравнивая модель порождения

речи по данным афазиологии с существующими моделями, можно отметить ее большую конкретность. Все это заставляет принять изучение афазических нарушений как один из методов психолингвистического изучения нормальной речевой деятельности.

---

¹ См., например, *Ch. E. Osgood. On understanding and creating sentences. «Amer. Psychologist», v. 18, 1963, № 12. G.A. Miller. Some psychological studies of grammar. Там же, 17, 1962, № 11.1.*

² Подробнее см. *А.Р. Лурия. Высшие корковые функции человека. Изд-во МГУ, 1962, стр. 62-69. Его же. Мозг человека и психические процессы. Изд-во АПН РСФСР, М., 1963, стр. 65-68.*

³ В данном случае под термином «экспрессивная речь» понимается говорение в отличие от «импрессивной речи», то есть восприятия.

⁴ Два варианта динамической афазии были выделены А.Р. Лурия в 1947 г. в книге «Травматическая афазия» (см. стр. 98-103 – 1 вариант, стр. 94-98 – 2 вариант). Хотя в более поздних трудах, например, в «Высших корковых функциях» (1962 г.) он не делает такого разграничения, наше исследование динамической афазии, проводимое под руководством ближайшего сотрудника А.Р. Лурия, Л.С. Цветковой, подтвердило правомерность такого деления. Нами была особенно выделена роль нарушений грамматической стороны речи в синдроме второго варианта динамической афазии. Об этом подробнее см. *Т.В. Рябова. К психолингвистическому анализу речи больных с динамической афазией (в печати).*

⁵ *А.Р. Лурия. Травматическая афазия. М., 1947, стр. 98-99.*

⁶ Там же, стр. 99.

⁷ Там же, стр. 99.

⁸ *Л.С. Выготский. Мышление и речь. В сб. «Избранные психологические исследования». Изд-во АПН РСФСР, М., 1956, стр. 320-385. А.Р. Лурия. Травматическая афазия, стр. 77; Высшие корковые функции, стр. 176; Мозг человека и психические процессы, стр. 297.*

⁹ *А.Р. Лурия. Высшие корковые функции человека, стр. 180.*

¹⁰ *Г.И. Поляков. О структурной организации коры лобной доли мозга в связи с ее функциональным значением. В кн.: «Лобные доли и регуляции психических процессов». Изд-во МГУ, 1966, стр. 45.*

¹¹ *А.Р. Лурия. О двух видах синтетической деятельности коры человеческого мозга. В его книге: «Мозг человека и психические процессы», стр. 111.*

¹² *А.Р. Лурия. Высшие корковые функции человека, стр. 157.*

¹³ *А.Р. Лурия. Травматическая афазия, стр. 154.*

¹⁴ Явления «отчуждения» смысла слов встречаются, хотя и гораздо реже, при акустико-мнестической афазии, что еще раз доказывает близость этих форм афазии.

¹⁵ *А.Р. Лурия. Высшие корковые функции человека, стр. 93.*

¹⁶ *Л.С. Выготский. Мышление и речь, стр. 365-875.*

¹⁷ О некоторых экспериментах, косвенно доказывающих психологическую реальность звена внутренней динамической (линейной) схемы высказывания см. *А.А. Леонтьев*. Психолингвистические проблемы порождения фразы. Современное состояние проблемы. «Теория речевой деятельности» (Проблемы психолингвистики). М., «Наука» (в печати).

¹⁸ *В. Пенфильд, Л. Робертс*. Речь и мозговые механизмы. Л., 1964.

¹⁹ *Э.В. Ильенков*. Идеальное. «Философская энциклопедия», т. 2, М., 1962.

²⁰ *Л.С. Выготский*. Мышление и речь, стр. 374-375. *Н.И. Жинкин*. О кодовых переходах во внутренней речи. ВЯ, 1964.

²¹ Необходимо отметить, что нарушение обобщенных зрительных представлений (зрительная агнозия) не вызывает нарушений внутренней речи, внутреннего программирования.

²² О втором пути поиска значений см. *R. Brown, D. McNeill*. The «tip of the tongue» phenomenon. JVLVB, 1966, № 4.

²³ Обзор работ по ассоциативному эксперименту см., например, в статье Ю.Д. Апресяна: *Ю.Д. Апресян*. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. «Проблемы структурной лингвистики», М., 1963.

²⁴ *Л.А. Чистович* и др. Речь. Артикуляция и восприятие. М.–Л., 1965.

²⁵ См. об этом у Р. Якобсона: *R. Jakobson*. Towards a linguistic typology of aphasic impairments. In: «Disorders of language», Ciba Foundation. London, 1964.

²⁶ *А.Р. Лурия*. О двух видах синтетической деятельности... В кн: «Мозг человека и психические процессы», стр. 69-113.

²⁷ *R. Jakobson*. Towards a linguistic typology...

О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С.А. Биби и Ж.В. Зарицкая (под науч. ред. О. И. Матьяш) «Межличностная коммуникация: теория и жизнь». – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.

*Качество общения, как и самой жизни, не заменить
никаким количеством.*

Афоризм без определенного авторства

*Бездна и свет миров,
Страдание во времени и жажда вечности,
Видение, событие и поэма –
Были и есть диалог с Тобой.*
Из посвящения Мартина Бубера жене Паулине

Я раскрыла эту книгу, посмотрела на ее содержание и задумалась: «А что значит коммуникация для меня лично?» И поняла, что это то, что составляет, по сути, основу нашего бытия, существования, а вернее моего сосуществования с другими людьми.

Так, несколько лет назад я писала книгу о языковом сознании. Эпиграфом к ней я выбрала цитату одного из самых интереснейших философов в СССР Мераба Мамардашвили о том, что «... всякий, кто глубоко занимается сознанием, входит в сферу парадоксальности, к которой невозможно привыкнуть» [Горошко 2003: 2]. Я думаю, что с коммуникацией происходит нечто подобное. Моя первая ассоциация, которая возникает в голове, когда я слышу это слово, – это существительное парадокс. К нему также невозможно привыкнуть, иначе изменится семантика самого понятия, которая постоянно порождает всё новые и новые социальные смыслы... Это подтверждает и цитата из самого рецензируемого учебника: «Человеческая коммуникация сложна и многомерна, как сложен и многомерен сам человек и его мир» [Матьяш и др. 2011: 19].

На мой взгляд, этот учебник интересен по ряду причин. Во-первых, это первое академическое учебное издание подобного рода в области коммуникативистики или коммуникологии (замечу, что на постсоветском

пространстве ещё даже не существует устойчивого названия этому направлению, что говорит о его новизне и достаточно высоком уровне полемичности всего направления, а также его институциональной «неоформленности» в отличие от Запада. Наряду с тем, что в Санкт-петербургском университете на факультете журналистики есть магистратура по коммуникативному направлению, да и их факультет социологии предлагает определенную подготовку по социальным коммуникациям, в НГУ, в МГУ есть подготовка по межкультурной коммуникации - т.е. это вопрос для отдельного изучения - какие коммуникативные программы существуют сегодня в вузах России. Однако однозначно можно сказать, что их мало и что они «нерепрезентативны». На сегодняшний момент в России невозможно получить ученую степень в области коммуникативистики, не является она и отдельным образовательным направлением, как например, на Украине – социальные коммуникации и т.д.). Поэтому издание именно такой направленности, как мне представляется, могло бы способствовать институционализации самой коммуникативистики как учебной вузовской дисциплины, а издание такого плана учебника стало весомым вкладом в продвижение и утверждение этой дисциплины в России и СНГ.

Во-вторых, эта книга явно междисциплинарна, как междисциплинарна и сама те-

ория коммуникации, что показывает только то, что развитие науки в нашем веке идет по пути расширения её парадигмального оператора, т. е. размывания дисциплинарных границ. Следуя идеям Е.С. Кубряковой, о том, что для современных наук характерны такие общие установки, как экспансионизм, антропоморфизм, неофункционализм и экспансионность [Кубрякова 2000: 8], берусь утверждать, что они могут быть применимы и к коммуникативистике. «Коммуникативное знание» становится также более экспансионным, антропоориентированным и неофункциональным, или, говоря простым языком, практически во всех гуманитарных дисциплинах усиливается внимание к роли в них человеческого фактора, к объяснительной силе знания и его воздействия на окружающий нас мир. И эти перечисленные тенденции, свойственные всему дискурсу наук о человеке в XXI веке, прекрасно вычерчиваются и через контекст данной книги. По ней же прослеживается и влияние двух ведущих парадигм современной гуманитарной науки – коммуникативной и когнитивной, что также усиливает междисциплинарность этого труда.

В-третьих, эта книга написана с позиции людей, живущих в разных культурах или на их перекрестках, работающих в различных дисциплинах (социальной психологии, коммуникативистике, культурологии, лингвистике), что особенно важно, чтобы «уловить» ее как междисциплинарный, так и межкультурный контексты.

Итак, о чем говорит нам этот учебник? Сразу отвечу – об особенностях общения между нами, людьми – представителями различных культур, рас, гендеров, возрастов, носителями разных жизненных опытов и мироощущений. С разных позиций и углов зрения, коллектив авторов пытается ответить на вопрос, что есть коммуникация для каждого из нас, т.е. на уровне нашего «Я» (личностном); на уровне диалога с Другим или знаменитого буберовского «Я и Ты» (межличностном); и на уровне беседы «Я и Мы», или разговора с Обществом и его

основными институтами (социальном). И постепенно из этих диалогов «Я – Ты – Они» проступает основной лейтмотив этой книги – показ того, как в обществе выстраивается или, как более принято говорить в науке, «конструируется» наше общение – через смысл, контекст, мораль, эмоцию, культуру, язык. Авторы достаточно убедительно показывают этот – отчасти достаточно обыденный, а порой совсем парадоксальный – процесс сотворения нашей реальности через порождение социальных смыслов, что и составляет суть человеческого общения. И эта суть социального конструирования реальности через общение прекрасно проиллюстрирована всего одной фразой из текста книги «... как мы говорим о нашей реальности, такова она и есть» [Матьяш и др. 2011: 73]. И здесь интуитивно в моей памяти всплывает знаменитое витгенштейновское – «границы моего языка – это границы моего мира».

Читая этот учебник, мне было приятно встретить на его страницах имена Мартина Бубера и уже упомянутого мною Людвига Витгенштейна, Эрвинга Гоффмана и Михаила Бахтина, Герта Хофстеде и Джорджа Герберта Мида, благодаря усилиям которых коммуникативистика превратилась в одну из интереснейших и – не побоюсь этого эпитета – перспективнейших гуманитарных дисциплин уже XXI века, весь потенциал которой мы вряд ли ещё полностью ощущаем или осознаем.

Замечу, что мне понравилась также и композиционная структура учебника, что кроме теоретической части в нем содержится достаточно много иллюстративного материала в вербальном (под заголовком «говорят ученые» и «теорию в жизнь»), так и графическом форматах (приводятся прекрасные фотографии почти к его каждой главе). Я считаю, что именно это сочетание (достаточно продуманное) визуального и текстового ряда, а также интерактивные задания, приводимые в конце глав, несомненно, усиливают его дидактический потенциал.

Отдельную ценность представляют и практические рекомендации авторов по по-

вышению эффективности нашего общения, которые могут быть вполне использованы для проведения тренингов по развитию навыков коммуникативной компетенции (см. «Как изменить образ самого себя: практические выводы для работы над собой» (с. 173), «Овладение умениями и навыками: стратегии адаптации к собеседнику» (с. 474), Приложения (с. 490-513)). Мне также понравилось и в концептуальном, и в содержательном планах тематическое наполнение Глоссария и Предметного указателя к учебнику (с.515-549).

Единственное, что, как мне кажется, требовало бы более тщательной доработки, так это списки литературы по главам. Скорее они выдержаны более в духе написания монографии, нежели учебника, где желательным было бы указать и списки обязательной и рекомендованной литературы к изучению.

Но самое приятное – что этот учебник издан, он лежит передо мной, я могу наслаждаться его чтением и с грустью констатировать, что в моей стране подобных изданий,

увы, пока нет.

Позволю себе закончить эту рецензию фразой из моего, наверное, самого любимого мыслителя двадцатого века Мартина Бубера. Так, он пишет: «Я должен ещё раз повторить: у меня нет учения. Я только указываю на нечто. Я указываю на реальность. Я указываю на то в этой реальности, что до сих пор не было замечено или было замечено очень мало. Я беру за руку того, кто слушает или читает меня, и веду его к окну. Я открываю окно и показываю ему то, что за этим окном.... Я говорю тем, кто слушает меня: это ваш опыт. Пересмотрите его, а то, что вы можете пересмотреть, рассматривайте опять как опыт» [цит. по Лифинцева 1999: 16-17].

Чтение этой книги стало полезным опытом для Меня, надеюсь, что станет интересным для Тебя, ее читатель, и для нас Всех, будучи именно той отправной точкой, которая позволила бы его пересмотреть ...

Е.И. Горошко

Список литературы

Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма, – М.–Харьков: ИД ИНЖЭК, 2003. – 437 с.

Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров / РАН ИНИОН (Серия: Теория и история языкознания). – М., 2000. – С. 7-25.

Лифинцева Т.П. Философия диалога Мартина Бубера. – М.: ИФРАН, 1999. – 133 с.

Майкл Томаселло. Истоки человеческого общения.: Языки славянских культур, – М.: 2011, – 323 с.

Майкла Томаселло, специалист по возрастной психологии, когнитивной лингвистике и антропологии. По данным личной странички в интернете, его основные научные интересы лежат в области социального познания, социального обучения и коммуникации, и, прежде всего, языка, его филогенеза. Сейчас теоретический фокус работ Томаселло – совместная интенциональность (shared intentionality), т.е. «способность участвовать с другими в совместных действиях с разделяемыми целями и интенциями».

Майкл Томаселло родился и получил психологическое образование в США. Еще в США он начинает экспериментальный анализ поведения детей от 1 года до 4 лет и приматов, чтобы ответить на вопрос, какие когнитивные и социальные особенности отличают человека от приматов. Результаты этих исследований привлекли внимание специалистов. По приглашению общества Макса Планка в конце 90-х гг. он переезжает в Германию и становится одним из директоров Института эволюционной антропологии имени М. Планка в Лейпциге.

В исследованиях М. Томаселло центральной базовой гипотезой выступает основной тезис психологии Л.С. Выготского – «закон социогенеза» всех высших психических функций человека. «Американский Выготский» проводит тщательное эмпирическое и теоретическое исследование социальных механизмов происхождения языка и других когнитивных функций.

Книга «Истоки человеческого общения» основана на цикле лекций, прочитанных М. Томаселло в Институте Жана Нико (Jean Nicod Institute) в Париже весной 2006 года. По его словам, основная идея лекций заключалась в следующем: «чтобы понять, как люди общаются между собой при помощи языка, и как эта способность могла возникнуть в ходе эволюции, сначала мы должны разобраться, как люди общаются при помощи естественных жестов». Гипотеза Томаселло

состоит в том, что первыми специфически человеческими формами коммуникации были указательный жест, а также изобразительные (иконические) жесты. Эти новые формы коммуникации возникли на основе общей социальной практики и связанных с ней новых форм социального познания и социальной мотивации.

Указательный жест и пантомимическая коммуникация, внедряясь в социальную практику, влияют на дальнейшее развитие совместного внимания и общего опыта и становятся, по мнению Томаселло, «важнейшими поворотными точками в эволюции человеческой коммуникации, уже воплощающими большую часть свойственных исключительно человеку форм социального познания и видов мотивации, необходимых для последующего создания знаковых языков». Таким образом, указательный и изобразительный жесты оказываются психологическим базисом для возникновения всех шести тысяч известных языков.

Выше уже отмечалось, что теоретическим фокусом работ М. Томаселло являются процессы совместной интенциональности (shared intentionality). Приглядимся внимательнее к этому понятию – совместно разделяемая интенциональность, или способность к разделению намерений, замыслов, целей. Это персональное понимание намерений других, участие в намерениях других, предполагающее, по мнению М. Томаселло, новые свойственные только человеку социально-когнитивные и социально-мотивационные навыки. Такое понимание возникновения совместных намерений сразу же напоминает идею «единства возможного действия, аффекта и интеллекта», т.е. того единства, которое, по мнению Л.С. Выготского, характерно для сознания «пра-мы», на почве которого вырастает слово и в филогенезе, и которое позднее расчленяется с помощью слова (см. Выготский, Младенческий возраст, 1984). Таким образом, центральное понятие М. То-

маселло оказывается близко системе понятий Л.С. Выготского, оно проясняет понимание Выготского, наполняет его тщательно выверенными экспериментальными и теоретическими аргументами.

Понятие совместной интенциональности позволяет Томаселло иначе взглянуть на процесс усвоения языка детьми. С его точки зрения, дети овладевают языковыми структурами с помощью считывания интенций (*intention-reading*) и нахождения образцов (*pattern-finding*) в их речевом общении с другими. Томаселло развивает основанную на употреблении теорию усвоения языка (*a usage-based theory*), которую также называют социально-прагматическим подходом к усвоению языка. В соответствии с этим подходом М. Томаселло критикует генеративную грамматику Н. Хомского, отвергая идею врожденной универсальной грамматики. Коротко остановимся на структуре книги, чтобы попутно прокомментировать и основные понятия, и их перевод.

Название первой главы в буквальном переводе звучит как «Фокус (внимания) на инфраструктуре». Русскоязычный читатель, встречая в отечественной прессе слово «инфраструктура», понимает его как что-то вроде общей структуры, однако, в английском языке существует и другое значение – это основание, невидимая базовая структура (ср. невидимые инфракрасные лучи, лежащие в нижней части спектра, от лат. *infra* – внизу). По Томаселло, такую «максимально скрытую, крайне сложную, специфичную для человеческого вида психологическую базовую структуру» человеческой коммуникации и – шире – других видов совместной деятельности составляют навыки и мотивы разделения намерений (*shared intentionality*). Об этой невидимой части айсберга обобщенно говорится в первой главе и более подробно, с разных сторон в последующих.

О жестовой коммуникации человекообразных обезьян и ее отличии от кооперативной коммуникации человека говорится в главах 2 и 3. Именно в третьей главе подробно раскрывается «базовая структура» человеческого общения.

Онтогенетический и филогенетический аспекты жестовой и словесной коммуникации рассматриваются в главах 4 и 5. В главе 4 Томаселло приводит убедительные данные, показывающие, что у младенцев кооперативная базовая структура формируется практически полностью до того, как начинается освоение речи. В пятой главе он приводит аргументы в пользу того, что кооперативная структура человеческой коммуникации является не случайным или отдельным свойством человеческого вида, а скорее лишь одним из проявлений крайне выраженного у людей стремления к сотрудничеству, хотя пока еще далеко не ясно, каким образом это стремление сложилось.

Глава 6 посвящена грамматическому измерению в языке. Развивая введенную в третьей главе идею возникновения в ходе эволюции трех основных видов коммуникативных мотивов, в шестой главе М. Томаселло говорит о 3 видах грамматики, соответствующих этим мотивам

В седьмой, завершающей, главе книги М. Томаселло кратко подводит итоги, рассматривает, как подтвердились выдвинутые гипотезы, и еще раз показывает продуктивность рассмотрения языка как способности разделять намерения других.

Итак, представляемая читателю книга посвящена анализу возникновения и эволюции человеческих форм коммуникации, как жестовых, так и речевых. Изучая жестовую коммуникацию у высших приматов и младенцев, автор приходит к выводу, что первыми человеческими формами общения были указательные и изобразительные (иконические) жесты. Эти формы вырастают при опоре на общее смысловое поле участников коммуникации (которое включает их социальные и культурные знания и совместную интенциональность). Названные компоненты входят в описываемую автором кооперативную модель человеческого общения. Кооперативная базовая структура совместной интенциональности и обеспечила появление жестовой коммуникации, а позднее и многочисленных конвенциональных языков.

Т.В. Ахутина

Татьяна Слама-Казакү
(25.01.1920 – 05.04.2011)

На 92 году после продолжительной болезни ушла из жизни Татьяна Слама-Казакү – румынская психолингвистка, основатель и почетный Президент Международного Общества Прикладной Психолингвистики (ISAPL – International Society of Applied Psycholinguistics), профессор Бухарестского университета.

Автор более чем 50 монографий и 500 статей по теории речевой и межкультурной коммуникации, детской речи и языка СМИ, Татьяна Слама-Казакү оставила значительный след в развитии психолингвистики. Долгие годы она была бессменным руководителем, идеологом и главным редактором Международного психолингвистического журнала (International Journal of Psycholinguistics), который является представительным междисциплинарным органом, публикующим актуальные материалы о проблемах языка и коммуникации.

Неисчерпаемая энергия профессора Сламы-Казакү позволяла ей активно участвовать в международных конгрессах и симпозиумах, направленных на развитие и популяризацию психолингвистики как науки о человеке и мире, языке и сознании, этносах и культуре.

Студенты, аспиранты и коллеги Татьяны Слама-Казакү будут с благодарностью вспоминать своего наставника и продолжать свою деятельность в рамках Бухарестской школы психолингвистики.

Российские ученые выражают свои соболезнования родным и близким выдающегося психолингвиста.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ И СОЦИУМЕ – 2

27–28 мая 2011 г. в Институте иностранных языков РУДН состоялась внеочередная международная конференция, организованная Институтом языкознания РАН совместно с Российским Университетом Дружбы Народов. Она явилась своеобразным продолжением конференции «Жизнь языка в культуре и социуме», проведенной в прошлом году.

Несмотря на то, что прошел всего год с момента последней встречи учёных, авторами было предложено более 130 докладов из семи стран мира (Россия, Египет, Казахстан, Киргизия, США, Франция, Украина). Россия в свою очередь была представлена около 30 городами, среди которых Абакан, Барнаул, Благовещенск, Волгоград, Воронеж, Иваново, Ижевск, Курск, Москва, Нижний Новгород, Пермь, Сочи, Сыктывкар, Тверь, Улан-Удэ, Челябинск и многие другие.

Конференция длилась два дня, в ходе которых было заслушано около 90 докладов, 7 из них прозвучали на пленарном заседании, открывавшем саму конференцию. Таким образом, в первый день в качестве приветственного слова на пленарном заседании прозвучали доклады, представленные известными учеными: «Принципы анализа жизни языка в культуре и социуме» (Е.Ф. Тарасов); «Многогранник бытия homo loquens: «язык – сознание – культура – коммуникация – сообщество» (В.В. Красных); «Русские десять лет спустя: от РАС I к РАС II» (Н.В. Уфимцева); «Русский язык повседневности как индикатор изменения этических установок (на материале московской городской среды)» (А.В. Кирилина); «Феномен молча-

ния в русском языке и культуре: к постановке вопроса» (М.Л. Ковшова); «Синтаксическая персеверация как фактор воспроизводимости модели сложного словосочетания» (К.Я. Сигал); ««Оптика» мифа» (И.В. Журавлев).

В этот же день после перерыва было проведено 5 секционных заседаний по следующим тематикам: «Речевое общение как объект социального познания» (сопредседатели Б.Л. Бойко, Л.В. Величкова, Е.Ф. Тарасов, И.Г. Жирова); «Сопоставительный анализ этнических вариантов общечеловеческих ценностей» (председатель Н.Л. Королева); «Ценностные регуляторы вербального и невербального поведения членов социума» (сопредседатели В.И. Жельвис, М.А. Пильгун, В.П. Синячкин, М.Н. Панова); «Современная русская культура и русский язык в диалоге культур» (сопредседатели В.Г. Борботько, Г.Т. Хухуни, Н.В. Уфимцева, О.В. Пыстина); «Гипертекст как социальный и культурный феномен» (сопредседатели А.А. Боронин, Е.С. Никитина).

Все доклады вызвали огромный интерес собравшихся, и обсуждение той или иной темы, затронутой в докладе иногда длилось даже дольше, нежели сам доклад. Каждый желал услышать ответ на свой вопрос, а также высказать своё мнение по той или иной проблеме; недаром на данной конференции не раз заявлялось о «необходимости разнообразия подходов» к решению той или иной проблемы, «основывающихся на идее об их неперемнной междисциплинарности».

Второй день конференции был не таким насыщенным в плане количества про-

веденных секционных заседаний, но не менее запоминающимся. Были проведены две секции, а точнее сказать получили своё продолжение две секции предыдущего дня: «Речевое общение как объект социального познания» (сопредседатели Н.И. Миронова, Т.Ю. Сазонова); «Современная русская культура и русский язык в диалоге культур (Н.В. Уфимцева, О.В. Балясникова).

В заключение второго дня ученые подвели итоги конференции. Все простились до следующего года, в котором, как известно, состоится 17-ый симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, и выразили надежду на то, что и впредь между ставшими уже традицией симпозиумами (они организуются раз в три года) будут проводиться подобные конференции.

А.Д. Арзамасцева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арзамасцева Анастасия Дмитриевна, аспирантка Института языкознания РАН, e-mail: arznastya@yandex.ru

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ, e-mail: akhutina@mail.ru

Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина, профессор кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет», e-mail: vladimir@4unet.ru

Боронин Александр Анатольевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков ГБОУ ВПО Московский государственный медико-стоматологический университет Минздравсоцразвития России, докторант кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУ ВПО Московский государственный областной университет, e-mail: inloco@inbox.ru

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук ГУ ВПО «Московский городской педагогический университет» (МГПУ), e-mail: aribubnova@gmail.com

Василевич Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики МГОУ, главный научный сотрудник сектора психолингвистики ИЯз РАН, e-mail: basilevich@mail.ru

Волкова Яна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета, e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Горошко Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», e-mail: olena_goroshko@yahoo.com

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН. e-mail: andrey4002775@yandex.ru

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и мировой литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического института, e-mail: nvdmitr@yandex.ru

Красильникова Варвара Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет», e-mail: vladimir@4unet.ru

Курганова Нина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: nkurganova@gmail.com

Курилович Юлия Анатольевна, аспирантка кафедры психолингвистики МГЛУ, e-mail:

Маклакова Елена Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Воронежской государственной лесотехнической академии, e-mail: elena.maklakova5@mail.ru

Миронова Наталия Изяславовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник филологического факультета Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: mironnat@rambler.ru

Нежура Елена Анатольевна, аспирантка кафедры профессиональной коммуникации и иностранных языков Курского государственного университета, e-mail: Elena_Nezhura@mail.ru

Ощепков Иван Владимирович, психолог (Москва), e-mail: illumina@tochka.ru

Пушкарева Виктория, соискатель кафедры психолингвистики МГЛУ,
e-mail: vic.pushkareva@gmail.com

Романова Антонина Александровна, научный сотрудник МГППУ ИПИО, педагог-психолог ЦДиК «Коньково», e-mail: tonechka_rom@mail.ru

Сметанина Татьяна Витальевна, кандидат филологических наук, доцент Байкальского государственного университета экономики и права, Иркутск,
e-mail: smetanina1tatiana@rambler.ru

Терентий Ливиу Михайлович, ректор МИЛ, кандидат политических наук,
e-mail: info@inyaz-mil.ru

Ушакова Татьяна Николаевна, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, главный научный сотр. Института психологии РАН, e-mail: tn.ushakova@gmail.com

Фрумкина Ревекка Марковна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора психолингвистики ИЯз РАН.

Черных Олеся Юрьевна, соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, ассистент кафедры зарубежной филологии филологического факультета Московского городского педагогического университета, e-mail: chernykhoul@mail.ru

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Wang Yong (Ван Юн), Professor, Vice-President of School of International Studies (SIS), Faculty of Humanities, Zhejiang University, China, e-mail: aribubnova@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ»

Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена в бумажном варианте и в электронном виде или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска по адресу: editorial-vpl@yandex.ru

На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в журнале.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

- название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
  - инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
  - аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
  - ключевые слова (обычно 5-7) на русском языке;
  - перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
  - аннотацию на английском языке;
  - ключевые слова на английском языке.
- Основной текст статьи должен содержать:

- введение, где необходимо указание на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;

- основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);

- заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;

- библиографический список.

Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере с полуторным интервалом между строками на одной стороне листа стандартного формата бумаги – А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами). Размер шрифта 12. Абзацный отступ – 1,25 см.

Все страницы рукописи в бумажном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

В электронном файле страницы не нумеровать!

Объем статьи – до 40000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом. Размер шрифта для аннотации и ключевых слов – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования.

Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

Особенности набора знаков, цифр, формул

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать O (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «i»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации принимают-

ся. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

Таблицы

Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц. Размер шрифта – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

При этом в тексте в квадратных скобках после цитаты указывается фамилия автора цитированного источника, год издания, если нужно – страница: [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий (подробнее см.: <http://www.bookchamber.ru/gost.htm>).

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сообщество психолингвистов нуждается в постоянной организации своей работы. Ранее таким средством служили только наши Симпозиумы. В настоящее время мы создали еще одно средство информационной поддержки работы нашего психолингвистического сообщества – это журнал «Вопросы психолингвистики», который издается Институтом языкознания РАН при поддержке Московского института лингвистики.

Для распространения журнала необходима коллективная поддержка. Мы обращаемся к Вам с просьбой организовать в Вашем научном подразделении подписку на журнал «Вопросы психолингвистики», чтобы сделать его доступным через ВУЗовские библиотеки как можно более широкому кругу исследователей. В первую очередь мы обращаем Ваше внимание на желательность ознакомления с журналом не только студентов старших курсов, но и преподавательского состава.

Как показывает практика последнего времени, круг людей, проявляющих интерес к журналу, постоянно расширяется. Подтверждением этому является высокий импакт-фактор Российского индекса научного цитирования «Вопросов психолингвистики» – 0,232 по данным 2009 г.

Напоминаем Вам, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс **37152**.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru.

